СЕРГЕЙ

ЛУКЬЯНЕНКО

ДЖАМП

ЗВЕЗДЫ – ХОЛОДНЫЕ ИГРУШКИ

ЗВЕЗДНАЯ ТЕНЬ

Миры Сергея Лукьяненко

Сергей Лукьяненко

Джамп: Звезды – холодные игрушки. Звездная Тень

«Издательство АСТ»

1997

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С.

Джамп: Звезды – холодные игрушки. Звездная Тень /
С. Лукьяненко — «Издательство АСТ», 1997 — (Миры Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-137687-1

Выйдя в космос, человечество установило контакт с Конклавом – объединением разумных существ, стоящих на разных ступенях развития. Сильные расы, управляющие Конклавом, поручают Слабым лишь самые незначительные операции, и именно эта незавидная роль досталась землянам. Молодой пилот Пётр Хрумов случайно ввязывается в заговор, целью которого является пересмотр условий взаимодействия в Конклаве. Расстановка сил не в нашу пользу. Джамп – уникальная способность перемещаться между мирами – единственное преимущество землян перед инопланетянами…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137687-1

© Лукьяненко С., 1997
© Издательство АСТ, 1997

Содержание

Звезды – холодные игрушки 6
Пролог 6
Часть первая 7
Глава 1 7
Глава 2 17
Глава 3 27
Глава 4 38
Глава 5 49
Часть вторая 60
Глава 1 60
Глава 2 73
Глава 3 86
Глава 4 97
Глава 5 106
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Сергей Васильевич Лукьяненко
Джамп: Звезды – холодные игрушки
Звездная Тень

© С. Лукьяненко, 1997, 1998
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Звезды – холодные игрушки

Пролог

Океан не помнил обид. Подобно небу, он верил в свободу, подобно небу – не терпел преград. Я стоял на мокром песке, волны лизали ноги, и так легко было поверить, что чужая звезда в небе – мое Солнце, а соленая вода – древняя колыбель человечества.

Вот только линия берега – слишком ровная. Прямая, как горизонт, и такая же фальшивая. Если пойти вдоль берега, то ничего не изменится: по правую руку потянутся низкие, словно подстриженные, рощицы, по левую – будет шипеть прибой. Лишь песок под ногами изменит цвет, из желтого станет белым, из белого – розовым, из розового – черным, и – обратно. Полоска пляжа неощутимо для глаз повернет вправо, ее покроет снег, потом снова потянется песок, и когда-нибудь, очень не скоро, я вернусь к этой же точке, где волны все так же будут ласкать берег…

Один человек – уже слишком много, чтобы изменить мир. Я сделал шаг, и вода с шипением заполнила мои следы. Мир – уже слишком мал, чтобы оставить его в покое. Да и нет для живых безмятежности. Только морю и небу знаком покой.

Я поднял правую руку, посмотрел на нее – и пальцы стали удлиняться. Я лепил их взглядом, превращая человеческую плоть в острые изогнутые когти.

Впрочем, есть ли у меня еще право называть себя человеком?

Часть первая
Счетчик

Глава 1

– Ты не захватишь письмо? – спросила Эльза. – Похоже, мы тут завязнем недели на две, муж начнет волноваться.

– Я бы на его месте не прекращал этого занятия, – неуклюже сострил я.

Эльза только улыбнулась, протягивая через стол конверт. Ее спутники сидели метрах в пяти, пили темное пиво и скалились, оглядывая нас. Ну еще бы. Я рядом с Эльзой выглядел просто цыпленком. Красивые немки – редкость, на мой взгляд. А Эльза Шредер мало того что была красивой – в парадной форме «Люфтганзы» она выглядела слегка цивилизовавшейся валькирией. Все эти побрякушечки на кителе, длинный ряд серебристых звездочек над левым нагрудным карманом, невесть как удерживающийся на белокурых волосах берет, здоровенный пистолет в запломбированной кобуре…

– А он и не прекращает, – серьезно сказала Эльза. С юмором у нее было куда хуже, чем с русским языком. – Ну как, захватишь?

– Конечно. – Я взял конверт, попытался засунуть его в карман. Конверт упирался. Эльза вздохнула, потянулась ко мне через столик, расстегнула куртку, опустила письмо во внутренний карман, где уже лежали маршрутный лист и «керосиновые талоны».

И с чего она знает униформу «Трансаэро» лучше, чем я сам?

– Спасибо, Петер, – произнесла Эльза низким мягким голосом. Похоже, коверкая мое имя на немецкий лад, она выражала свое расположение. – Ты хороший мальчик.

Я поперхнулся от обиды. А Эльза полюбопытствовала:

– Может, заедешь во Франкфурт, сам передашь письмо? Ты бывал во Франкфурте? Муж будет рад.

Вот всегда так – стоит оказать услугу…

– У нас расписание напряженное, я дома буду дня три всего, – буркнул я.

– Тогда в следующий раз, – легко согласилась Эльза. – Пока, Петер…

Она поднялась, и я запоздало спросил:

– Куда летите?

– Джамайя. – Эльза вздохнула. – Подвернулся фрахт.

– Птички?

– Попугайчики и воробьи. – Второй пилот «Люфтганзы» поморщилась. Я ее прекрасно понимал. Перевозить тысячу галдящих, гадящих, взбесившихся от тесноты и непривычной обстановки птиц – занятие не из приятных.

Эльза вернулась к своим приятелям, а я остался наедине с недопитой кружкой. Еще вчера я бы одной не ограничился. Но сегодня вылет, так что, по-честному говоря, и эта кружка незаконная.

Я исподлобья оглядел бар. Народу было много, и все сидели тесными кучками. Самая большая и шумная – американцы из «Дельты» и «Юнайтед эрлайнз». Чуть поменьше – японцы из «Джал» и англичане из «Бритиш эруэйз». Даже австралийцев из «Квантаса» и испанцев из «Иберии» я углядел. Наших – никого. Уступали мы в этом секторе позиции, здорово уступали. Я вздохнул, поднимаясь. Подошел к стойке, потянулся к телефону. Здоровяк-бармен, радостно улыбаясь, подвинул мне аппарат. Воскликнул:

– О! Янг рашен пайлот!

Он меня со вчерашнего дня запомнил. Бармены русских всегда любят. Мы им выручку делаем… даже в одиночестве.

– Пайлот, пайлот, – рассеянно сказал я. Снял трубку, набрал номер диспетчерской. Ответили не сразу. – Борт тридцать шесть – восемнадцать, «Трансаэро». Окно появилось?

Честно говоря, я надеялся, что сегодня вылететь не удастся. Можно было бы еще посидеть, попить хорошего пивка, выспаться в уютном гостиничном номере. Здесь мы бывали редко, жилье бронировали второпях, и потому мне выделили очень приличный люкс.

– Борт тридцать шесть – восемнадцать… – На том конце провода девушка-диспетчер защелкала клавиатурой компьютера. – Да, есть окно. В семнадцать ноль шесть. Подтверждаете вылет?

Я посмотрел на часы. Еще не было трех.

– Да.

– На медконтроль в двенадцатый кабинет и в Контрольный Центр, – любезно сказала девушка.

Опустив трубку, я хмуро посмотрел на бармена.

– Фьють? – радостно спросил он.

Вот именно, фьють…

Я кивнул и пошел к двери. Навстречу ввалилась целая толпа – не то китайцы, не то филиппинцы, пришлось прижиматься к стене. Воспользовавшись заминкой, я помахал немцам рукой, но они этого не заметили.

Шумно сегодня будет в «Старом Дональде Даке»…

После полумрака бара – тонированные стекла и плотные занавеси – снаружи немудрено было и ослепнуть. Я зажмурился, доставая темные очки, нацепил их и только потом огляделся.

Сириус-А и Сириус-Б выжигали небо до белизны. Ничего, кроме света, над головой. Никаких облаков, конечно…

Земной сектор занимал окраину космодрома. Солидную часть окраины, но именно окраину. Километрах в трех от поселка тянулись посадочные полосы – нежно-сиреневые плиты, которые не были ни бетоном, ни камнем, ни пластмассой. Уже много раз пробовали взять анализ сиреневого вещества, но пока это не удавалось. С год назад при посадке перевернулся английский челнок, пытавшийся на ходу сделать титановым скребком соскоб полосы. На дальнюю как раз садился шаттл – судя по раскраске, американский. В этом секторе торговлей занимались в основном они и французы. «Трансаэро» и «Аэрофлот» болтались в куда менее гостеприимных районах.

Между поселком и ПП стояли челноки, ожидающие очереди на взлет. Я отыскал взглядом свою «птичку» – ее уже начали выдвигать к стартовой башне. Двадцатиметровая труба, ощетиненная иглами-антеннами, и шар в основании – вот и все устройство для взлета. Как говорят у нас в компании: «С Земли надо взлететь, у Чужих надо сесть…»

Челноков было с полсотни. Оживленное место – Хикси-43, восьмая планета Сириуса-А. Единственная в этой системе, где бывают люди.

Я побрел к гостинице, втягивая голову в плечи, чтобы не напекло шею. Многие не понимают, почему мы, пилоты, при наших заработках предпочитаем отдыхать не южнее Прибалтики.

Им бы разочек позагорать под Сириусами, сразу возненавидели бы Гавайи…

Отель – теоретически – принадлежал ООН. Как и Центральный пост земного сектора космопорта. На самом деле он управлялся «Хилтоном». Я помахал морским пехотинцам у входа пропуском – безумное правило, введенное еще при постройке сектора и действующее до сих пор. Кого, интересно, собирались отлавливать эти здоровые парни с М-16 за спиной? Людям вход в гостиницу разрешен без ограничений, а чтобы отличить чужаков, пропуск не нужен.

Один из морпехов на меня вообще не отреагировал, другой приветливо улыбнулся. Мы с ним вчера поболтали в баре. Морпехов прикрывал от света зеркальный пластиковый козырек, за спиной у каждого крутился вентилятор. Им было не столько жарко, сколько скучно. Глазеть на взлеты-посадки, ухмыляться знакомым да заигрывать с редкими девушками – вот и все занятие…

В номере я принял холодный душ, не экономя лимитированную воду. Вечером она мне уже не понадобится. Вытираться не стал, слабо гудящий кондиционер все равно не разгонял духоту. Постоял у зеркала, изучая свое лицо.

Ну да, конечно, крутым пилотом я смотрюсь только на Земле. Когда иду по улице провинциального города… да и то в Москве на космонавтов особого внимания уже не обращают. «Хороший мальчик…» Вспомнив Эльзу, я с досадой выскочил в гостиную. Хоть бы усы росли погуще! Добродушный двадцатипятилетний теленок с соломенной шевелюрой и пухлыми щеками! Любой пилот видел мою биографию насквозь: ВВС, пара самостоятельных вылетов, ускоренные астрокурсы и старый шаттл, на который жалко сажать опытного человека.

Ну и ладно.

По большому-то счету различия между нами невелики.

Я оделся, покидал в чемоданчик немногочисленные пожитки. Вышел, прихлопнув дверь, отдал горничной на этаже ключи. Постоял, пока она оформляла на терминале мой выезд.

Девчонка была замотанная и усталая. Персонала в космопортах вечно не хватало. Каждый человек влетал в такую копеечку! Налог на потребляемый воздух, налог на амортизацию почвы, налог на изменение массы планеты – мало ли их выдумано Чужими? Это не считая прямых расходов. Лучше бы поувольняли дармоедов-морпехов, чем выматывать диспетчеров КЦ и обслугу…

– Щасливо долететь, – ставя безумные ударения, сказала девушка. – Пан еще вернется?

– Наверное.

– Хорошо отдохнуть, пане. – Девушка вздохнула: – Мой отпуск… ой-ой… полгода!

Я сочувственно покачал головой.

– Пан знае Бориса Косуху? «Аэрофлот»?

– Нет, – признался я. С основными конкурентами мы общались нечасто. Вовсе не потому, конечно, что компания проводила такую политику. Просто наши рейсы пересекались редко.

– Веселый человек, – сказала девушка. Вздохнула. – Думала, все русские пилоты веселые…

Глупо улыбнувшись, я пошел к лифту. Что она этим хотела сказать? Можно подумать, что я – грустный человек!

Время еще было, и, забежав в бар на первом этаже, я выпил чашку крепкого кофе «по-звездному» – с корицей и имбирем. Очень полезная штука, чтобы отбить запах пива. Здесь пилоты никогда не собирались, как-то так повелось, что «Дональд» был нашей территорией, а бар при гостинице оккупировали наземники. Но кофе готовили правильный.

Теперь – врач.

Административные корпуса были недалеко. Все здесь рядом, в космопортах на других планетах. И все-таки я успел вспотеть, пока добежал по бетонной дорожке к аккуратненьким трехэтажным зданиям. Юркнул в ближайшее – между собой здания соединялись переходами из зеркального стекла, и мучиться больше положенного не стоило. Охранник сочувственно кивнул:

– Жарко?

– Жарко, – подтвердил я.

На этом наша содержательная беседа как-то сама собой затихла. Я пошел по коридорам к госпиталю.

Двенадцатый кабинет был открыт, доносились голоса, хохот. От души сразу отлегло – речь слышалась русская. Постучав по косяку, я заглянул.

– А! – Врач, невысокий крепыш в зеленом хирургическом костюме, выбрался из-за стола. – «Трансаэро»?

– Так точно.

– Да заходи, чего встал!

Он облапил меня, представился:

– Костя! Просто – Костя.

Было ему лет тридцать, а может, немного побольше. Жизнерадостность и румянец мешали понять точнее.

– Петя, – буркнул я.

Две медсестры, чинно сидевшие на диванчике у окна, прыснули.

– Месяц земляков не видел! – продолжал шуметь врач. – Когда летишь?

– Через два часа.

– Жалобы есть? – Доктор тщетно пытался принять официальный вид. – А, о чем я… Садись.

– Все в порядке. – Я достал полетную карту, едва не выронив Эльзино письмо, протянул ее врачу.

– Ты откуда родом?

– Из Москвы.

– У… далеко. А я из Абакана. Так, колись, парень. Сколько сегодня пил?

Похоже, придется признаваться…

– Полкружки пива.

Врач погрозил мне пальцем, взял со стола алкогольный детектор.

– Если больше двух кружек – сегодня никуда не пущу! Дыши!

Я послушно дохнул в раструб.

– Еще раз, – вглядываясь в шкалу, потребовал врач.

Я задышал, как спринтер после дистанции.

– Слушай, а может, ты кефир пил? – полюбопытствовал врач. – Ну, молодец! Молодец, парень! Наши словно решили поддержать общее мнение – всегда пьянствуют перед стартом!

– Вчера вот… перебрал, – признался я.

– Сколько?

– Три кружки.

Медсестры и врач молчали. Потом доктор опустил приборчик в карман, задумчиво изрек:

– Да, случай интересный… Где твои бумаги?

Он шлепнул на карту печать, расписался, провел над полоской магнитного индикатора перстнем-кодировщиком. Спросил:

– А летаешь давно?

– Два года.

Одна медсестра неуверенно хихикнула, другая начала мне улыбаться. Очень милая девушка…

– Ты почаще к нам заглядывай, – заметил врач. – Я диссертацию пишу: «Влияние экстремальных экстратерральных условий на поведенческие императивы». Мне нужны самые полярные случаи.

– Как компания решит. Хотя мне тут не очень нравится, – признался я. – Жарко слишком. И местные… совсем уж хмурые.

– А чего им веселиться, у них через неделю сезон коллективной эвтаназии, – хмыкнул доктор. – Личинки дозревают, надо обеспечивать свободные пространства. Ладно… Петя. Счастливо долететь.

– Спасибо. – Я начал быстренько отступать к двери.

– Сувениры хоть прихватил? – спросил доктор.

– Конечно, – похлопав по карману кителя, сказал я. Медсестры очень неуверенно засмеялись.

– Обязательно заглядывай, Петя, – помолчав, сказал врач.

– Хорошо, Костя. – Я вышел.

Все, главная проблема снята. Допуск получен.

Я прошел в корпус Контрольного Центра. Там было полно морпехов, пришлось достать пропуск и нести его в руке. Я долго искал свободного диспетчера, наконец какой-то угрюмый парень внес мои данные в компьютер и подписал последние пункты разрешения. Мой челнок уже заправили и проверили, я отдал диспетчеру талоны на две с половиной тонны керосина и подтвердил отсутствие претензий.

Вот теперь совсем все, пожалуй.

До старта оставалось полтора часа. Можно было попросить кар, но я решил прогуляться до челнока пешком. Когда еще сюда попаду?

На Хикси я прилетел с грузом простым и не хлопотным. Картинами. Ну, знаете сами – маленькие такие, пятнадцать на десять сантиметров, в деревянных рамочках и под стеклом. На каждой – клочок моря, деревья на берегу, в небе луна, а по воде – серебристая дорожка. Художники честно старались обеспечить максимальное разнообразие, поэтому кое-где в море мелькали паруса, в небе летали птицы или луну затягивали облака. В общем-то зря они это делают, зрение хиксоидов куда совершеннее нашего. Им хватает той индивидуальности, которую придает картине выпавший из кисточки волосок или отпечаток пальца на темпере.

Обратно я вез груз еще более незатейливый – пластинки кортризона. Кажется, у хиксоидов они тоже служат украшениями. Но на Земле из пластинок делают самые лучшие бронежилеты и обшивку для новых моделей челноков. Хиксоиды не протестуют, хоть и могли бы воспользоваться Законом о Неправомерном Использовании. Видимо, считают, что люди хотят видеть свои корабли более красивыми.

Моя «птичка» из самых старых, обшита керамикой. Это – разработанная еще полсотни лет назад «Спираль», двадцатитонный челнок с небольшим грузовым отсеком. Конечно, он переделан, но внешне практически не изменился. С Земли «лапоть» – что поделаешь, форма такая, что прозвище к «Спирали» прилипло навсегда, – запускают стареньким, хоть и модернизированным «Протоном». Это ощущение не из приятных. Как говорят: «У Чужих приятно взлетать, на Землю приятно садиться».

У пропускного пункта на взлетное поле я последний раз предъявил пропуск и засунул его в карман. Все. Пора домой, пора-пора…

Обходя туши челноков, я двинулся к взлетной башне. «Спираль» уже заканчивали выдвигать на позицию, но персонал еще не отошел, и я ускорил шаг. Всегда интересно поглазеть на Чужих.

Команда была смешанная. Два исполинских, под три метра, хиксоида. Этакие серые богомолы. С виду жутковатые, но на самом деле, говорят, чертовски хрупкие создания. Я сам видел однажды, как хиксоид споткнулся, упал и переломил одну из опорных лап. Вот и сейчас хиксоиды стояли в порядочном отдалении от челнока. Двигали его три странных существа, похожие на черепах, но не в панцире, а покрытые складчатой кожей. Временами из складок высовывалось длинное тонкое щупальце и плавно сдвигало челнок на метр-другой.

Один из хиксоидов двинулся мне навстречу. Пасть – ну не поворачивается у меня язык ртом ее назвать! – распахнулась, и хиксоид проскрежетал:

– Пилот?

Я кивнул, борясь с желанием предъявить пропуск. Не их это дело – документы мне сверять.

Хиксоид отступил. Дождавшись, пока «черепахи» отползут от «Спирали», я направился к люку. Трап «черепахи» тоже подвинули, спасибо им. Оттянув утопленную ручку, я открыл люк. Покосился на хиксоидов, наблюдавших за мной, и вошел в челнок.

Чем меньше с Чужими общаешься, тем меньше дров наломаешь. А то ляпнешь что-нибудь, внешне абсолютно безобидное, – и вызовешь дипломатический кризис. Например, желать хиксоидам здоровья и долгой жизни сейчас было бы колоссальным издевательством.

В челноке было здорово. Прохладно, все-таки теплоизоляция будь здоров! Пахло кожей и пластмассой. И чуть-чуть электричеством – даже не озон, а какой-то неуловимый специфический запах обилия электронной аппаратуры. И совсем немного пряностями – я их месяца два назад перевозил, при посадке несколько упаковок лопнули и разлетелись по грузовому отсеку…

Шлюз был крошечный. Маленький пульт управления дверьми, шкафчик со скафандром, который я полгода не надевал. Дверь в рубку и дверь в грузовой отсек. Я включил герметизацию, и пока в стене гудели сервоприводы, подтягивая люк, наглухо запирая челнок, пошел проверить груз.

Кортризон – штука очень легкая. Пластинки, в точности соответствующие размерам привезенных мною картин, были упакованы в прозрачную пленку и принайтованы к стенам. На каждой упаковке аккуратно выведена масса и обозначен центр тяжести. Сверяясь со стандартной таблицей, я прикинул балансировку челнока.

Великолепно. Никаких проблем. Наверное, педантичные хиксоиды, которые лишь в искусстве ценят индивидуальность, привлекли для укладки груза счетчика.

Я запер грузовой отсек, запустил откачку воздуха и прошел в рубку. Подковка пульта тлела желтыми дежурными огнями. Активировав главный компьютер, я включил связь и общее тестирование систем. Уселся в кресло, застегнул ремни.

Справа от меня полагалось стоять креслу для второго пилота. На самом деле там стоял джампер, алюминиевый цилиндр метровой высоты. Я похлопал его по прохладному боку.

Глупо относиться к двумстам килограммам проводов и микросхем как к живому существу. Скорее уж можно здороваться с компьютером. Но у каждого свои причуды.

– Контрольный Центр – борту тридцать шесть – восемнадцать, «Трансаэро», – донеслось из громкоговорителя. – Готовы?

– Борт тридцать шесть – восемнадцать – Контрольному Центру. Почти готов.

– Стартовая башня дает десятиминутный отсчет. Время принятия решения – плюс три минуты.

– Вас понял. Жду подтверждения.

Я смотрел, как машина заканчивает тестировать свои собственные цепи, программы, резервный компьютер, системы челнока. Через две минуты сорок секунд включил связь и доложил:

– Борт тридцать шесть – восемнадцать – Контрольному Центру Хикси. К взлету готов.

– Удачи, пилот.

Как там говорил Гагарин? «Поехали»…

На экране дисплея недоуменно замигал силуэт челнока, обозначающий его положение в пространстве. Утратив равновесие, шаттл покачивался, задирая нос в белое небо.

Меня запускали.

Ни малейшей перегрузки. Все те же «ноль восемь же», что и на поверхности Хикси. Изолированная гравитационная флюктуация с моей «птичкой» внутри рвалась в космос.

Это не походило на старт. Скорее планета проваливалась, убегала из-под челнока вниз, утрачивала плоскость, разворачивалась в шар. Послышался голос диспетчера:

– Борт тридцать шесть – восемнадцать. Ты уже летишь.

– Вижу.

– Долгого джампа!

– Спасибо, Хикси.

Легкая пелена вокруг шаттла – облака на Хикси все-таки были, просто их не увидишь с поверхности. Снова чистое небо, но уже голубеющее, пародирующее земное. Нос челнока качнулся, наклоняясь, меня погнали навстречу вращению планеты, выводя на орбиту. Стартовая башня способна контролировать челнок на расстоянии прямой видимости. Этого вполне хватает для набора первой космической скорости.

– Борт тридцать шесть – восемнадцать. Контроль космопорта дал информацию о твоем коридоре… – Диспетчер запнулся.

– Что такое, Хикси?

– На глиссаде крейсер алари!

– Вы что, сдурели? – завопил я, косясь на экран радара.

– Это не мы, «Трансаэро». Ты должен понимать. – Диспетчер тоже был вне себя. Вот только эмоции контролировал лучше. Его можно понять… он внизу, на поверхности Хикси.

– Курсы пересекаются?

Паниковать времени не оставалось.

– Возможно…

– Время?

– Плюс двести секунд к выходу на орбиту. «Трансаэро», мы уже заявили официальный протест…

Я вдавил клавишу, отрубая громкоговоритель. Компания потом решит, подавать ли на полетный контроль Хикси в межрасовый трибунал. А мне надо спастись.

Джампер-пульт прикрывала прозрачная пластиковая крышка. Я откинул ее и дал мощность на генератор.

Сволочи… сволочи, их даже обвинить не в чем. Время подготовки к джампу – две минуты. С точки зрения Чужих, у меня вполне хватает времени, чтобы разминуться с крейсером.

«Экстренный джамп… Точка отправления – Хикси. Точка выхода – Земля. Автоопределение промежуточного пункта. Допуск…» На мгновение я запнулся, прикидывая, какую границу допуска могу себе позволить. «Ноль целых три сотых процента… Ввод».

Либо я уложусь в три сотых, либо мне предстоит веселая космическая чехарда.

Взлетная башня все еще вела меня, добавляла последние проценты орбитальной скорости. Хикси стлалась желто-белым холмом. Вокруг – лишь чернота и звезды.

Кресло ушло из-под меня, «индикатор гравитации» – привязанный леской мышонок из пушистого синтетического меха – поплыл в воздухе. Башня отключилась, и невесомость приняла челнок в самые ласковые в мире объятия. Все. Я в свободном полете. А самое главное – вне атмосферы. Теперь можно включать джампер, не беспокоясь, что часть планеты отправится в путешествие вместе с челноком. Я снова посмотрел на радар.

Крошечная точка на самом краю экрана. Большой крейсер. Очень большой. Любят маленькие шкодники-алари исполинские корабли…

– Давай, давай, – прошептал я компьютеру. Надпись «работаю» на дисплее особой уверенности не придавала. Порой расчет занимал до получаса.

Точка наплывала. Прикинув направление, я вывернул голову, вглядываясь вперед по направлению полета. И увидел далекий блеск над дугой горизонта.

Вряд ли мой челнок идет так неудачно, чтобы попасть крейсеру «лоб в лоб». Но этого и не требуется. На дистанции до восьми километров меня сметет энергетический щит крейсера. Или я просто попаду в область искривленного пространства, остающуюся в кильватере крейсеров до четверти часа. Шаттл развалится, как гнилая лодка от удара цунами.

– Давай, сволочь! – крикнул я джамперу. И он как будто услышал.

«Расчет закончен».

Я не стал смотреть на диаграммы курса. Не отрывая взгляд от крейсера, уже превратившегося в видимый невооруженным глазом диск, нащупал клавишу пуска, сдвинул фиксатор. Джампер тихо загудел, переходя в режим готовности.

Крейсер алари был прекрасен. Диск диаметром метров восемьсот, усыпанный башенками непонятного назначения. То ли оружейные гнезда, то ли жилые отсеки – кто из людей может похвастаться тем, что побывал на крейсере алари? В толщину диск был метров пятьдесят, если меня не подводила память, и у основания размещались три решетки гравитационных двигателей. Сейчас они должны мерцать сиреневым светом – метрика пространства рвется, не выдерживая гигаватт энергии, истекающих в космос. Не дай бог увидеть этот свет.

Алари не слыли самой воинственной расой. Но крейсера их были хороши. Я вспомнил документальный фильм, который нам крутили на курсах: два крейсера алари, разносящие в пыль *планету.* Этот грациозный танец на орбитах, тонкие лучи, полосующие поверхность, – мутно-оранжевые огненные валы катились по континентам. Потом разворот к планете двигателями – и сиреневое пламя на весь экран. И пыль, рои астероидов, в которые превратилась планета. Скалы, сгорающие на силовых щитах крейсеров. Ад, сотворенный за пару минут.

Мы даже не знаем, что это была за планета. С населением или без. Алари предоставили нам запись просто так, для информации.

Мы приняли ее к сведению.

Видят ли они меня, алари? Наверняка. Я посмотрел на танцующего над пультом мышонка. Почти копия алари, только поменьше. Как насмешлив космос – мы стали бояться мышей. Двадцатикилограммовых пушистых грызунов, чьи крейсеры разносят планеты.

Что они думают, глядя на человеческую скорлупку с жидкостными реактивными двигателями, идущую встречным курсом? Ждут фейерверка? Они не собираются маневрировать, они ползли к Хикси несколько месяцев, ломая пространство, и теперь мечтают оказаться на твердой поверхности.

– Счастливо оставаться, мышки, – сказал я, нажимая на клавишу джампа.

Джампер тонко взвизгнул, когда конденсаторы выплеснули запасенную энергию на антенну. Кажется, я успел увидеть *ничто.*

Пространство вокруг корабля раскрылось, пропуская челнок в свою изнанку.

Джамп.

Да, мы самые отсталые в этом мире. Самые дикие.

Но самые быстрые корабли – наши.

Джамп. Двенадцать с хвостиком световых лет, неизменная дистанция, она всегда одна и та же, не зависит ни от конструкции джампера, ни от массы корабля. Это что-то, заложенное в саму природу пространства, неизменное, как гравитационная постоянная или число «пи». Потому я и прыгаю не к Земле – она ближе к Сириусу. Мой шаттл ушел в сторону, в ту область космоса, откуда дистанция до Земли составит «двенадцать с хвостиком»…

Джамп.

Ни времени, ни ощущений. Только радость. Эйфория в чистейшем виде. Сверкающая тьма, полная безопасности и покоя. Секс, наркотики, алкоголь – все это ничего не стоит по сравнению с джампом. Ничего…

Как жалко, что мне нечем стонать от счастья.

В джампе нет времени. Мы проходим вне привычного пространства, и никакие хронометры не в силах зафиксировать тот отрезок времени, когда корабль преодолевает «двенадцать с хвостиком». Субъективно – джамп бесконечен.

Сладостная вечность…

Вот что гонит нас в космос, вновь и вновь. Не деньги и ордена, щедро раздаваемые компаниями и правительствами. Не экзотика чужих миров – нет ее, по сути, никто не выпускает нас за пределы космопортов.

Сладостная вечность джампа. Эйфория, с которой не сравнятся никакие земные удовольствия.

Ничто сменилось темнотой, наслаждение – болью. Нет, не болью – джамп не оставляет никаких вредных последствий. Но по сравнению с ушедшей эйфорией любое состояние – боль.

Я лежал в кресле, прижатый ремнями к мягким подушкам. Невесомость казалась перегрузкой. Одежда свинцовыми пластинами давила на кожу. Веки были шершавыми, как наждак, режущими глаза при каждом движении.

Ничего, ничего, будет еще один джамп…

Застонав, я открыл глаза. В челноке царила полная тьма. Лишь сквозь лобовые стекла сияли звезды. Здесь они ослепительны и колки, как иглы. Но света не прибавляют.

Джампер тихо потрескивал, остывая. А еще звенело в ушах – тонкий, скулящий звон. И больше ни одного звука. Челнок был полностью лишен энергии, как всегда после джампа. Расстегнув подрагивающими пальцами карман, я достал трубочку фонарика, переломил – жидкость внутри забурлила, разгораясь холодным синим сиянием. Блеснули потухшие экраны пультов, бронированные стекла.

– К-круто, – сказал я самому себе. – А, Петя? Круто?

В ушах все еще звенело. Я отстегнул ремни, повис над креслом, держась за подлокотники, не отрывая взгляда от парящего над пультом фонарика. Прошла минута, вторая, потом на пульте начали робко вспыхивать огоньки. Аккумуляторы потихоньку отходили от джамп-шока. Вот заработала система аварийной вентиляции, построенная на простейших электрических цепях. Для работы ей нужно только напряжение. Потом ожил компьютер, мигнул парой строчек и недоуменно затих. Информации на дисках не было. Все носители, которые в момент джампа находятся под напряжением, стираются начисто. Маленькое неудобство для пилотов – и огромная удача для человечества.

Из контейнера под правым подлокотником кресла я достал первый из компакт-дисков, вставил в прорезь пульта. Начнем с азов… Диск завращался, компьютер жадно глотал операционную систему, программы жизнеобеспечения, тестовые программы. Пора оживать, дружок… Я оттолкнулся, перемахнул через кресло, поймав в движении фонарик. Полагается осмотреть челнок. Впрочем, мне куда больше хотелось поглазеть в иллюминаторы. Побыстрее, пока не включилось освещение, пока компьютер не оживил основные системы челнока и робкий шелест вентиляции не сменился привычным гулом.

А звон в ушах все не проходил…

Я повис перед иллюминатором правого борта, вглядываясь в космос. Вот он, Сириус, одна из обителей хиксоидов. Яркая белая звезда. А если вывернуть голову до отказа, то видна почти прикрытая носом челнока маленькая желтая звездочка – Солнце.

Компьютер тихо пискнул, закончив считывать первый диск. Я оттолкнулся от стены, подплыл к пульту, сменил сидишник, посмотрел на дисплей. Все в порядке, главные цепи уже запущены, идет проверка систем. Откуда же у меня странное ощущение неправильности? Откуда тревога? Что не так?

Включилось освещение, маленькая кабина наполнилась светом. Забавно, наверное, выглядит шаттл со стороны – сияющая песчинка среди бескрайней пустоты. При желании можно натянуть скафандр, выйти наружу – например, под предлогом осмотра груза, – и сделать пару фотографий. Но у меня не настолько крепкие нервы, чтобы болтаться вне кабины, наедине со звездами и пустотой.

И без того не по себе. В чем же дело?

Я покрутил головой, проглядывая экраны оживающих пультов, аварийные датчики, пытаясь сквозь плывущий в ушах скулеж поймать хоть один тревожный сигнал.

Черт!

Не в ушах у меня звенит! Звук шел из шкафчика с инструментами и продуктами!

Вот это влип!

Я расстегнул кобуру, достал пистолет. Передернул затвор – конденсатор из обоймы скользнул в казенник. Что ни говори, а лазерные «Кнуты» российских авиакомпаний имеют одно огромное преимущество: из них можно стрелять в кабине челнока. Луч слишком слаб, чтобы прожечь корпус. Это оружие тоже ровесник «Спирали», его разработали еще для лунной программы.

Мы так и не слетали на Луну.

Мы стали летать к звездам. К неприветливым искрам в небе, которые не принадлежат нам.

И никогда не будут принадлежать.

Главное было – не сомневаться. Минутное размышление – и мне не хватит отваги открыть шкаф. Обезумевший хиксоид… нет, хиксоид в этот шкафчик не влезет… да кто угодно, пусть даже мышонок-алари без бронекостюма, в любом случае утратившее разум существо – опасный враг.

Оттолкнувшись ногами от пульта, я подлетел к шкафчику, сдвинул предохранитель – на пистолете зажегся зеленый огонек – и распахнул дверцу.

На нижней полке, среди прижатых резинками пакетов с одеждой, подергивался и тихо, звеняще выл чешуйчатый серый шар.

Счетчик!

Я чуть отплыл от шкафчика, не отрывая взгляд от скулящего существа.

Ой-ей-ей…

Какого лешего ты сюда забрался, рептилоид? Для тебя не было проблемой вскрыть кодовые замки. Что такое миллион комбинаций для существа, обгоняющего в скорости мышления любой земной компьютер и способного напрямую подключаться к электронным цепям… Но зачем ты ринулся навстречу безумию?

Лишь для нас, людей, джамп – сладостная вечность.

Ни один Чужой не способен перенести прыжок сквозь изнанку пространства и остаться в здравом уме. Это открылось двадцать лет назад, когда патрули хиксоидов зажали у Сириуса американский челнок и состоялся тот самый долгожданный Контакт.

Это и спасло человечество.

Мы заняли ту странную нишу, которая была свободна в галактической иерархии рас. «Чайные клиперы» космоса… Для Чужих путь от звезды к звезде – месяцы. Для нас – часы или минуты. Не самая приятная роль – работать извозчиком.

Но по крайней мере она дает нам свободу.

Рептилоид по-прежнему стонал и вздрагивал в своей эмбриональной позе. Что с ним творится… невозможно представить. Нечеловеческая психика, а теперь еще и нечеловеческое сумасшествие. Одно хорошо, счетчики – одни из самых слабых и беззащитных существ космоса.

Я протянул руку, коснулся мягкой, словно бархат, чешуи. Рептилоид вздрогнул под рукой, сплющился, выдвинув маленькие лапки.

– Дурак ты, дурак… – прошептал я.

Счетчик мелко трясся, разворачиваясь. Он походил на крупного варана или, скорее, на броненосца. Теплокровный, кажется – яйцекладущий… мало мы знаем о своих небесных соседях.

– Что теперь делать, а? – спросил я. За спиной попискивал компьютер, требуя очередной диск. Ничего, потерпит. Жизненно важная информация уже введена.

Рептилоид наконец-то выпрямил короткую шею, оттянул от брюха маленькую треугольную голову. Мигнули, поднимаясь, серые зрительные перепонки.

Глаза у счетчика были нежно-голубые, раскосые.

– Тебе уже все равно, – сказал я, пытаясь отвести взгляд. – А мне теперь трибунал светит. За похищение Чужого. Кто поверит, что ты сам забрался в челнок?

Узкий рот рептилоида открылся, обнажая ровные жевательные пластинки.

– Не-не-не… – прошипел счетчик.

Меня пробила дрожь. Я дернулся, закувыркался, затормозил у потолка, повис над шкафчиком, целясь в рептилоида.

– Не у-би-вай… – Существо, которое должно было быть безумным, уцепилось лапками за пакет с парадной формой. Затрещал рвущийся полиэтилен. – Че-ло-век не уби-вай важ-но нам о-бо-им.

Чего стоят эти слова рептилоиду с его крошечными легкими и неразвитыми голосовыми связками? Они всегда общались на уровне электронных импульсов, счетчики. Живые компьютеры космоса. Такие же слуги, как мы.

Просто – более старые слуги.

– Про-шу че-ло-век…

Для него эти слова – крик. Надрывный вопль в совершенно чужой коммуникационной системе. Есть ли у него слух – чтобы услышать мой ответ?

И что я могу ответить?

Как на вводной лекции в астрокурсах с нами беседовал Джеймс Макнамара, капитан шаттла «Эксплорер», человек, осуществивший первый контакт… Как он рассказывал всем известное – про обезумевших после джампа хиксоидах и впавших в кому алари… а потом добавил то, что никогда не говорится на публике.

«Мы думали, что случившееся – гибель человечества. Но оказалось, что это его спасение. В тот день, когда Чужие научатся переносить джамп, независимости Земли наступит конец».

Вот он, конец. Счетчик, не сошедший с ума после джампа.

– Я – друг… – прошипел рептилоид. – Я – друг, я – друг…

Глава 2

Самое сложное в космосе – это вовсе не полет. Самое сложное – ориентирование. Даже на околоземной орбите это очень ответственная процедура, что уж говорить о межзвездном пространстве.

Моя «птичка» ориентируется по шести звездам. Вначале я грубо навел датчик на Сириус – машина придирчиво сверила его спектр с эталонным и согласилась с моим мнением, что это именно Сириус. Потом несколькими толчками двигателей ориентации я нацелился на Фомальгаут. Дальше компьютер будет работать сам. Шесть ориентиров. И вычисления – миллионы, миллиарды операций, чтобы рассчитать ту цепь прыжков, что выведет «Спираль» к Солнечной системе, более того – именно к Земле.

Если мой челнок выскочит из джампа где-нибудь в районе Марса – меня, вероятно, спасут. Если в районе Плутона – придется уходить на повторный заход… такое бывает довольно часто. Но порой энергия или кислород кончаются раньше, чем челнок выходит к Земле. А иногда от серии джампов пилоты впадают в гиперпространственную эйфорию. И начинают бесконечные прыжки в никуда – джамп ради джампа, пока не иссякнет энергия…

Я развернулся в кресле и посмотрел на рептилоида. Счетчик сидел на цилиндре джампера – жутковатая фигура, что-то вроде маленькой ожившей горгульи.

– Как мне тебя называть? – спросил я.

Наверное, он размышлял, но очень быстро. Казалось, что ответ был готов мгновенно.

– Зови меня Карел.

– Это человеческое имя.

– Да. Так звали первого… – Пауза, рептилоид втягивал воздух, чтобы продолжить фразу: —…представителя вашей расы… с кем мы наладили общение.

– И ты считаешь это достаточным основанием, чтобы позаимствовать его имя?

– Да. Я не прав?

– Какая разница. – Я пожал плечами.

Теплокровная яйцекладущая ящерица по имени Карел смотрела на меня прозрачными голубыми глазами. Ожидающе смотрела.

– Я – Петр.

– Это имя связано с твоими религиозными убеждениями?

– Чего? Да нет, это просто имя.

– Хорошо.

Шаттл снова задрожал, разворачиваясь. Делал он это медленно и неуклюже: что ни говори, а системе ориентации – полвека. Конечно, ее дорабатывали, улучшали, но при всем желании «жигули» в «мерседес» не превратишь.

– Требуется помощь? – с едва заметной вопросительной интонацией произнес рептилоид.

– Какая?

– В расчетах.

– Спасибо, обойдемся.

– Я хотел бы быть полезным.

Вот уж радость – нашелся второй пилот…

– Ты мне не нужен. Какого черта вообще залез в мой корабль?

Счетчик втянул треугольную голову, словно испытывая смущение.

– Петр, я несу важную информацию.

– Для кого?

– Для людей.

Я кивнул. Очень содержательно.

– А от кого?

– От счетчиков.

– Только не надо меня держать за простофилю, ладно? Мы кое-что о вас знаем!

– Что? – прошелестел рептилоид.

– Вы не имеете решающего голоса в галактическом Конклаве. Ваша планета – коллективная опекаемая территория с преобладающим влиянием хикси и даэнло. Что вы можете сделать для человечества?

– Дать ему силу и власть.

Голосок у рептилоида был ровным и скучным – видимо, передача эмоций давалась ему с трудом.

– Ты врешь, счетчик.

– Карел.

– Хорошо. Ты врешь, Карел. Человечество не нуждается в помощи.

– Ваша планета имеет статус наблюдателя в Конклаве. Вы находитесь под консультативной опекой хикси и даэнло. Сильные расы сочли, что это проще, чем брать Землю под протекторат, и выгоднее, чем уничтожать. Вы имеете право основания колоний, но только после отказа от планеты всех рас с правом решающего голоса. За двадцать лет ни одна открытая людьми планета не была передана Земле.

– Нам пока хватает места.

– Пока. Вам никогда не позволят распространяться по галактике. Вы останетесь резервацией. Будете возить срочные грузы – до тех пор, пока не найдут альтернативы джампу.

Компьютер пискнул и мягким женским голосом произнес:

– Расчет джампа закончен. Жду указаний.

Под пристальным взглядом счетчика я протянул руку к пульту, набрал на парольной клавиатуре код. Одна из панелек на пульте сдвинулась, открывая маленькую нишу с тремя клавишами. Ниша была подсвечена красным светом.

– Что это? – спросил рептилоид.

– Это смерть-пульт, Карел.

Я осторожно провел пальцами по клавишам. Нажать их непросто, они тугие, на тренажере все курсанты в этом убедились.

– В нашей присяге, Карел, есть такая фраза… – Я искоса следил за ним, пытаясь уловить хоть какое-то движение. – *Высшей ценностью будут для меня интересы человечества. Любой ценой я буду защищать его от угрозы, от кого бы она ни исходила.*

– Это разумное обещание, – сообщил рептилоид.

– Я могу отправить шаттл в джамп-серию, сжечь джампер или подорвать топливные баки. В любом случае – это наша смерть.

– Зачем, Петр?

– Чтобы никто не узнал, что вы можете переносить джамп.

Я не то чтобы врал. Честно говоря, я просто не мог понять, готов ли надавить одну из клавиш. Но счетчик отнесся к моим словам абсолютно серьезно.

– В этом нет необходимости, Петр. В этом нет никакой необходимости. Абсолютно нет.

– Докажи. – Я опустил палец на клавишу джамп-серии.

– Иные расы не знают, что счетчики способны выдержать джамп.

– Они могут узнать.

– Это не поможет, Петр. Наш метод только для нас. Он уникален.

– И в чем он состоит?

– Я отвечу на Земле.

– Что ты хочешь предложить людям?

– Я отвечу на Земле.

– Почему?

– Мы мало о тебе знаем, Петр. Мы не решили, можно ли тебе доверять. Информация очень ценна, если Сильные расы узнают ее – будет потеряно слишком многое.

Я не сразу осмыслил его намек.

– Ты что, хочешь сказать, что я могу предать Землю и сообщить твои слова Чужим?

– Да.

А чему я, собственно, удивляюсь? Ведь даже на «Эксплорере» была Эвелин Ракш, «проклятие феминизма» и «позор афроамериканцев», чернокожая женщина-пилот, навязанная в экипаж показушниками из НАСА. Милая молодая женщина, без всяких пыток и угроз выложившая хиксоидам абсолютно все. И что такое джамп, и как управляется челнок, и где находится Земля… Конечно, и без ее помощи Чужие узнали бы это. Но факт остается фактом.

Я видел пленку с записью ее допросов на Земле. Она так и не смогла объяснить своего поступка. Поскольку адвокат строил защиту на непроверяемом утверждении о пси-воздействии хиксоидов на его подопечную, Эвелин была просто отстранена от космической программы. Ей пришлось сменить имя и перебраться куда-то в Канаду, где она и покончила с собой через полгода. Может быть, она и впрямь шагнула с балкона, может быть, ей помогли, не знаю…

– А кому ты мог бы довериться? Директору «Трансаэро»? Ассамблее ООН? Президенту России?

– Андрею Хрумову.

Я долго молчал. Счетчик сразил меня наповал.

– Ты знаешь, кто он?

– Психолог, участник первых контактных переговоров Земли и галактического Конклава. Автор «Манифеста обреченных».

– А еще?

– Твой предок по мужской линии.

– Мой дед.

– Дед, – согласился счетчик.

– Карел, дед тебя убьет, если сумеет догнать.

– Я передвигаюсь медленно.

– Он тоже не быстро, ему за семьдесят. Но он будет очень стараться. Ты потому и забрался в мой челнок, что хочешь встретиться с дедом?

– Один из факторов, – признал счетчик.

– Карел, никогда не думал, что ваша раса столь безумна. Искать помощи и сотрудничества у человека, который ненавидит все инопланетное, у самого отъявленного шовиниста…

– А кто тебе сказал, что мы не шовинисты?

Я посмотрел в глаза рептилоиду. Тот медленно разжал рот, изгибая его в улыбке. Надо же. У живых компьютеров есть чувство юмора.

– Не нравится мне это, – признался я. – Блин. Так я влип из-за деда? Вначале едва на курсах не завалили, потом брать на работу не хотели, теперь – в такой навоз вляпался?

– Что поделаешь. Это общая проблема тех рас, чьи граждане не могут выбирать своих родителей, – сказал счетчик.

Я закрыл панель смерть-пульта. Мне показалось, что счетчик облегченно вздохнул.

Навигационный расчет едва не пропал даром. Я слишком долго разговаривал со счетчиком, запугивал его смерть- пультом, а время принятия решения истекало. Звезды скользили по своим орбитам, и с каждым мгновением шансы на удачный джамп истекали.

– Приготовься, – сказал я счетчику. Тот понял и подобрался, цепляясь за кожух джампера, скользя коготками по металлу. Глаза рептилоида закатились.

Как же он выдерживает джамп?

За четыре секунды до автоматического сброса навигационных расчетов я нажал кнопку джампа, и пространство вывернулось наизнанку.

О-о-о!

Дольше, дольше, дольше…

Пусть этот миг не кончается, пусть корчится от ужаса счетчик, пусть тщетно добивается равноправия Земля, пусть Сильные расы играют в свои взрослые игры… Плевать, лишь бы продлить этот миг, превратить его в вечность…

Я открыл глаза.

Темнота и скулеж счетчика.

Как тяжело возвращаться в реальность.

Химический фонарик замерцал в моих руках. Я увидел тоненькую ниточку собственной слюны, плывущую в воздухе и медленно сворачивающуюся в шарик. Смахнул ее рукавом, поискал взглядом рептилоида. Как тяжело двигаться…

Счетчик дрейфовал у лобового иллюминатора, рядом с игрушечным мышонком. Кажется, этот джамп дался ему тяжелее – чешуйчатое тело тряслось в непрерывных мелких судорогах.

– Счетчик! – позвал я. – Карел!

Очень медленно рептилоид отвел от брюха голову и прошептал:

– Прошу прощения…

– Как ты это делаешь? – резко спросил я. – Как выдерживаешь джамп?

– Я… – Пауза. – Объясню позже…

Потянувшись, я схватил его за переднюю лапу и подтащил к пульту. Счетчик торопливо забрался на свой насест.

Он все готов объяснить, но позже. Может быть, когда станет слишком поздно. Одобрят ли на Земле мой поступок, или напомнят о присяге и смерть-пульте? Не знаю. Но вначале надо добраться домой.

Сбросив ремни, я скользнул к иллюминатору левого борта. Ничего интересного – только звезды. Вроде бы рисунок созвездий очень привычный, неискаженный.

– Мы прилетели? – полюбопытствовал счетчик.

– Да, вот только куда? – Я оттолкнулся, перелетая через кабину. Взглянул в другой иллюминатор – тоже ничего особенного. Ладно, придется потерпеть. Челнок медленно вращается вокруг оси, что-нибудь да увижу.

Пискнул компьютер – приборы оживали.

– Необходимо вставить носитель информации? – спросил счетчик. Я посмотрел на него – он уже перебрался в кресло, тянулся лапой под правый подлокотник. Хорошо подготовился, знает, где что лежит.

– Сумеешь?

– Вероятно, да.

С полминуты счетчик возился с замком – три длинных тонких пальца на лапах были достаточно подвижны, но им не хватало противостоящего. Наконец двумя лапами он открыл защелку и вытянул лазерный диск.

– Валяй… Карел, – буркнул я. Словарный запас у счетчика был отменный – он понял.

Пару минут я пялился в холодное сияние космоса, а рептилоид возился у пульта, тихо шипя, когда рассчитанные на людей кнопки не поддавались его усилиям.

– Могу ли я подключиться к системе напрямую? – спросил счетчик после особенно бурной схватки с сидиромом. Я не ответил, потому что очередной оборот челнока наградил меня действительно красивой картиной.

– Карел! – негромко позвал я.

Рептилоид медленно подплыл ко мне.

– Гляди.

Сатурн выглядел как на фотографии в детской книжке. Кольцо было повернуто к нам плоскостью под небольшим углом, и солнечный свет вычерчивал его рельефно и предельно красочно. На фоне желто-коричневого шара планеты, какого-то плоского и не впечатляющего, кольцо казалось куда более вещественным и массивным… вьющаяся в космосе каменная река.

– Красиво? – спросил я, сам удивляясь своему вопросу. Что такое понятие красоты для чужой расы?

– Да. – Счетчик дышал тяжело и часто. – Это… похоже на дом.

– На твою планету?

– Да…

Здорово. В справочнике данные о родной планете счетчиков полностью отсутствовали. Теперь можно смело записать: «окружена кольцом»…

– Это Сатурн? – спросил счетчик. – Джамп оказался удачным?

– Сатурн. Но ничего хорошего в этом нет.

Рептилоид уставился на меня.

– Карел, на моем корабле жидкостные ракетные двигатели. Ты ведь знаешь, что это такое?

– Дрянь, – безжалостно сказал счетчик.

– Верно. И чтобы вернуться на Землю, челнок должен оказаться от нее на расстоянии не более пятисот тысяч километров, в плоскости эклиптики и со скоростью относительно планеты не более сорока километров в секунду.

– Дрянь… – повторил счетчик. – Вы часто гибнете?

Я не ответил, любуясь уплывающим из поля зрения Сатурном. На краю иллюминатора разгорался ослепительный блик – Солнце спешило заглянуть нам в глаза.

– Вам нужна помощь, человек, – сказал счетчик. – Вам очень нужна помощь…

– Будем уходить на повторный джамп.

Счетчик дернулся.

– Здесь нет человеческих поселений?

– На Сатурне? Шутник. На Ио… это спутник планеты, собираются открыть научную станцию. Может быть, года через два и смогут.

– У нас нет такого количества времени. – Счетчик отвернул голову от иллюминатора.

Я не стал напоминать ему, что в челноке нет запаса кислорода и на неделю. Помог ему добраться до пульта, вставил очередной диск.

– Работай. У меня дела.

Оставив рептилоида, я подплыл к шкафчику санитарных средств. Повернувшись спиной к счетчику, достал мягкий гофрированный шланг, расстегнул брюки.

– Потребность в удалении отходов?

Господи…

Отвечать я, конечно, не стал. Включил отсос и попытался забыть про любопытный взгляд рептилоида, буравящий спину. Ненавижу эти мелкие бытовые проблемы. Но что поделаешь, если у нас нет искусственной гравитации.

– Больше не комментируй мои потребности, ладно?

– Извини, – кротко сказал счетчик. – Я занимался ксенобиологией, это очень любопытный аспект…

– Лучше подумай о двух следующих джампах.

– Петр, если ты позволишь мне работать совместно с компьютером…

– Ну?

– Я выведу корабль к Земле с максимально возможной точностью.

Это было неслыханно. Это было настолько безумно, что в уставе даже не было прямого запрета. Скорее, наоборот, можно было притянуть за уши пункт о допустимости использования помощи Чужих в навигационных расчетах.

Поставить бы на мое место господ чиновников…

– Хорошо, – чувствуя, что переступаю какой-то незримый порог, сказал я. – Как ты это сделаешь?

– Очень просто. – Рептилоид сполз с кресла, уступая мне место пилота, завис над пультом. – Мы часто работаем с электронными машинами.

– Но не с человеческими…

– Двоичный код? – Счетчик провел лапой над пультом. Медленно прижал ее к портам компьютера, прикрытым прозрачной крышкой.

– Снять? – спросил я.

Счетчик не ответил, а дисплеи тем временем начали гаснуть.

Вмешиваться было глупо. Я просто смотрел, как рептилоид отключает компьютер, как машина начинает перезагрузку и останавливается, не успев запустить операционную систему. Индикатор хард-диска часто мигал – информация куда-то уплывала. Видимо, в маленькую треугольную голову.

Интересно, как это – напрямую общаться с электронной машиной? Неужели это и впрямь нормальный метод коммуникации счетчиков?

И как они тогда ухитряются оставаться эмоциональными существами? Я где-то читал, что любое существо, способное воспринимать информацию на уровне отдельных байтов, окажется эмоционально холодным – в нашем восприятии, во всяком случае. Слишком разным будет темп времени.

– Очень интересное программное решение… – сказал рептилоид, убирая лапу с пульта. Компьютер при этом не ожил – все так же тускло тлели дисплеи, и даже индикатор хард-диска погас.

– Какое еще решение?

– Навигационная система. Для такой слабой машины подобная точность и быстродействие великолепны. Это человеческая разработка?

– Да, конечно.

– Вы очень способные, – покровительственно сообщил рептилоид.

– Ты собирался рассчитать координаты джампа.

– Я этим занимаюсь.

– И одновременно разговариваешь со мной?

– Это разные уровни сознания, Петр. Сознание внешнее и сознание внутреннее. На одном уровне происходит обработка больших массивов информации. На другом – активная материальная деятельность.

– И оба уровня работают параллельно?

– Когда это необходимо – например, сейчас, – то да. Если я нахожусь дома, в гнезде, то внешнее сознание лучше отключить. Если я лишен доступа к информации, то отключается внутреннее сознание.

– А какое сознание у тебя главное?

– Бессмысленный вопрос, – отрезал рептилоид.

Но я не унимался:

– Что развилось у вас раньше, Карел? Внутреннее или внешнее сознание?

– Ты ксенобиолог?

– Нет, но мне интересно.

– Внутреннее. Внешнее выработано искусственно. – Казалось, что счетчик ответил с большой неохотой.

И неудивительно. Он опять дал мне информацию о своей родине – то, что скрывала любая раса. Я попытался представить мир, в котором возникла подобная форма жизни. Мир, где не требовалось бороться с врагами, добывать пищу, укрываться от непогоды, создавать орудия труда. Мир, где выживание зависело от скорости и точности обработки информационных потоков.

Что-то невообразимое.

Природа не создает уродливые формы жизни. Любое существо идеально в своей экологической нише. Хрупкие и огромные хиксоиды – короли жарких и безветренных степей Сириуса. Мыши-алари – порождение холмистых равнин Фомальгаута, они развивались в лабиринтах глубинных нор, им важны были подвижность и небольшие размеры.

Какая планета могла вызвать из небытия счетчиков? Мир, опоясанный кольцом наподобие Сатурна, где требовалось обрабатывать и обрабатывать информацию, обмениваться ею – причем именно в электронной форме…

– Я закончил расчет, – сказал рептилоид. Мне показалось, что он смотрит на меня с иронией. Будто понимает, о чем я думал.

– Давай проверим.

Счетчик издал тихий скрежет. До меня не сразу дошло, что это смех.

– Петр, я взял из твоего компьютера *все.* Я выяснил идеальную посадочную глиссаду и наиболее удобный космодром. Я учел те гравитационные факторы и движения звезд, о которых люди просто не знают. Я проверил ресурсы корабля.

Он положил лапу на пульт, индикатор хард-диска замерцал.

– У тебя никогда не было такого идеального курса.

Основной дисплей дернулся и высветил навигационную таблицу. Компьютер с неуместной гордостью сказал:

– Расчет джампа закончен. Жду приказаний.

Под насмешливым взглядом счетчика я выбрал в меню «подробности».

– Джамп Земля – Земля, – сообщил компьютер. – Допуск – одна миллионная процента.

– Устраивает? – спросил счетчик.

Еще бы. Одна сотая была хорошим результатом, одна тысячная – редкой удачей и гарантией успешного джампа.

– Готовься, – забираясь в кресло, сказал я. И непроизвольно пожелал, чтобы счетчик все-таки что-нибудь напутал.

Конечно же, этого не случилось.

* * *

Был джамп – и полчаса на оживление корабля. Я поел, а рептилоид от человеческой пищи отказался наотрез. Иного ждать и не приходилось – в космосе нет существ с одинаковым метаболизмом.

Второй джамп привел нас к Земле.

Даже не потребовалось зажигать очередной фонарик – мы вышли в реальное пространство над дневной стороной, и планета исполинским прожектором плыла под кораблем. Очень, очень близко – я даже испугался. Прежде чем компьютер оживет, притяжение Земли может вытащить нас на нерасчетную траекторию.

Но опасения были напрасны. Челнок вышел из джампа на нормальной стабильной орбите. Я посмотрел на счетчика, который шипел и подергивался, отходя от джампа, хотел даже спросить, было ли это им задумано. И не стал.

Конечно же, да.

– Ты доволен расчетом, Петр? – спросил рептилоид.

– Прекрасный джамп, – признал я. – Мне… никогда бы не удалось так рассчитать траекторию.

Счетчик издал цокающий звук.

– Это не очень просто, Петр. Я давно тренировался в подобных расчетах. Мы предусмотрели любой поворот событий… даже тот, при котором мне пришлось бы самому вести корабль.

– Так вы давно готовились? – небрежно спросил я.

– Три года по человеческому времени.

Я молчал. Цивилизация счетчиков потратила несколько лет на эту вылазку к Земле. Серьезная же игра у них идет…

– Петр, ты должен понять, мы хотим только хорошего – для нашей и вашей цивилизации. Четыре счетчика пожертвовали жизнью, прикрывая мое проникновение в твой корабль. Это… это очень много! Наша раса невелика!

Он уже освоился с невесомостью – ловко перебрался с джампера на пол, цепляясь коготками за мягкое покрытие, уселся в ногах. Повторил, вытягивая ко мне голову:

– Только хорошего мы желаем, Петр!

– Для хиксоидов хороша коллективная эвтаназия. Для кood-дельдо – каннибализм. Как вы можете решать за нас?

– Мы изучали вашу историю! Ваше общество, мечты, религии, идеалы. Мы отбросили случайные факторы и выделили основные. Теперь мы сделаем вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Я отмахнулся. Ладно, пускай делает. В конце концов, решать не мне. Через полчаса после посадки голова будет болеть у президентов, экспертов по Чужим и генералов сил космической безопасности…

Включив основной передатчик, я послал сигнал вызова. Прошло секунд десять, прежде чем мне ответили – по-русски, но с легким английским акцентом. Видимо, уже прочли код позывного и поняли, с кем имеют дело.

– Орбитальный контроль, видим вас.

– «Трансаэро», борт тридцать шесть – восемнадцать. Возвращаюсь с Хикси, Сириус.

Пауза.

– Хорошая траектория. Как полет?

– Прекрасно. – Я терпеливо ждал. Челнок уже взят на прицел радарами, а может, и не только радарами – кто знает, что из баек о СКОБе ложь, а что правда. Смешно думать, что десяток их спутников и пара орбитальных станций способны оказать сопротивление кораблю Чужих. Но налог на СКОБу все платят без возмущений. Говорят, даже уклоняющиеся от любых налогов российские бизнесмены вносят анонимные пожертвования.

Мы всегда боялись неба. Это в человеческой крови – страх перед бесконечной пустотой, сквозь которую плывет Земля. Люди готовы есть дрянную пищу и лечиться в разваливающихся больницах, лишь бы знать, что над ними, в бесконечном небе, кружат несколько железных песчинок с рентгеновскими лазерами…

– «Трансаэро», все в порядке. Передаем тебя русским.

– Пока, СКОБа.

Дежурный офицер не успел ответить или не счел нужным. Вместо него возник другой голос:

– «Трансаэро», с возвращением! ЦУП на связи.

– Привет, Земля, – сказал я, глядя на белесо-голубую равнину над головой. Мы летели над Африкой – связь шла то ли через российский корабль космической связи, то ли через один из штатовских ретрансляторов. Сейчас мы сотрудничаем очень плотно… иначе нельзя.

– Хорошо идешь, – одобрил меня невидимый оператор. – Значит, так. Меня зовут Максим, я веду тебя до космодрома. Будешь садиться на Свободном.

– На Байконуре – никак? – Я покосился на навигационный экран, где уже крутился глобус, покрытый сеткой моей орбиты. Вроде бы траектория позволяла…

– Байконур занят. Обе полосы. Если очень постараться, то выведем тебя на Саратовский-резервный, но какой смысл?

– Хорошо, Земля. – Спорить было бессмысленно. В Китае нас стараются без нужды не сажать, все-таки лишние налоги в казну чужого государства. А резервная посадочная полоса близ Саратова – будущий космодром имени Юрия Гагарина – еще не доведена до ума. Я там ни разу не садился, но ребята рассказывали.

– У тебя двадцать пять минут на перекур. Ты сейчас выходишь из зоны связи, мы берем тебя вновь в апогее, над Аляской, и сразу начинаем торможение.

– На корабле все в порядке? – поинтересовался я. Телеметрия с борта начинает передаваться автоматически, и операторам куда виднее, как «птичка» перенесла джамп.

– Все хорошо, – успокоил Максим. – Отдыхай. До конца сеанса – тридцать секунд.

– Я с гостинцем лечу… – буркнул я, покосившись на счетчика.

Оператор тихо засмеялся:

– Ну, надеюсь, что не порожняком. Компания уже закидала нас запросами, видимо, контракт…

Голос оборвался резко, словно ножом обрезали. Автоматика вытягивала слабеющий сигнал до последнего, а потом просто отключила связь. При желании я мог связаться со СКОБой – их станции перекрывают весь горизонт, но зачем…

– Не о том гостинце речь, – сказал я в пустоту. Посмотрел на счетчика: – Готовься к шуму, Карел. Скоро такое начнется…

– Не надо, – быстро сказал рептилоид. – Этого не нужно! Моя миссия не рассчитана на общение с официальными лицами!

– Да? – Я засмеялся. Покачал головой. – А на что ты надеялся, счетчик?

– Карел, а не «счетчик»! – Рептилоид замотал головой. – Слово «счетчик» оскорбительно, Петр!

– Почему? Это не наша выдумка, все Чужие зовут вас так.

– А людей они зовут извозчиками. – Рептилоид указующе протянул ко мне короткую лапку. – Петр, узкая функция – это клеймо! Спасение для Слабой расы, но и проклятие. Тот, кто не сможет выйти за рамки, наложенные природой, всегда будет слугой!

– Извини. – Я и впрямь смутился. – Ладно… Карел. Как скажешь. Но я все равно должен сообщить о тебе на Землю.

Казалось, рептилоид задумался.

– У нас есть десять с половиной земных суток, – сообщил он наконец. – В течение этого времени наши расы должны выполнить хадж.

– Что?

– Хадж. Паломничество. Подвиг. Служение. Очень многослойное понятие, трудно перевести однозначно.

Он говорил быстро-быстро, словно нервничал:

– Петр, я уже объяснял – мне необходимо встретиться с Андреем Хрумовым. Ты можешь присутствовать при разговоре. Ты поймешь. Официальные каналы слишком медленные!

– Конечно, медленные! Но откуда мне знать, чего ты *действительно* хочешь? Может быть, тебя послали убить деда!

– Нет! Мы не убиваем! Никогда! – Счетчик даже дернулся от такого предположения. – Петр, ты позволил мне управлять кораблем – и все прошло хорошо. Доверься еще раз!

– Это просто невозможно.

– Почему?

– «Черный ящик», например. Все разговоры на борту записаны. Их прослушают и узнают, что я летел не один.

– Записи я изменю, – небрежно сказал счетчик. Я хотел было объяснить ему, что это невозможно – магнитофон на стальной проволоке, упрятанный в герметичный контейнер, просто не управляется снаружи… И осекся.

А зачем – снаружи? Хилая лапка ложится на броню… и мотор оживает. Бобины отматываются назад. Стираются все наши разговоры, добавляются невинные звуки и междометия – скучающий пилот разговаривает сам с собой.

Он сможет, пожалуй.

– Невидимым ты тоже умеешь становиться? – Я даже не иронизировал. Просто вспоминал процедуру досмотра и контроля. Рентгеновские «воротца», тепловые детекторы, сканирование сетчатки и прочее, чем встречает космодром рейсы с чужих миров.

Будь даже счетчик размерами с котенка, я не смогу протащить его мимо контроля.

– Невидимым? Нет. Но контроль мы преодолеем.

Я покачал головой.

– Петр, три года моя раса готовила эту миссию. Все будет хорошо!

Почему-то мне хотелось ему верить…

– Карел, нет…

– Я не причиню вреда!

– Нет. Это преступление, понимаешь? Даже если ты не лжешь, меня отдадут под трибунал.

– Победителей не судят, Петр. – Счетчик оттолкнулся от джампера, плавно подплыл ко мне, приземлился на коленях. Вытянул морду к самому лицу и просительно повторил: – Поверь… поверь мне. Судьбу Галактики решаешь сейчас ты!

Я даже головой замотал.

– Это слова…

– Это правда! Петр, если ты откажешься, то через месяц Земли не будет! Не будет… и моей планеты – тоже!

Глава 3

Над Аляской ЦУП снова восстановил связь.

– «Трансаэро», мы начинаем.

– Хорошо, Земля.

– Все в порядке?

Я отвел глаза от рептилоида, прежде чем ответить:

– Да.

Вот так, наверное, и становятся предателями. Поверив Чужому. Все равно, человеку ли в иноземном мундире, или говорящей ящерице. Не из страха, не из корысти – из самых благих намерений.

Впрочем, у счетчика все равно нет шансов. Он не представляет себе систему безопасности космопорта… я и сам ее плохо представляю. Ровно настолько, чтобы понимать – посты не минуешь.

Челнок подрагивал, разворачиваясь. Земля переместилась под ноги. Теперь «Спираль» летела дюзами вперед, готовясь дать импульс на торможение.

– Первый, – сказал диспетчер. Меня потянуло из кресла, когда двигатель ожил. Он отработал секунд семь, прежде чем наступила пауза.

Пока компьютер обрабатывал новую траекторию, я посмотрел на счетчика. Разговаривать нам больше было нельзя – он уже «подправил» записи «черного ящика», сделав это именно так, как я и представлял. Возложив лапки на пульт… Он и сейчас сидел в этой же позе, примотанный тонким тросиком к скобам на кожухе джампера. Динамические операции – это не старт на гравитационном луче Чужих и не прыжки сквозь изнанку Вселенной. Перегрузки неизбежны.

– «Трансаэро», мы повторяем, – сообщил диспетчер.

Мне показалось – или его голос изменился?

– Как траектория, Максим?

– Чуть нестандартная… – Он явно колебался. Было еще время вернуться на стабильную орбиту. – Корректируем. Второй импульс через девять секунд, продолжительность – три и пятнадцать сотых…

Счетчик посмотрел на меня. И медленно, старательно подмигнул серым веком.

Что это он…

Дрожь корпуса, гул двигателя. Тишина.

– Максим… – Я старался говорить спокойно. – По моему пульту – импульс три и четыре десятых секунды. Тяговый момент расчетный.

Диспетчер молчал секунд пять.

– «Трансаэро», у нас те же данные. Мы считаем.

– Траекторию!

– Не волнуйся. Ты в пределах посадочного коридора.

Уже что-то… по крайней мере не сгорю и не отрикошетирую от атмосферы. Протянув руку, я слегка толкнул счетчика – пусть будет наготове. Сейчас его способности могут понадобиться.

– Петр! – Диспетчер вдруг обратился ко мне по имени. – Ты входишь в атмосферу нормально.

Я шумно выдохнул.

– У тебя проблемы на участке планирования. Ты… промахиваешься.

Участок планирования…

Это пусть журналисты пишут о гордо парящих челноках, заходящих на посадку с полными трюмами. Челнок планирует с грацией чугунного утюга. Даже пассажирский самолет с отказавшими двигателями обречен на падение – и это с его нормальными крыльями. А уж с моими раскладными плоскостями, способными едва-едва корректировать полет…

Падаем мы. Не летим, а, как говорилось в одном мультике, «красиво падаем». Прямо на идеальные, залитые полуметровым слоем бетона полосы космодрома. Падаем, превращая кинетику орбитальных скоростей в подобие полета.

– Насколько промахиваюсь?

Я спросил, и в тот же миг мой компьютер ухитрился довести до конца свой расчет. Диспетчер подтвердил:

– Около ста километров, Петр.

Сглотнув, я сказал:

– Жду указаний, Земля.

– На стабильную орбиту ты уже не возвращаешься. Главное, сохраняй спокойствие, Петр. Мы ведем тебя.

– Куда? В Китай, на сувениры?

– Ты… приземляешься около Благовещенска…

– Падаю около Благовещенска! Или на этой неделе там построили новый космодром?

– Петр, сохраняй спокойствие, мы ищем варианты.

– Понял.

Я ждал. Приземление уже началось. Путь к Земле необратим – запас горючего в «Спирали» очень и очень ограничен. Все, что я сейчас могу, – это чуть-чуть корректировать траекторию.

– «Трансаэро», мы берем управление. Держись.

Снова гул двигателя – короткий, он выложился до конца, сожрав в последнем импульсе остатки горючего. Осталась самая малость – для атмосферных маневров.

– Петр?

Я смотрел на дисплей. Предполагаемая точка посадки сместилась – от Благовещенска к Свободному… но не до конца.

– Мы скорректировали траекторию…

– И что?

Пауза. И беспощадный ответ:

– Не на город же тебе садиться.

– Спасибо, – прошептал я.

– Петр, мы поднимаем вертолеты…

– Спасибо, – повторил я.

Челнок снова дрогнул, разворачиваясь носом вперед. Меня даже не предупредили о маневре.

– Петр, тебе придется сажать машину вручную. Слушай меня внимательно… – Диспетчер глотнул воздуха. – По линии твоего приземления проходит автомагистраль…

Я засмеялся – а как тут было не засмеяться? Сажать двадцатитонный «лапоть» на плохо асфальтированную дорогу?

– Это хорошая магистраль, Петр…

А то я не знаю наших дорог.

– Иного выхода нет, пилот.

Конечно, нет. На «Спирали» не предусмотрена система аварийного спасения. Зачем перегружать челнок, когда так много желающих занять место пилота, а каждый килограмм иноземного дерьма стоит немыслимые деньги?

Челнок начал легонько подрагивать – первое, еще нежное, касание атмосферы.

– Идите вы все к черту!

Они сознательно провели эту последнюю, безумную коррекцию курса, практически лишив меня возможности управлять челноком. Чтобы отвести удар от города. Чтобы у меня не было иного выхода, кроме как сажать «межзвездный» корабль на разбитое шоссе.

– Мы перекрываем магистраль, через полчаса она будет чистой.

Он так старательно говорил «магистраль», этот незнакомый мне мужик из ЦУПа. Сразу представлялись сверкающие, прямые, как стрела, западные автострады.

– Связь уходит. Держись, Петр.

Вокруг челнока разгоралось свечение ионизированного воздуха. Нос корабля начал медленно приподниматься, принимая основной удар плазмы на бронированное брюхо. И все равно на сверхпрочном жаростойком стекле переднего иллюминатора плясали огненные змеи.

– Приплыли, дружок, – сказал я, повернувшись к счетчику.

Это – судьба.

И она, наверное, права. Исправляет мои ошибки, мою слабохарактерность. Не пускает на Землю врага, сумевшего заморочить голову неопытному пилоту…

Счетчик улыбался. Словно его не пугали ни огненная буря вокруг, ни неминуемое крушение при посадке, ни дикая ошибка в отработанных программах приземления…

Ошибка в программах?

– Гад! – завопил я, рвясь из кресла. – Скотина!

Самый простой способ миновать контроль космопорта – приземлиться за его пределами.

Сумей я сейчас встать, я разорвал бы счетчика на куски голыми руками. Но перегрузка уже давила, вырывая из ремней, стремясь бросить на хрупкую начинку пульта.

Нет уж.

Нет.

Но на что он может надеяться, чешуйчатый инопланетянин Карел? Удар при посадке будет слишком силен…

Впрочем, откуда я знаю, какую перегрузку способно выдержать это тело?

В рвущемся огненном саване «Спираль» неслась к Земле.

Счетчик скосил на меня глаза. Ему приходилось куда хуже – вместо удобного анатомического кресла с широкими ремнями – стальной трос через талию…

Дисплей замерцал – оранжевым призывным светом. Я посмотрел на экран – поверх траекторных расчетов медленно плыли строчки:

«Петр, все хорошо. Говори, но не обращайся ко мне лично. У нас не будет времени на повторную чистку записей».

Как ни странно, но я подчинился.

– Челнок не может приземлиться вне космодрома, – сказал я.

«Ты сможешь».

– Нет, это невозможно!

«Ты хороший пилот».

– Двадцать тонн! Нужна специальная полоса!

«Молчи! Молчи!»

Я замолчал. Челнок трясло – не слишком сильно, привычно. В иллюминаторах бился огонь. Как правило, в такие минуты делается не по себе – теплозащита надежна, но уже дважды шаттлы гибли при посадке. Прогорал какой-то участок или отслаивалась керамическая плитка, и плазменная струя врывалась внутрь.

Но сейчас мне угрожала куда более реальная беда.

За всю историю космонавтики челнокам не приходилось садиться на неприспособленные площадки. Лишь специальные полосы, лишь лучшие из военных аэродромов – для аварийных посадок, лишь выглаженные самой природой глади пересохших соляных озер.

Но не дорога.

Я вспомнил старую, советских времен комедию, где пассажирский самолет опустился на шоссе. Эту сцену снимали на аэродроме – обычное дорожное покрытие не выдержало бы.

В чем я сейчас удостоверюсь на практике.

Как странно все происходящее ныне в мире. Межзвездные полеты, чужие цивилизации стали реальностью. И ничего – ничего не изменилось! Те же раздолбанные шоссе, по которым ползут «КамАЗы» и «жигули», те же «мыльные оперы» по телевидению, протекающая сантехника и сопливые по весне носы.

Будущее коснулось настоящего, снисходительно потрепало по плечу и улеглось отдыхать.

Двадцать процентов населения Земли работает на космос. Строит корабли, готовит топливо, сооружает смехотворные орбитальные крепости, пытается справиться с обезумевшей от ракетного бума экологией.

А мне предстоит садиться на оплывший от жары асфальт.

– Прощай, – сказал я счетчику. Тот промолчал – не только вслух ничего не произнес, но и к компьютеру подключаться не соизволил.

Ладно.

Огненный шторм вокруг челнока уже утих, теперь мы просто неслись в стратосфере, на высоте двадцати с небольшим километров, словно обычный сверхзвуковой самолет… с неработающими двигателями. Я отключил автоматику, взялся за штурвал. Осторожно качнул челнок – он слушался рулей неплохо, на такой скорости давление набегающего воздуха компенсировало разреженность.

Будь в баках хотя бы обычный резерв горючего, я бы попытался сманеврировать и сесть на космодром. Но баки были почти сухими.

Минут через десять мы уже спустились до облачного слоя, и в этот момент восстановилась связь.

– «Трансаэро», ответьте… – устало повторял диспетчер.

– Я на связи.

– Борт тридцать шесть – восемнадцать! Видим вас!

– Очень рад, – сказал я.

– Петр, вертолеты в воздухе, в точке твоей посадки дорога расчищена. Ты идешь прямо по направлению трассы, у тебя неплохой шанс.

Я не стал уточнять проценты этого шанса. Не лучшее время для ругани.

– Что советуете, Земля?

– Петр, на связи Александр Данилов, – сказал диспетчер. И тут же в разговор вступил другой голос. Немного мне знакомый. Лучшего пилота «Трансаэро» Данилова я видел раза три. Сейчас он водил «Бураны», но начинал со «Спирали».

– Петр, времени на соболезнования нет, – начал он. – И постараемся, чтобы они не понадобились. Через десять минут ты пролетаешь над космодромом. Еще через две, на высоте около пяти километров, оказываешься над дорогой.

По крайней мере он не сказал «над магистралью»…

– Дорога хреновая, – безжалостно сообщил Данилов. – Я по ней ездил. Но тот участок, где ты снижаешься до нуля, относительно в порядке… там часто ездят китайские торговцы, маленько подлатали покрытие. На автоматику рассчитывать не приходится. Какой у тебя опыт полетов?

– Два с инструктором, семь самостоятельных. Все на «Спирали». – Я сглотнул и добавил: – Все посадки на автоматике…

– Это я знаю. Военный налет?

– Девять полетов.

– На чем летал?

– На «сушке», тридцать седьмой.

– И то хорошо. Запомни, «Спираль» все-таки управляема вручную, очень медленно слушается рулей на посадке, но все возможно. Я садился вручную дважды.

– Дорога широкая? – спросил я. От ровного злого голоса Данилова оцепенение проходило.

– Пять метров. Могло быть и хуже. Если опустишься четко, то колеса в кювет не попадут. Прокатись хотя бы метров сто, чтобы сбросить скорость. Тогда у тебя все шансы уцелеть, когда скатишься с шоссе.

– Люди есть на дороге?

– Уже нет. Ее действительно очистили, не волнуйся.

– Саша… – От волнения я потерял всяческий пиетет. – У меня реально есть шанс?

– Небольшой, но есть. Я сейчас в вертолете… да, вижу тебя! Посмотри вниз… черт, у тебя нет такого обзора… Космодром видишь?

Я видел. Впереди и очень далеко внизу.

Когда я садился на Свободном, то на такой высоте над ним, конечно, не пролетал…

– Ты ровно идешь, – утешил меня Данилов. – Эта «птичка» еще полетает. Тебе выдали расчет курса?

– Да, – глядя на дисплей, ответил я. – Две коррекции?

– Одна, чтобы выйти на ось дороги, другая перед касанием.

– У меня хватит топлива лишь на одну.

Данилов секунду молчал, потом решил:

– Выполняй первую, иначе промахнешься вообще. Дальше будешь планировать.

– Понял.

– Все, работай, – бросил Данилов. – Ветра практически нет, видимость идеальная. Я на связи, но больше тебе не мешаю. Всем молчать!

Я проводил взглядом оставшийся по правому борту космодром. Четыре главных старта для челноков, три маленьких – для спутников. Две прекрасные, широкие, оборудованные на славу полосы. Пятнышко вертолета в небе. Я мысленно помахал Данилову рукой.

Счетчик молчал, лишь подергивал лапой по кожуху джампера. Слабый шорох отвлекал, я зло глянул на рептилоида, и тот затих. Похоже, понял.

Расчет на последнюю коррекцию уже был в компьютере. В общем-то использование маршевого двигателя в атмосфере не рекомендуется. Но мне терять нечего.

Я дал подтверждение на маневр, и через несколько секунд двигатель автоматически включился. В атмосфере он работал как-то натужно, взахлеб… а может быть, мне это уже мерещилось… Двухсекундный импульс – челнок слегка дернулся, вообразив, что научился летать, потом продолжил падение.

По крайней мере мы действительно шли над дорогой. Господи, неужели в России научились прокладывать дороги прямо, не обходя каждый холмик? Или эта осталась с царских времен?

Высота уже упала до километра. Впереди, по обочине дороги, мелькали коробочки машин. Надо же, действительно очистили трассу…

Скорость – вот мой главный враг. Триста с лишним километров в час – ничто по космическим масштабам. Но для обычной дороги и это непозволительно много.

Я качнул челнок, проверяя, как слушаются рули. Машина отозвалась на удивление неплохо. На экране компьютера желтая линия – моя траектория – отклонилась от зеленой. Я вновь вернул «Спираль» на ось дороги. Безумная надежда, что мне все-таки удастся приземлиться, стала чуть менее безумной. На дорогу меня вывели настолько великолепно, словно отрабатывали этот маневр давным-давно.

Счетчик опять начал скрести кожух. Но уже не было времени отвлекаться. Дорога была в сотне метров под нами, и высота стремительно падала. Я пытался разглядеть, ровно ли иду, но компьютер уже был бесполезен, а обзор из кабины «Спирали» никогда не отличался широтой. В последний момент я все же довернул челнок правее.

В тот миг, когда машина наклонилась, я заметил сразу две вещи. Во-первых, интуиция не подвела, я и впрямь рисковал завалиться в кювет, не будь этого последнего маневра. Вторая новость была куда хуже – в полукилометре впереди дорога резко сворачивала, огибая невысокую, заросшую деревьями сопку. И мало того, навстречу мне ехала машина!

Разницы между тем, куда я врежусь, для меня, впрочем, не существовало. Шесть секунд, и…

Челнок тряхнуло, когда шасси коснулось асфальта. Он сразу пошел юзом, как машина на льду, разворачиваясь левым крылом вперед. В приступе бессмысленного рвения я выправил космоплан. Впереди разворачивалась машина – огромный обшарпанный «Икарус». Шофер, увидев несущийся на него звездолет, не растерялся, а ухитрился затормозить и стал разворачиваться.

Господи, вот это бред! Челнок трясся, подскакивая на дороге, но пока ухитряясь не слететь в кювет и не перевернуться на одной из многочисленных колдобин. Впереди улепетывал, выжимая из мотора все силы, автобус. Да что он творит, я все равно быстрее, догоню! Выскакивал бы, выводил людей… нет, не успеть… так хоть съехал бы с дороги, может, кто жив бы остался…

Я еще попытался согнать «Спираль» с дороги. Хоть на обочину, хоть в сопку – лишь бы не в автобус! В голове вдруг всплыл пронзительно-трагический голос полузабытой певицы: «А город подумал – ученья идут…»

Но челнок явно не разделял мою готовность к самопожертвованию. Он уже не скакал, а мчался по дороге, примирившись с асфальтом под колесами. Российские звездолеты – самые надежные в мире!

Автобус набрал-таки изрядную скорость, и расстояние сокращалось так медленно, что я успел заметить номерной знак: «06–31», выхлопную трубу, выплевывающую густой сизый дым, привязанное сзади мятое ведро и надпись: «Не уверен – не обгоняй!»

Вот мы и не стали обгонять, а врезались в автобус…

Меня рвануло в ремнях, челнок содрогнулся, вставая на дыбы. Обшитый керамикой нос «Спирали» оказался покрепче прогнившего железа. Челнок въехал в автобус до половины, пока крылья не задержали его стремительного продвижения. Пару секунд мы ехали этим неожиданным тандемом, потом, снеся редкие бетонные столбики, стали преодолевать сопку. Где-то на десятом дереве и автобус, и космолет примирились с преградой и остановились.

Вот тут тряхнуло так, что я на мгновение отключился. А когда глаза удалось открыть, то с удивлением понял, что еще жив. Нос «Спирали» смялся, кабина сморщилась, как гармошка, но почему-то уцелели все стекла и работало освещение. На завалившемся джампере возился счетчик, отвязывая страховочный тросик. И как его не разорвало напополам?..

Я потряс головой, пытаясь прогнать из глаз кровавую муть.

А потом все у меня внутри похолодело.

Кровь была не в глазах. Все стекла «Спирали» были покрыты багрово-красным месивом.

Боже!

Я сорвал ремни, выкарабкался из кресла, шатаясь, пошел в шлюз. Счетчик, привстав на кожухе джампера, шлепнул меня лапкой по руке, словно останавливая, но мне было не до него. Челнок подрагивал, видимо, сползая вниз по склону. Дверь в шлюз открылась с третьего рывка, потом я рвал рычаг аварийного выхода. Люк поддался не сразу, но я все же справился – ужас придал силы.

Воздух был прохладным и сырым, от горячей обшивки валил пар. Вокруг топорщился покореженный соснячок, от «Икаруса», замершего впереди, несло гарью. Я спрыгнул с двухметровой высоты, поскользнулся на мокрой траве, пошатываясь, побрел к автобусу. Часть стекол тоже уцелела, лишь покрылась паутиной трещин, сквозь которые проглядывала все та же багровая каша.

Только бы не дети! К горлу подкатил комок. Я дрожащими руками расстегнул кобуру. Застрелиться, как положено офицеру…

Со скрипом открылась дверь автобуса, на землю вывалился тощий небритый мужик в тренировочном костюме. Потряс головой, окинул взглядом смятый автобус, потом меня. Поднялся. В руках у него была монтировка.

– Космонавт хренов! – завопил он. – Разлетались, мать вашу!

– Сколько? – только и смог спросить я. Ноги не держали, матушка Земля укоризненно тянула прилечь. – Сколько… там?

Я кивнул на смятый автобусный салон, стараясь не смотреть лишний раз на заляпанные стекла.

– Восемьдесят! – взвыл водитель, и у меня все внутри оборвалось. Точно, детей подавил… – Восемьдесят ящиков, гад! Мне ж теперь не расплатиться!

Прежде чем я осознал эти слова и понял, что людей в ящиках не возят, водитель со своей монтировкой почти подобрался ко мне.

– Стой! – крикнул я, выхватывая пистолет. – Я майор ВВС России Петр Хрумов! Имею право применять оружие! Не приближаться!

Водитель выронил монтировку, сел на склон и заныл, обхватив голову руками и раскачиваясь. До меня донеслось что-то о китайских подрядчиках, вырастивших помидоры, о жителях Хабаровска, которые без этих помидоров жизни не мыслят, о несчастном «Икарусе», который водителя кормил, поил, а теперь только в металлолом и годен. Но сил посочувствовать не было. Помидоры! Восемьдесят ящиков! Да хоть весь китайский урожай этого года!

– Какого черта ты в автобусе помидоры вез? – спросил я.

– А в чем еще, у меня «КамАЗа» нет!

– Да успокойся, тебе выплатят компенсацию!

Водитель прекратил ныть, приподнял голову. Недоверчиво спросил:

– Точно?

– Выплатят! – подходя к автобусу, пообещал я. Выглядело все кошмарно. Я наклонился, соскреб с травы багровую кашу, поднес к лицу, чувствуя себя начинающим вампиром. Точно, помидоры…

– Так это из-за тебя дорогу перекрывали? – спросил водитель со спины.

Я, не оборачиваясь, кивнул.

– Блин… а я думал, снова на железке цистерны рванули… – промямлил водитель. – Вечно, как ваша горючка рванет, так весь район оцеплен…

– Что, часто рвется? – заинтересовался я.

– Раза два в год…

Да, понятное дело. Ракеты-носители летают на очень токсичном топливе. А стартов много, а цистерны старые, а персонала обученного вечно не хватает… Я вздохнул:

– Если б не твоя колымага, конец мне…

Водитель покосился на дорогу, поскреб щеку.

– Уж точно, ты гнал будь здоров… Километров двести?

– Посадочная скорость – триста пятьдесят.

Водитель пощелкал языком, тон его сразу изменился. Теперь я был не залетным космонавтом, а почти коллегой.

– Ну, я больше ста здесь держать не рискую… У меня движок – совсем барахло. Конечно, у вас-то… – Он осекся, оглядывая челнок, сплюнул, пробормотал: – Крепко я головой приложился… Тебя как зовут, космонавт?

– Я же говорил, Петр!

– Петя… А я – Коля.

Я машинально пожал протянутую мне руку. Нас сейчас можно было снимать для агитационного плаката компартии – полное единство армии и народа. Вот только челнок, хищно пронзивший носом автобус, пришлось бы заретушировать – какие-то неправильные ассоциации возникали.

– Ты откуда прилетел? – поинтересовался водитель.

– С Сириуса-А-восемь. Планета Хикси.

– Знаю! – оживился Коля. – Видел я Сириус! Мне сынишка показывал, он в кружок астрономов ходит, сам телескоп собрал, маленький такой… Тоже космонавтом хочет быть.

Он подошел к челноку вплотную, боязливо притронулся к обшивке и с руганью отдернул руку. Конечно, керамика еще не остыла, градусов сто – двести точно есть.

– Горячий, мать его! – взвыл Коля. – У меня ж все помидоры поджарятся! Помоги, выгрузим!

Я укоризненно посмотрел на водителя, и Коля махнул рукой:

– А… ладно. Чего уж теперь… Эй, а он не излучает?

– Корабль? Нет, не бойся. Радиация чуть выше фоновой. Не опасно.

Водитель закивал:

– Верно, чего нам бояться, после такого дела… Петя, так ты, считай, заново родился!

– Угу.

– Это… отметить надо бы?

Я так растерялся, что не нашелся что ответить. Водитель, приняв мое молчание за согласие, метнулся в кабину и через минуту возник с початой бутылкой водки, стаканом и куском сала, завернутым в «Литературную газету».

– Только ты подтверди потом, как гаишники приедут, что я трезвый был! – раскладывая на травке газету, попросил Коля. – Это сейчас только… стресс снять…

У меня возникло легкое сомнение, был ли Коля трезвым и зачем ему понадобилось так поспешно прикладываться к бутылке. Но я промолчал. В конце концов, мне его автобус жизнь спас.

Мы уселись, Коля сунул мне стакан, налил, и в этот момент послышался стрекот вертолета.

– Мои летят, – сообщил я, привставая.

– Ты давай, давай! – засуетился Коля. – Вот… хочешь помидорку принесу?

Он бросился к автобусу и стал выбирать из давленой каши под колесами целый помидор. В этот момент вертолет, низко идущий над дорогой, показался в поле зрения. Как ни странно, это были не спасатели: из открытой двери торчал зрачок телекамеры. Оператор, пристегнутый за пояс, жадно снимал картину дорожно-транспортного происшествия.

– Это наши, хабаровские телевизионщики… – сообщил Коля, протягивая мне помидор. – На, закуси!

Я машинально глотнул водки и откусил помидорину. Овощ китайцы вырастили хороший, вкусный, а вот водка драла горло, как керосин.

Коля сразу расслабился и довольно подмигнул мне.

– Нам теперь гаишникам попадаться нельзя! – доверительно сообщил он. – Так что пускай твои прилетают и нас обоих увозят! У меня стресс, мне отдыхать теперь надо!

Вот оно что.

– Да не пугайся, какое, к черту, ГАИ, тут ФСБ будет разбираться! – успокоил я его.

Вертолет по-прежнему кружил над дорогой, не делая никаких попыток опуститься и предложить помощь. Мы выпили еще по чуть-чуть, когда прилетели спасатели – два легких вертолета, выкрашенных в оранжево-белую полосу, и камуфлированный армейский «Ка-72». Репортеры немедленно смылись, словно опасались, что в них пустят ракету. Военный вертолет начал описывать над сопкой круги, а из приземлившихся спасательных к нам бросились люди. Несколько врачей, два автоматчика и сам полковник Данилов. Я поднялся, отмахнулся от докторов и отрапортовал:

– Докладываю – аварийная посадка проведена успешно. Жертв нет, груз цел. Состояние корабля удовлетворительное…

Данилов молча сгреб меня в объятия. Был он здоровый, кряжистый сибирский мужик, выше меня на голову.

– Ну, Петр, ну отмочил… – пробормотал он. – Зараза, сел ведь! Сел, сел!

– Вот… автобус удачно подвернулся…

Данилов покосился на «Икарус», сморщился и повторил мой вопрос:

– Сколько там?

– Помидоры там, товарищ полковник. Жертв нет.

– Ну, Петя… – Данилов недоверчиво уставился на томатную пасту, заляпавшую окна. – Сверли погоны…

По-прежнему обнимая меня за плечо, он пожал руку оробевшему шоферу. Видимо, военная форма производила большее впечатление, чем мой полетный комбинезон.

– Благодарю вас.

– Да что там… – замахал руками водитель. – Вижу – летит! Прямо в сопку! Ну, думаю, хрен с ними, с помидорами, человек дороже! Принял на борт… хм… ну…

Он смущенно потупился. Ай да Коля!

– Я лично распоряжусь о представлении вас к награде, – пообещал Данилов. – Убытки компенсируем.

Водитель расцвел, а Данилов кивнул терпеливо ждущим врачам:

– Нет вам работы! Слыхали? Нет!

Те огорченными от этого известия не выглядели. Между тем полковник подхватил с земли бутылку, глотнул, сморщился и принялся отдавать приказы. Минут через пять с военного вертолета высадили еще троих солдат, в сторонке развернули полевую рацию.

– Собирай вещички. – Данилов махнул рукой. – Да, впрочем, бог с ними… Нечего тебе здесь киснуть. Летим домой.

Я кивнул, оглядываясь на челнок. Да какие у меня, собственно, вещички? Пара сувениров, смена белья…

Счетчик!

Это было как удар под дых.

Словно пелена слетела с сознания.

Счетчик!

Вот мы врезаемся в автобус, вот я бегу в шлюз – пока рептилоид распутывает тросик.

Где он?

– Александр Олегович… – прошептал я. Данилов нахмурился. – Александр Олегович, там…

Данилов схватил меня за руку и молча потащил к челноку. Под открытым люком уже стоял автоматчик, но внутрь еще никто не заходил.

– Чего трап не спустил? – спросил он, примеряясь к обрезу люка.

– Торопился… – виновато прошептал я.

– Торопливость, Петя, она знаешь, когда хороша… подсоби!

Под любопытным взглядом автоматчика я подсадил Данилова, тот подтянулся и скрылся в люке. Через пару мгновений вниз медленно пополз трап.

– Давай… – донеслось до меня.

Данилов никуда не ушел из шлюза. Когда я поднялся, он открыл люк грузового отсека и задумчиво оглядывал штабели кортризона.

– Александр Олегович, я должен вам сказать… – полушепотом начал я.

– Ничего ты не должен, – не оборачиваясь, сообщил Данилов. – Петр, все пилоты хоть раз да возили контрабанду. Я все понимаю. Бери свои вещи, и уходим.

– Но я же совсем не то имел в виду!

– Быстро! – гаркнул Данилов. – Я осматриваю груз. Ты собирай вещи.

Как загипнотизированный я поплелся в рубку.

Мерцающие огоньки пульта. Перекошенный цилиндр джампера. Томатные потеки на стеклах кабины. Раскрытый шкафчик, из которого выпал пакет с чистым бельем.

На всякий случай я заглянул во все отделения шкафчика и в холодильник.

Почему я не удивлен, что счетчика нигде нет?

Да, конечно, это был шок – когда я врезался в автобус. Да, еще большим облегчением стали слова шофера.

Но почему я так легко забыл – напрочь забыл! – о счет- чике?

Я вспомнил последний миг, когда видел его. Быстрое касание когтистой лапы… Той самой лапы, что так легко стирала память компьютера.

Человек не машина. Но есть ли эта разница для счетчика? Он заставил меня забыть, пусть на время, о своем существовании! А потом, пока я распивал с шофером водку и закусывал китайскими помидорами, – ушел!

Я понимал, конечно, что надо делать. Рассказать все Данилову, пусть район перекрывают. Облава… солдаты, собаки, вертолеты, мобилизованные местные жители. Найти чешуйчатого Карела!

Нет, я, конечно, человек слегка наивный, сам знаю. Но не настолько же…

Кто мне поверит? Никаких следов Чужого в челноке уже нет. У меня наверняка обнаружат все признаки сотрясения мозга и нервного стресса. Для проформы слегка прочешут местность – и никого не найдут. Счетчик действительно все рассчитал! Сейчас он может лежать, зарывшись в грунт, или какими-то немыслимыми метаморфозами принять облик кабана, дерева или камня… А может быть, он несется сейчас вдоль дороги со скоростью триста километров в час. Что мы знаем о Чужих, тем более – о таких редких, как счетчик?

Меня ждет больница и снятие с полетов. На всякий случай. Небольшая пенсия, работа военруком в школе, или инженером на заводе, или шофером. Буду ездить, как Коля, с грузом финских йогуртов или польской тушенки и рассказывать новым приятелям байки о далеких мирах.

– Собрался, Петя? – Рука Данилова легла на плечо. Я вздрогнул.

– Д-да… почти.

Под его добродушным взглядом я подхватил куртку, пакет с сувенирами – абсолютно законными, а никакой не контрабандой! По привычке подошел к пульту и заглушил все системы корабля. Теперь им займется аварийная команда.

– Вряд ли эта «птичка» поднимется в небо, – сухо сказал Данилов.

Я сглотнул, оглядывая маленькую кабину. Что ни говори, а двенадцать рейсов сделано… привык я…

– Не переживай. Хватит тебе на «лапте» летать. Я помогу. Если хочешь, пойдешь вторым пилотом на мой «Буран».

Я так поразился, что даже не нашелся что ответить. Данилов предлагает пойти в его экипаж! На самые интересные и выгодные рейсы!

– Идем… – Полковник легонько пихнул меня к шлюзу. – Вертолет ждет.

Что-то еще я забыл…

– Сейчас… – Я оборвал леску, на которой болтался над пультом меховой мышонок. Сунул игрушку в карман, смущенно посмотрел на Данилова.

Но он не стал смеяться.

Когда мы взлетали, по дороге уже подъезжали три крытых тентом грузовика с солдатами, две легковушки и БТР. Данилов проводил их одобрительным взглядом.

– Какие планы, пилот? – заорал он, перекрывая рокот винта. – Пресс-конференцию устроим?

Я замотал головой. Еще чего не хватало – врать на весь мир!

– Правильно, – решил полковник. – До завтра подождут…

Мне давно говорили, что Данилов не только лучший пилот «Трансаэро», гордость российского космофлота. Слышал я и про то, что он сотрудник службы безопасности, и про то, что ему принадлежит изрядный пакет акций компании. Наверное, так оно и есть – уж очень легко он принимал решения.

– Глотни! – Данилов протянул мне стеклянную фляжку. – Настоящий «Арманьяк»… меня после той шоферской гадости до сих пор тошнит!

Я послушно сделал глоток бренди.

– Водитель был пьян? – по-деловому поинтересовался Данилов. Я поперхнулся, пожал плечами. – Ладно, мы его обвинять не будем! Все-таки он тебя спас! – Полковник махнул рукой. – Заплатим за его колымагу, мелочи жизни!

Вертолет несся над дорогой, потом свернул, выходя к Свободному напрямую. Я смотрел в коротко стриженный затылок пилота и думал, как мог бы быть счастлив сейчас.

Возвращение из рейса, чудесное спасение, повышение в звании и место в экипаже Данилова… Газетная и телевизионная шумиха, какой-нибудь орденок из рук президента… Дед бы так порадовался!

Обхватив голову руками, я смотрел на приближающиеся здания космодрома. Под нами тянулись склады, путаница рельсов, какие-то загаженные черные пруды. Час назад я пролетал над Свободным, уверенный в скорой гибели. Теперь возвращаюсь, но радости в душе нет…

– Петр, у тебя все в порядке? – Данилов наклонился ко мне. – Голова не болит? В глазах не темнеет?

Славный он мужик, что ни говори. Пусть даже и работает в службе безопасности…

– Все в порядке, Александр Олегович.

Данилов кивнул и вновь протянул мне флягу.

– По последней. Доктора тебя все-таки осмотрят, Петр, ничего не поделаешь… вишь, набежали…

Вертолет начал опускаться на площадку. Там и впрямь стояли два белых фургончика.

– Распоряжусь, чтобы тебе подготовили хороший номер… – тем временем размышлял вслух Данилов.

– Александр Олегович, не надо. Я лучше домой, – попросил я.

Данилов помолчал, с любопытством разглядывая меня. Кивнул:

– Хорошо. Понимаю, пилот. Сейчас – медкомиссия. Потом – обед. И доставим в Хабаровск. На вечерний рейс в Москву ты успеваешь.

Глава 4

Врачи меня мучили целый час. Рентген, анализы, энцефалография, зачем-то – гастроскопия. Я вырвался из их рук с ощущением, что слишком рано обрадовался спасению. Обещанный Даниловым обед оказался маленьким банкетом с начальником космодрома генералом Киселевым и десятком чинов поменьше. Репортеров, которых, по слухам, собралось уже с полсотни, к счастью, не пустили. Зато были два американца из «Дельты», вернувшиеся прошлой ночью с Кэриннари-3. Улыбчивые, белозубые и подтянутые.

– За героизм русских пилотов! – провозгласил сухонький старичок Киселев, опрокидывая первую рюмку. Американцы зааплодировали. Мне тоже пришлось выпить.

Минут через двадцать в маленьком зале царил полный бардак. Все повставали, разбились на группки и оживленно спорили обо всем на свете. Чинный банкет превратился в чисто российский фуршет. Я с ужасом наблюдал за братанием и питием на брудершафт американских пилотов и русского генерала. Офицеры хлебали водку и коньяк, закусывая крошечными бутербродами с икрой и ветчиной. Людей в зале словно бы стало больше. К потолку потянулся сигаретный дым, в блюде с салатом, к которому я потянулся, внезапно оказалась пара чадящих окурков.

На мгновение из суеты вынырнул Данилов. Глянул на меня, поймал пробегавшего официанта – солдатика в белом халате, – что-то приказал. Через минуту солдат притащил мне на подносе тарелку борща.

– Поешь, – возникая за спиной, посоветовал Данилов. – И не обращай внимания, народ переволновался утром…

Словно я не переволновался!

Безумие длилось еще с полчаса. Я сгорбился над столом, всей душой желая стать меньше ростом, и быстро доедал борщ. Один из американцев, подойдя ближе, просветлел лицом, извлек фотоаппарат и несколько раз щелкнул меня. Причем выбирая ракурс так, чтобы в него попало несколько пустых бутылок из-под водки. Я начал звереть, и тут из толпы, в которой точно было уже человек тридцать, словно каждый полковник размножился делением, а генералы – почкованием, вынырнул Данилов. Он вроде бы пил не меньше других, но казался абсолютно трезвым.

– Жди своего портрета где-нибудь в «Плейбое», – порадовал он. – Отдых русского героя… Петя, пробирайся на выход, я подойду.

– А как же…

– Все в порядке, свою роль свадебного генерала ты отыграл. – Данилов развел руками. – Не комплексуй. На выход!

Я поднялся из-за стола и, неловко улыбаясь, стал пробираться к выходу. У дальнего угла стола невысокий застенчивый майор собирал в полиэтиленовый пакет куски ветчины и красной рыбы с бутербродов.

– Здравствуйте, Петя! – слегка смутившись, сказал он, протягивая руку. – А я Максим, Максим Гиллер. Я вас вел из ЦУПа…

– Спасибо, Максим, – от души поблагодарил я.

– У меня кошки дома, – признался Максим. – Очень редкая порода, бесшерстные, знаете?

Я покачал головой.

– Вот, решил их порадовать… все же натурпродукт, а не «Вискас»!

– Еще сыр можно взять, – посоветовал я.

Максим радостно кивнул:

– Да, сыр они тоже любят…

Я проскользнул мимо официантов, выскочил в приемную Киселева. Вход охраняли два сержанта с автоматами. При виде меня они подтянулись. Я присел на первый попавшийся стул, отер лоб.

Кошмар какой-то!

Сержанты демонстрировали чудеса выправки.

– Ребята, а часто такие банкеты бывают? – спросил я.

Оглядевшись, один из сержантов вполголоса произнес:

– Да нет, раза два в неделю, товарищ майор…

– А вы раньше сюда не попадали? – поинтересовался второй охранник, посмелее.

– Нет, – признался я.

…Обычно я проходил все формальности – это занимало полдня. Потом подписывал акты приема-сдачи корабля, получал билеты, проездные деньги и на попутном вертолете или автобусе добирался до ближайшего города с аэропортом, чтобы улететь на Москву. Ну, бывало, выпьешь рюмочку коньяка с начальником смены в ЦУПе или пивка с кем-то из пилотов…

Дверь хлопнула, и в приемную выскочил Данилов. Сержанты закаменели.

– Ага, сидишь, – удовлетворенно сказал полковник. – Молодец. Идем. Кстати, пленку я Джонатану засветил…

– Правда?

– Взял аппарат посмотреть, случайно раскрыл заднюю крышку… – Данилов ухмыльнулся. – Быстро, а то не успеешь на самолет.

– Мне еще вещи забрать…

– Идем!

Вертолет уже раскручивал ротор, когда мы подбежали к нему. Рядом с машиной стоял молодой лейтенант, одной рукой придерживая рвущуюся к небу фуражку, другой держа на весу «дипломат» с моими пожитками.

– Я там кое-что положил, – небрежно бросил Данилов. – Не бойся, не бомбу. Презент твоему деду. Сам бы завез, да мне еще сутки кантоваться… Лейтенант, проводите Хрумова до самолета!

– Есть!

Мы с Даниловым обнялись, и я забрался в кабину вертолета. Следом нырнул лейтенант.

– Я с тобой свяжусь через пару дней! – крикнул Данилов. – И передавай от меня привет деду, Петя!

Конечно, я был удивлен, но переспросить, откуда Данилов знает деда, не успел. Вертолет уже уходил вверх.

– Должны успеть, – поглядывая на часы, заметил лейтенант. – Наверное…

Мы бы все-таки не успели, но рейс «Трансаэро» Хабаровск – Москва почему-то задержался на полчаса. Едва мы выскочили из вертолета, как к нам подкатила старенькая аэродромная «волга» с мигающей надписью «Follow me». Через все взлетное поле мы понеслись к «боингу». Я запоздало вспомнил, что билет мне так и не выдали.

На трапе стояли две девочки-стюардессы и задумчиво покуривающий командир корабля. Лейтенант выполнил приказ Данилова буквально – довел меня до трапа, вручил «дипломат» и откозырял.

– Рад познакомиться! – Пилот протянул мне руку. – Геннадий.

Стюардессы улыбались, разглядывая меня с неприкрытым восторгом.

– Взаимно… – смущенно сказал я. – Петр. Тут такое дело, с билетом…

Командир захохотал, втаскивая меня в нутро «боинга».

– Есть желание – пошли в кабину, – предложил он. – Пилотировал «семьдесят седьмой»? Не звездолет, конечно, но…

– Спасибо, не стоит. – Я замотал головой. Интересно было бы поднять в воздух «боинг», но не с пассажирами же на борту!

– Ну, если будет желание…

Меня усадили в полупустом бизнес-салоне. Там скучали несколько китайцев и японцев в строгих деловых костюмах, пара стареющих крашеных дам и молодых бизнесменов в костюмчиках из кэрринарского «шерстяного хлопка». Все как по команде уставились на меня. Потом японцы о чем-то тихонько зачирикали. В мою сторону посыпались улыбки.

Принужденно улыбаясь в ответ, я закинул «дипломат» на полку и устроился в широченном кресле рядом с дремлющим мужчиной – по виду государственным чиновником. Прикрыл веки, притворяясь спящим.

Над головой щелкнуло, и послышался голос Геннадия:

– Уважаемые пассажиры, компания «Трансаэро» приносит извинения за вызванную техническими причинами задержку вылета…

Я завозился, устраиваясь поудобнее. По салону пробежала стюардесса, что-то вежливо шепча пассажирам. На миг остановилась надо мной, защелкнула ремень и побежала дальше. «Боинг» медленно выруливал на старт.

– Я счастлив приветствовать на борту нашего самолета отважного космонавта Петра Хрумова, чей героизм спас тысячи человеческих жизней… – тем временем продолжал командир. Все пассажиры бизнес-класса с готовностью зааплодировали. Пришлось открыть глаза и раздать еще немного улыбок.

И все же любое бремя славы недолговечно. «Боинг» стал разбегаться, неуклюже взмыл в воздух, медленно закладывая разворот. Пассажиры застыли в креслах, мужественно глядя перед собой. Я покосился в иллюминатор на вздыбленное поле аэродрома, вздохнул и расслабился.

Скоро я буду дома.

И уж кому-кому, а деду придется рассказать все.

По спине пробежал холодок.

Велика страна моя родная!

Даже когда летишь на скоростном американском самолете.

Полет занял почти шесть часов. Я успел выспаться, а один раз, разбуженный ласковым шепотом стюардессы, даже поел. Все бы хорошо… не гуляй сейчас по Земле счетчик. Чужой. Хитрый и коварный враг, которого я сам впустил на родину.

Что же я натворил…

В дремоте мне пригрезился какой-то кошмарный бред. Рептилоид, опоясанный патронными лентами, полз по гребню плотины. Маленькие глазки коварно поблескивали. Он готовил диверсию – вдали вздымались антенны командного центра СКОБы. Сейчас счетчик взорвет электростанцию, антенны замрут, и лишенная обороны Земля падет перед Чужими…

Наверное, я слишком много читал в детстве книг о шпионах. У деда целая комната заставлена шкафами с детективами и боевиками. Причем он их не просто читает – конспектирует, с компьютером на коленках…

– Наш лайнер заходит на посадку в аэропорту Шереметьево-1. Просим пристегнуть ремни, погасить сигареты и приготовиться к посадке…

В Москве только начинало темнеть. «Боинг» приземлился, подкатил к терминалу. Мои соседи торопливо собирались, упаковывая свои тела в дорогостоящих костюмах в не менее дорогие плащи и куртки. Пожилая дама одарила меня загадочным взглядом, заспанный сосед покрутил головой и уставился с таким видом, словно не понимал, как я оказался его соседом.

– Петр… – Из кабины прошел командир корабля. – Мне сообщили, там тебя ждут репортеры… Ты как?

Видимо, на моем лице все отразилось.

– Пойдем.

Вместе с командиром и одной из стюардесс я вышел из самолета. Мы пошли по полю к служебному входу. Воздух был влажный и тяжелый, как перед дождем.

– Ты куда сейчас? – поинтересовался командир.

– Домой.

– В Звездный?

– Нет, просто домой. К деду, в Переделкино.

– Тебя здесь встречают?

– Только журналисты.

– Ну… ладно. Бывай. Полетишь еще как-нибудь с нами – заглядывай в кабину.

Я кивнул летчику и пожал ему руку.

– Может, и я когда-нибудь… – Командир смущенно улыбнулся. – Я подал заявление о зачислении в космическую группу.

– Так ведь только военных летчиков принимают, – неуверенно сообщил я.

– Да нет уже. Неделю назад объявили общий прием.

Интересные дела…

– Как там, на звездах? – спросил летчик. Совершенно серьезно, без всякой иронии.

Я посмотрел на здания аэропорта, на снующие автобусы, россыпи посадочных огней.

– Да так же, в общем…

Мы вошли в здание.

Хорошо вернуться домой. Даже тоска по джамп-эйфории отпускает. Я вышел через служебную дверь, огляделся и двинулся через здание аэровокзала. Сновали люди, улетающие и прибывшие в бывшую столицу России, сверкали витрины. Никому здесь не было дела до космонавта, еще сутки назад болтавшегося в межзвездной пустоте.

И это было здорово.

Я собирался взять такси, но уже на выходе услышал крик:

– Петр! Хрумов!

Меня догонял командир «боинга».

– Блин… – Он остановился, отдуваясь. – Черт… Еле догнал.

– Что случилось?

– Тебя машина ждет. С меня бы голову сняли.

– А что такое?

Летчик только махнул досадливо рукой. Мы вышли из аэровокзала, осыпаемые вкрадчивыми голосами:

– Недорого… Куда ехать, ребята?.. До центра подбросить?..

Геннадий оскалился на таксистов и пояснил:

– Вчера ограбили кого-то из наших. Тоже… сел в случайную машину. Избили и обобрали. По фирме вышел приказ – из аэропортов доставлять на служебном транспорте.

– Кого избили?

– Не знаю. Тебе, наверное, скажут.

Мы прошли на служебную стоянку. Геннадий покрутил головой.

– Вон… Серая «вольво». Черт, если б я тебя не догнал…

Я частенько пользовался транспортом фирмы. Но раньше не запрещалось добираться и своим ходом.

Как-то не умещалось в голове, что могут ограбить и избить космонавта. Одного из тех, кто зарабатывает всей Земле место в Галактике.

– Счастливо, Петр… – Летчик пожал мне руку. – Хороший ты парень…

– Только? – спросил я.

– Что? – Геннадий растерялся.

– *Хороший ты парень, только…*

Летчик кивнул:

– Да, наверное. Хороший, только слишком правильный. И серьезный. Счастливо тебе.

Я сел на заднее сиденье. Рядом с шофером бдил мрачный охранник из отряда безопасности «Трансаэро».

– Хрумов? – уточнил водитель.

– Да. Вы меня ждете?

– Второй час уже. Рейс задержался. Куда ехать?

– В Переделкино.

Водитель кивнул:

– Ага. Я тебя как-то возил, помнишь?

На всякий случай я кивнул.

– Жулье совсем распоясалось… – сказал водитель. Машина выскользнула со стоянки и рванула по шоссе. – Теперь всех наших возим.

С минуту я слушал его мнение о частном извозе, разгуле преступности, очередных обещаниях мэра Полянкина покончить с оной, а потом незаметно задремал.

* * *

Когда мы подъехали к прославленному дачному району, уже совсем стемнело. Водитель разбудил меня, и я показал охране у въезда свой пропуск. Наступал вечер, второй вечер подряд, но, поскольку я спал, ощущение возникало такое, словно светлое время суток сократилось до пары часов.

– Сейчас направо, – командовал я. – У дачи Пастернака заверните…

– Это какая?

– Вон та…

Водитель мастерски завернул, потом спросил:

– Пастернак – тоже наш, с фирмы, да?

Я поперхнулся и не нашел что ответить.

– Нет, тот вроде Патерный… – размышлял водитель. – А! Это писатель такой, да?

– Да, – беспомощно признал я. – Писатель. Поэт. Знаменитый…

Довольный своей образованностью водитель начал тихонько насвистывать. Каменный затылок охранника дрогнул, и он неожиданно мягким голосом произнес:

– Быть знаменитым – некрасиво…

Странная штука – такие вот случайные встречи. Машина остановилась у дедовой дачи, я вышел, стараясь заглянуть в лицо охраннику. Но так и не смог – в салоне было темно.

– Спасибо, ребята, – сказал я. «Вольво» с легким гулом умчалась.

Я остался наедине с домом.

Нет, сказать, что я деда боюсь, – это неправда. Даже ребенком я его не боялся. Побаиваются обычно отца, это и правильно для мальчишек. Вот только мне так и не удалось узнать, что такое ласковая мама и строгий папа.

Разбились мои родители. Мне два года тогда было. Разбились на самолете, на мерзкой «тушке» – «Ту-154», самолете, который следовало снять с полетов еще в девяностых годах прошлого века. Дед меня и воспитывал… если это можно назвать воспитанием.

Я помялся перед калиткой. Она была не закрыта – весь район Переделкино и так надежно охранялся.

Нет, держать ответ придется.

Толкнув калитку, я вошел в сад. Окна дачи светили сквозь деревья, неярко – на первом этаже, в прихожей, и посильнее – на втором, в кабинете деда.

Уже у самой дачи из-за деревьев вынырнула безмолвная черная тень и метнулась ко мне. Я остановился, позволяя Тирану обнюхать себя. Спросил:

– Ну? Не признал?

Кавказская овчарка – пес серьезный. Тиран секунд пять изучал мои брюки, потом улегся на дорожке. Внимания требовал, паршивец. Уж не знаю почему, но меня в качестве хозяина он так и не научился воспринимать за все четыре года своей собачьей жизни. Скорее я годился ему в партнеры по играм, а изредка – в инструмент для чесания брюха. Во всяком случае, сейчас в собачьем взгляде читалось именно это.

– Нет, парень, ты обнаглел. – Я перешагнул через овчарку, достал ключ и стал отпирать замок. Тиран изо всех сил делал вид, что ничуть не разочарован, а на дорожку просто прилег отдохнуть.

Я вошел в дом и аккуратно запер дверь. Охрана охраной, и пес в саду тоже не зря свой «педигрипал» ест, но замок все равно надежнее.

– Петя, ты устал?

Я замер в прихожей, косясь вверх, на винтовую деревянную лестницу. Надтреснутый старческий голос доносился из кабинета. Дед явно оставил дверь открытой, чтобы услышать, когда я войду.

– Нет, деда!

– Тогда поднимайся.

С легкой тоской я покосился на дверь своей комнаты. Сейчас бы упасть на мягкую, чуть расшатанную и скрипучую, но от этого ставшую еще привычнее кровать… Включить вертушку с записью шума прибоя… или нет, раскрыть окно пошире и слушать шорох сада…

– Петр Данилович! – рявкнул дед.

– Иду! – Я кинулся на лестницу.

Ступеньки были невысокими, пологими, наверное, чтобы старенькие писатели не обедняли российскую литературу, падая с лестницы. Я сделал полный оборот, прежде чем оказался на втором этаже. Дверь в дедовский кабинет была открыта, от остальных комнат, давно и наглухо закрытых, словно тянуло тьмой и одиночеством. Мрачно все-таки тут… и как дед живет без меня?

Андрей Валентинович Хрумов, бывший психолог и литератор, бывший участник переговоров Земли и галактического Конклава, человек, которого называли Гиммлером космического века, толстый семидесятилетний старик, мой дед…

Он сидел в древнем кожаном кресле, когда-то светло- коричневом, а сейчас выцветшем до белизны, в тон его седым волосам. И молча разглядывал меня. На столе светился экран ноутбука, в углу комнаты, водруженный на хилую этажерку с книгами, бормотал включенный телевизор.

– Ты чего, деда? – тихо спросил я.

Дед медленно поднялся, подошел и обнял меня. Я его на голову выше, но сейчас вновь почувствовал себя маленьким.

– Паршивец… – прошептал дед. – Ну, Петька… паршивец… ведь вначале передали, что ты разбился…

– Правда? – Я пришел в ужас. Представляю, что было с дедом!

– Сказали, что ты, отводя челнок от города, врезался в землю…

– И ты поверил?

Дед отстранился на расстояние вытянутой руки. Уставился мне в глаза.

– Я? Конечно. Разве ты поступил бы по-иному?

Я промолчал.

– Полчаса ждал новых сообщений. Телефон оборвал. Потом передали, что челнок совершил аварийную посадку на шоссе.

Дед тихо, кашляюще засмеялся.

– Тогда я успокоился. Разбиться, спасая людей, ты мог. А вот при аварийной посадке – никогда!

– Почему?

– Потому! – рявкнул дед, вновь переходя на обычный тон. – Врачи тебя смотрели?

– Конечно!

– Сотрясения, ушибы, переломы?

– Ну я же здесь стою! Нет.

Дед кивнул, зашаркал к креслу. Я устроился на жестком венском стуле в углу комнаты. С самого детства я любил здесь сидеть, тихонько наблюдая за тем, как дед работает. Порой он разрешал мне притащить свой компьютер, я ставил его на краешек стола и делал уроки, пока дед работал. А если у него было хорошее настроение, то под вечер мы перекидывали между машинами шнурок и играли в какую-нибудь стратегическую игру…

– Итак, рассказывай, – устраиваясь в кресле, сказал дед. – Нет… постой.

Он с легким смущением отвел глаза и достал из ящика стола огромную хрустальную пепельницу, спички, трубку и кисет с табаком. Я, еще как вошел, почувствовал, что дед сегодня курил, но упрекать его не стал.

Но такого, чтобы дед при мне начал травить организм, давно не бывало.

– При выработке посадочной траектории… – начал я, безнадежно разглядывая фотографию на стене. На ней были мама, папа и я – совсем еще маленький, кудрявый и светловолосый. Лицо у меня было глупое и обиженное.

– Стоп, – раскуривая трубку, велел дед. – Мне не нужны подробности твоей посадки. Я хочу знать, что случилось на Хикси?

Вот так.

А чего еще я мог ожидать от своего деда?

– Я взял груз… кортризон…

– Петя, мальчик мой… в первую очередь я хочу знать – кто? алари, счетчики или куалькуа? И говори свободно, нас никто не услышит.

– Счетчики… – прошептал я.

Дед выпустил в потолок струю белого, пахнущего скорее пряностями, чем табаком, дыма. Кивнул:

– Я все-таки рассчитывал на алари… Они точно не замешаны?

– Не знаю… – уже ничего не соображая, признался я. – Вроде бы нет.

– Петя, я учил тебя, что отрицание никогда не может быть достаточно информационно насыщенным…

– Возможно, да.

– Прекрасно. Теперь все по порядку.

– Хикси. Груз кортризона. Старт нормальный. В момент выхода на орбиту на встречном курсе оказался крейсер… крейсер алари…

Дед довольно заулыбался.

Я отбросил все попытки разобраться в происходящем и принялся рассказывать все случившееся. Коротко, пока речь шла о предыстории, и подробно, когда на сцене – если крошечную кабину «Спирали» можно обозвать сценой – появился счетчик.

– Прекрасно, – подвел итог дед. – Более чем хорошо.

– Я ничего не понимаю, – признался я.

– Например?

– При чем тут алари?

– Что тебе помешало провести положенный осмотр челнока перед уходом в джамп?

– Крейсер…

– Вот. В результате экстренного джампа ты – первое, не обнаружил счетчика, второе – ушел в прыжок с плохо рассчитанной траекторией. И был вынужден принять помощь Чужого.

– Значит, все подстроено? Он врал? – Я даже не удивился.

Но дед покачал головой:

– Почему же врал? Сообщил часть правды. В операции проникновения на Землю участвуют не только живые компьютеры. Еще и воинствующие грызуны.

– А им-то зачем?

– Петя, на тебя давит известный всем космонавтам факт – боевые корабли алари сильнейшие в Конклаве. А тебе не кажется странным, что алари вынуждены содержать такой чудовищно огромный и разорительный флот? Они тоже в ловушке, Петя. Как и мы, как и счетчики. Они – боевая гвардия Конклава. Эта роль может устраивать часть расы, но никак не всех алари. Будь они воинственны от природы, давно бы истребили друг друга или схватились со всеми прочими Чужими.

Дед кашлянул, выколотил трубку и принялся набивать ее заново.

– Сложилась классическая ситуация, – удовлетворенно произнес он. – Имеются по меньшей мере три расы космоса, которые не удовлетворены текущим положением дел. Три расы, считающие себя ущербными, рабами, вынужденные играть заданную роль. Если бы ты знал, как давно я ждал этого мига!

– А как же счетчик? Как его найти?

– Найти? Зачем? Он и сам прекрасно нас найдет. Точнее – меня.

Вот чего никогда за дедом не замечал, так это мании величия.

– Дед, ты все-таки не секретарь ООН и не президент России…

– Кому нужны эти должности? – презрительно фыркнул дед. – Думаешь, я променял бы это кресло на кресло Мбаны Монтенебо или Алексея Шипунова? Ха!

– Ты думаешь, счетчик и впрямь шел к тебе?

– Конечно! Как он себя зовет? Карел? Карел Готт… – Дед затрясся от хохота. Почему он обозвал счетчика богом – абсолютно не пойму!

– Дед… – жалобно сказал я. Примерно тем же тоном, как в детстве, когда у меня не выходила задачка по дифференциальному исчислению или я никак не мог усвоить параграфы Галактического Кодекса – с их официально трехсмысленным толкованием и перекрестными ссылками…

– Петя! Ты устал. Тебе сейчас поспать надо. А мне – подумать.

Я встал – когда дед отправляет меня в кровать, то спорить бесполезно. Это я с детства усвоил. И все же спросил:

– Так ты что… не сердишься? Не считаешь предателем?

Дед отложил трубку и пораженно посмотрел на меня:

– Петя! Ты прекрасно себя вел! Ты сделал то, что необходимо было сделать! Если бы за воспитание давали Нобелевскую премию, я был бы бесспорным на нее кандидатом!

Я поспешил ретироваться. Слабостей у деда немного, но когда речь заходит о нобелевке – лучше убежать. Иначе придется вновь выслушивать историю о том, как дед ее не получил, – и

все из-за трусости чиновников, не рискнувших дать заслуженную награду автору «Манифеста обреченных» и «Введения в психологию не-людей».

Наконец-то я выспался. В своей кровати, под шорох начавшегося дождя из открытого окна. И самое главное – успокоенный дедом. Если уж он считает, что я не натворил беды, притащив счетчика на Землю, – значит все в порядке.

Проснулся я поздно. Небо плотно обложили тучи. Шел дождь, снаружи, откуда-то из-под крыльца, глухо поскуливал Тиран. Там у него целое логово, но, видимо, сейчас псу хотелось в человеческое жилье. Я поднялся, протирая глаза, вышел в прихожую, впустил собаку и отправился досыпать. Но сон уже не шел.

Тогда я включил телевизор и, валяясь в постели, прослушал последний выпуск новостей, записанный час назад.

Говорили о небывало большом урожае в Нечерноземье, который никак не удается убрать, о каких-то таможенных спорах с Великим Китаем, о выступлении президента США Мерфи… потом вспомнили и обо мне. Прокрутили компьютерный ролик, демонстрирующий процесс посадки «Спирали», какой-то незнакомый мне спец из Роскосмоса высказывал версии о причинах нерасчетной посадки. Потом показали садящийся шаттл – не «Спираль», а «Буран», но кто из телезрителей поймет это за три секунды? И меня, пирующего с шофером разбитого «Икаруса». Меня хвалили, причем довольно сильно. Я покраснел и стер выпуск новостей из памяти телевизора.

Сегодня мне, пожалуй, дадут отсидеться дома. Компания в этих вопросах деликатна. А вот завтра начнутся разборки в «Трансаэро» и в Роскосмосе, придется давать интервью и объяснять коллегам чудеса своего спасения…

Ой…

Я сходил и умылся, поднялся по лестнице, но в комнате деда еще царила тишина. Тогда я сделал на кухне пару бутербродов, подхватил чайник и вернулся к себе. На столе лежала дедова книжка «Место под звездами». Вначале я не обратил на нее внимания, потом заметил, что обложка чуть-чуть другая. Стало больше названий галактических рас – кроваво- красных надписей на черном «космическом» фоне. Оказалась, что это новое издание, как водится, «дополненное и переработанное».

Усевшись у окна и жуя бутерброд, я пролистал книгу. Вроде бы ничего особо и не изменилось. Три «постулата Хрумова», ехидные издевки над американским астрофизиком и энтузиастом контактов Молдером, краткие и беспощадно злые характеристики всех известных людям рас космоса. Я пролистал статьи о счетчиках и алари.

Странное дело, об этих расах дед писал прямо-таки с ненавистью! Если верить тексту, то именно они являются нашими заклятыми врагами, ну или точнее – злейшими конкурентами…

Я открыл книгу на вступлении и начал читать:

«Галактическая Семья – не просто общая фраза. Мы вправе считать девять сильнейших рас космоса, живущих вместе уже около тысячи лет, семьей. Встает лишь один вопрос: кем являются в данной семье молодые и слабые расы – алари, человечество, счетчики, калькуа, мерцающие, дженьш, непроизносимые, пыльные?.. Список можно продолжить – число молодых рас превосходит число Сильных почти на порядок. Различие Сильных и Слабых на первый взгляд неявно. Корабли алари куда сильнее, чем флот даэнло. Счетчики, бесспорно, более интеллектуальные существа, чем хиксоиды. Но все расы, которые мы причисляем к Слабым, имеют несмываемое тавро – узкую специализацию.

Итак, кто мы в Галактической Семье? Дети или пасынки?

Если проводить аналогии с человеческим обществом далее, то можно привести такой пример. Родители вправе воспитывать своих детей так, как представляется им перспективным. Мы помогаем мальчику с абсолютным слухом стать музыкантом, а девочку с хорошей пласти-

кой может ждать карьера балерины. Мы вправе – это наши дети, и нам обычно виднее, какой путь принесет им больший успех в жизни.

Но Сильные расы – не наши родители. И роль космических извозчиков, навязанная нам два десятилетия назад, не является мечтой человечества.

Что мы скажем о человеческой семье, которая берет на воспитание беспомощных детей, исходя из своих потребностей? Как отнесемся к людям, которые воспитывают физически крепкого мальчика лесорубом, гибкого и худощавого – трубочистом… и без всякой возможности выбрать свой жизненный путь? Основой человеческой цивилизации всегда была гибкость и универсальность, причем не только в масштабах общества, но и на уровне отдельной личности. Сейчас мы помещены на прокрустово ложе. Еще живы те, кто не мечтал о таком будущем человечества, которое нам навязали. Но сменится одно-два поколения – и процесс станет необратимым. В психологии людей надолго, если не навсегда, закрепится предписанная Сильными расами роль…»

Я захлопнул и отложил книгу. Вслушался – точно, сверху доносились неясные звуки, дед проснулся.

Любит он проводить ассоциации. И ведь всегда меня учил: «Не верь сравнениям! Не верь лживым аналогиям! Они говорят лишь о личности автора, но никогда – о сути разговора!» А сам ими не брезгует. Во всяком случае, в массовых изданиях вроде «Места под звездами».

– Петя! – послышалось сверху. – Ты встал?

Когда я поднялся в комнату деда, он заканчивал разговаривать по телефону:

– Да, Машенька… Спасибо, золотко. Зверобой? Захвати, конечно! Ты у меня мастерица травку собирать… И душицу возьми. И болиголов…

Дед покосился на меня слегка досадливо, словно не ожидал, что я приду так быстро, до окончания разговора. Кивнул на стул и продолжил:

– Бессмертник не собрала? Ой как жалко-то… Ну хоть страстоцвет? Лапочка… Что бы я без тебя делал. Страстоцвет нам пригодится. Погрузили? Ну, жду. Жду. С Петей познакомлю наконец. Он тут рядышком сидит. Ну, пока.

Странный был разговор. С неведомой мне Машей дед общался так, словно с любимой внучкой. Вот только не было у меня никаких сестренок, даже двоюродных.

И травами лекарственными дед никогда не увлекался, и к цветам был почти равнодушен. Похоже, разговор шел намеками, кодом, понятным лишь двоим. Особенно последняя фраза, про то, что я сижу рядом, настораживала. Словно дед давал понять: «Не могу говорить свободно…»

Опустив трубку на рычаг, дед с минуту молчал. Потом произнес:

– Это аспирантка из моего питерского центра. Очень талантливая девочка. Гениальная, не побоюсь этого слова… в своей области, конечно.

– В фитотерапии? – съехидничал я.

– Можно сказать и так. – Дед вздохнул. – Петя, вечером у нас будет серьезный разговор. Очень серьезный. Маша приедет после обеда… вам давно стоит познакомиться.

Господи, может, дед меня женить надумал?

– Увы, нам не до дел матримониальных… – Дед, по своему обыкновению, угадал ход моих мыслей. – Петя, можешь сейчас съездить в город?

– Да, конечно.

– Купи продуктов. Чего-нибудь вкусненького. Возьми бутылочку хорошего шампанского. Пару бутылочек «Бейлиз» и «Адвоката». Икры с полфунта. Три *зухра* нежирной ветчины. Если найдется, *беттен* хорошей телятины…

Опять началось. Любит дед такие забавы – вываливать одним махом уйму заданий, причем приводя меры веса, размера и качества в разных земных и галактических стандартах. Тре-

нировка памяти… до сих пор помню, как хохотал весь класс, когда я, обалдев от намеченных на «после школы» покупок, решил контрольную в системе счисления Хикси…

– Все? – уточнил я, когда дед закончил.

– Да. Деньги у тебя есть?

Я прикинул наличность.

– Хватит. Так что мы собираемся сегодня праздновать?

– Твое чудесное возвращение! – удивился дед.

– Извини, деда. – Я смутился. – Конечно. Я побежал?

Дед вздохнул.

– Да. Не забудь залить полный бак, в Москве, передавали, опять перебои с бензином.

Кивнув, я вышел из кабинета. Накинул плащ, свистнул Тирана и вышел под дождь. Гараж у нас стоит очень неудобно, далеко от дома, наверное, рассчитано было на то, что к машине прилагается безропотный и непромокаемый шофер.

Пока я, спрятавшись от дождя под козырек крыши, возился с замком, Тиран возбужденно носился вокруг. Надеялся, наверное, что я возьму его с собой. Нет уж. Во-первых, сиденье потом оттирать придется, такую грязь развезло. А во-вторых, раз уж ворье в Москве распоясалось, пусть в доме будет надежный охранник.

– Дядя Петя!

Тиран, решивший, что прозевал возможную опасность, зарычал. Я дернул его за ошейник и помахал рукой мальчишке, просунувшемуся через ограду.

– А про вас по телику передавали!

– Ну и как?

– Круто!

Алешка был сыном бизнесмена, не то снимавшего, не то купившего одну из соседних дач. Славный мальчишка.

– А где вы были, дядя Петя?

Словно не знает, хитрец. Уже месяц при встречах интересовался, когда я полечу на Сириус.

– На Хикси-43.

– Сириус?

– Ага. – Я наконец-то справился с замком.

– Там камни красивые? – задумчиво поинтересовался Алешка.

Я усмехнулся.

– Красивые. Я тебе привез несколько.

– О! – завопил Алешка, подпрыгивая. – Спасибо, дядя Петя! Ни у кого из ребят еще сириусянских камней нет!

Здорово, наверное, собирать в детстве такую коллекцию – маленькие кусочки чужих планет. Брать их на ладонь – и представлять себя отважным первооткрывателем далеких миров. Я вздохнул. Да уж… первооткрывателем… настанет ли день, когда Земля сможет назвать какую-нибудь планету Земля-2?

– Ты забеги попозже, – попросил я. – Мне сейчас в город надо съездить.

Алешка явно огорчился, но постарался виду не показывать.

– Ладно.

– А то садись, прокатишься, – предложил я.

– Не, дела… – Мальчишка поднял над оградой руку с огромным сачком. – Охота!

– И много воробьев наловил?

– Ни одного. Пуганые. – Алешка вздохнул. Вряд ли он испытывал недостаток в карманных деньгах, скорее – азарт. – Дядя Петя, а Чужие их точно не едят?

– Нет. Инопланетная органика ядовита.

– Какая же она инопланетная?

– Для Чужих, балбес!

Алешка хлопнул себя по лбу.

– Летающие животные – огромная редкость в Галактике, как ни странно, – объяснил я. – Их содержат для красоты. В больших вольерах, чтобы могли летать. На самом деле птицам у Чужих получше, чем на Земле, живется.

– Это здорово, – серьезно сказал мальчишка. – Я не стал бы их ловить на еду. А вы вечером со мной не сыграете? Мне такую игру притащили, там эта… фрукт… фруктальная…

– Фрактальная.

– Да! Плавающая фрактальная графика сверхвысокого разрешения. Во!

– Посмотрим. Если мне дед разрешит телефон занять – сразимся.

Алешка понимающе кивнул – мол, знакомые проблемы… Я махнул ему рукой и пошел заводить машину.

Глава 5

Насчет бензина дед был прав. Во всяком случае, я заметил, что на московских улицах маловато машин. Вначале я направился прямо к «Елисеевскому», потом вспомнил просьбу Эльзы Шредер. Слава Богу, я по-прежнему был в трансаэровской куртке, и письмо терпеливо ждало во внутреннем кармане. Вздохнув, я развернулся, двинулся назад по Огарева и припарковал старенькую «дюжину», которую дед не менял из патриотических соображений, напротив Главпочтамта.

Не верю я в скорость нашей почты. Лучше тут письмо брошу, быстрее дойдет до Франкфурта.

Кинув жетон в счетчик на тротуаре, я оплатил стоянку и побежал к почтамту. Несколько прохожих глянули на меня с легкой заинтересованностью, но, кажется, никто так и не узнал.

Слава – вещь недолгая. Вот если бы я отвел падающую «Спираль» от Москвы, то жители бывшей столицы меня бы узнавали долго. А так…

За письмо пришлось еще и доплачивать. Я разменял «спейсбаксы» на рубли, наклеил на конверт две марки по тридцать копеек и бросил письмо в ящик. Привет, господин Шредер, добропорядочный немецкий буржуа. Твоя красавица жена скучает и шлет приветы.

Брать машину с парковки было глупо. Я прошел два квартала и окунулся в пахучее нутро «Елисеевского».

Приятное зрелище – изобилие вкусной еды. Уж на что я равнодушен к гастрономическим изыскам, а какие-то древние инстинкты выплеснули в кровь адреналин и начали нашептывать: «Всё! Всё – и побольше!»

Борясь с инстинктами, я начал обход прилавков. Первым делом на глаза попалась ветчина – нежирная, как просил дед. Я кивнул улыбчивой продавщице и, проделав в уме несложный расчет, выпалил:

– Семьсот тридцать два грамма «Деликатесной» ветчины, пожалуйста…

Наверное, не стоило так буквально исполнять просьбу деда о «трех *зухрах*»…

Улыбка девушки стала напряженной, но она все-таки попыталась выполнить просьбу. Виртуозности ее можно было позавидовать – розовый пласт лег на весы, и она поинтересовалась:

– Семьсот тридцать. Добавить?

Чувствуя себя негодяем, я замотал головой:

– Нет, спасибо. Я… пошутил.

Вымученно улыбаясь, девушка завернула ветчину в пленку, я расплатился и двинулся дальше, зарекшись на будущее приводить точные числа. Это не переговоры по межзвездной торговле и не расчет джампа… это просто хороший продуктовый магазин.

…Через четверть часа я все закупил. И ликеры, и *беттен* хорошей телятины. С двумя пакетами в руках выскочил из гастронома, двинулся по тротуару и был остановлен негромким голосом:

– Внучек…

Бабулька стояла метрах в пяти от входа. Явно специально, чтобы охрана магазина не сразу заметила попрошайку. Классическая нищая – в чистой, но ветхой одежде, древняя-предревняя… Дед всегда говорил, что нищенствующие у роскошных магазинов не беднее школьного учителя или участкового врача… но при этом продолжал им подавать.

Остановился и я. Порылся в кармане.

Бабка смотрела то на меня, то на вход в магазин. Зрение у нее явно было еще то, несмотря на возраст.

Я протянул ей рублевую бумажку. Вылавливать в карманах медь, когда я только что накупил продуктов на сотню, было бы гнусно.

– Ты космонавт, внучек? – спросила бабка. Скорее утверждающе, чем вопросительно. Куртка моя была слишком уж характерная.

– Да.

– Скажи… – Бабулька снова оглянулась и, успокоенная отсутствием милиции, продолжила: – Ты был *там*…

Неужели верующая?

– Там, в чужих звездных системах… Ты ведь не просто пилот, верно?

– Я просто пилот, бабушка. Извозчик.

Что-то мешало мне, откупившись рублем, прервать старуху и уйти.

– Все равно… – Сморщенное старческое лицо сложилось в слабой улыбке. – Я ведь еще Гагарина помню… живого… я при коммунизме жила.

Дед мне говорил, что настоящего коммунизма в прошлом веке так и не построили, но не с попрошайкой же спор по этому делу затевать…

– Внучек… – Сухая ладонь цепко взялась за мое запястье. – Ты добрый. Ты хороший человек. Скажи старухе… ты не соврешь?

Лил мелкий дождик, хотелось быстрее нырнуть в теплое нутро «жигулей», но при виде этой старухи с непокрытой седой головой мне становилось слишком стыдно.

– Я не совру.

– Скажи, есть у нас впереди хоть что-то? Мне уже все равно… – Улыбка, снисходительная, как осенний дождь. – Но у меня есть правнук… и внук, хотя в этом я и сама порой сомневаюсь…

– О чем вы, бабушка?

Старуха покачала головой:

– Неужели ты не понимаешь? У тебя умные глаза… Всегда нам говорили о великом будущем. О счастье человечества. Я ведь коммунизм строила… потом капитализм… пыталась… Все мы ради этого терпели. Ради будущего, ради счастья… Сейчас вы звездное будущее строите. Мальчик, ты веришь, что это не зря?

– Я хочу верить, – прошептал я.

И тут из текущего по тротуару ручейка прохожих вынырнул милиционер в сером дождевике. Остановился, зыркнул на старуху глазами, быстро козырнул мне и произнес:

– Опять?

Старуха попятилась.

– В отделение захотела? – продолжал милиционер.

Бабулька начала быстро отступать. Милиционер сделал было шаг ей вслед, но я поймал его за плечо:

– Отставить!

Слава Богу, что у всех российских космонавтов двойное подчинение. Не только фирме-перевозчику, но еще и Роскосмосу. Который, если говорить начистоту, организация военная.

И мое звание майора ВВС, после трехлетней давности указа президента Шипунова, кое-что значит и в иерархии МВД.

Но милиционер не выглядел ни разозленным, ни разочарованным.

– Вы космонавт, – утверждающе произнес он. – Не думайте, что я… такой уж…

Он был еще совсем молодой парень, этот московский милиционер. И похоже, не сволочь из тех, кто сшибает деньги с каждого торговца и гоняет нищих.

– Сумасшедшая она просто, старуха эта… Вечно здесь толчется и пристает к космонавтам. С вопросами «как там на звездах?», «что с нами будет?». Больная…

Я посмотрел ему в глаза. Честные глаза, просто совсем молодые. Даже моложе и наивнее моих.

– А может быть, она одна нормальная, сержант? – спросил я.

Кажется, он так меня и не понял… Я бросил пакеты с продуктами на заднее сиденье, посидел с минуту, облокотившись на руль.

Верю ли я в наше будущее?

Медленно повернув голову, я скользнул взглядом по толпе. Словно камерой снял общий план, а потом, прикрыв глаза, разглядел картинку.

Верят ли эти люди в звездное будущее человечества? Нужно ли оно им, замотанным транспортными проблемами и перебоями с теплом в квартирах, плановыми отключениями электроэнергии и дороговизной продуктов? Что дал им космос – кроме страха перед чужими мирами и вымученной гордости за планету Земля, за ее космические корабли – самые быстрые в Галактике…

Мотор взревел, когда я шарахнул ногой по педали. Я понесся по Огарева с четким желанием убраться побыстрее из города.

Лучше бы я никогда не выходил из дома. Переделкино – Звездный – Свободный – Галактика… Прекрасный маршрут. Из уюта старой дачи в академический покой столицы российской космонавтики, потом – в суету космодрома… а потом – джамп.

Джамп! Сказочная эйфория прыжка и невообразимо далекие миры, недоступные даже воображению. Уж мне-то по крайней мере космос дал многое.

Разве я виноват в том, что именно я сижу в кресле пилота, преодолевая межзвездные бездны?

Под ленивым, так и не решившим, идти в полную силу или утихнуть, дождем я пробежал от гаража к дому. Дверь оказалась не заперта, а прихожая завалена пакетами, картонными коробками, объемистыми сумками. Судя по их количеству, к нам с месячным визитом прибыла большая семья или остановилась перед восхождением на пик Демократии экспедиция альпинистов. Все вещи были мокрые – значит неведомые гости только что прибыли.

Меньше трех часов отсутствовал, а дом как чужой стал!

Лавируя между коробками, я пошел на кухню.

– Петя?

– Да, деда, – привычно отозвался я.

– Бросай припасы и поднимайся!

Что-то во мне не выдержало. То ли устал я от таких вот распоряжений со второго этажа, то ли старушка у магазина вспомнилась… Я швырнул пакеты на пол и стал подниматься.

Только на полпути подумал, что, абсолютно не задумываясь, кинул вначале пакет с мясом и ветчиной, а уже на него – второй, с бутылками.

Даже истерику с битьем бутылок устроить не получается!

В комнате было свежо – видно, дед недавно проветривал. Тихо играла музыка, кто-то из композиторов итальянского барокко, то ли Корелли, то ли Манфредини. Все довольно обычно.

Первой неожиданностью оказалось то, что дед сидел на моем месте, на стуле. А кресло оказалось занято, и это уже было второй неожиданностью. Там, по-мужски закинув ногу на ногу, сидела молодая женщина лет двадцати пяти. Очень серьезная, с грубоватым скуластым лицом, собранными в чахлый хвостик волосами, в джинсах и свитере домашней вязки.

Вот что меня всегда смущает – это некрасивые девушки.

Какую-то вину я начинаю перед ними чувствовать. «Быть некрасивой – некрасиво…», если позволить тавтологию и рискнуть перефразировать поэта. Нет, понятно, что манекенщицами и победительницами конкурсов красоты всем женщинам не быть. Но если молодая девушка так откровенно плюет на собственную внешность – кто-то в этом виноват.

И я всегда себя чувствую так, словно этот кто-то – я.

– Петя, познакомься. – Дед встал. – Это Маша. Моя лучшая сотрудница.

– Много о вас слышала. – Маша, не вставая, протянула мне руку. Пожатие ее было крепким, товарищеским. Голос – отрывистым и резким. – Думаю, сработаемся.

– Очень приятно… – пробормотал я.

Дед кивнул мне на свою кровать – больше в комнате и сидеть-то было не на чем.

– Петр, не знаю, насколько ты в курсе планов… – начала Маша. – Ничего, если мы сразу перейдем на ты?

– Ничего…

– Правильно. Не люблю формальностей. Итак, Андрей Валентинович вкратце ввел меня в ситуацию… – начала Маша.

– Простите…

Маша подняла брови.

– Прости, ты – психолог? – спросил я.

Маша покосилась на деда.

– Моя вина, – сказал дед. – Петя совершенно не владеет ситуацией. Я ожидал начала событий через полгода-год…

– Я техник, – сказала Маша. – Физик по образованию, но работаю больше как техник. Три года назад Андрей Валентинович принял меня на работу… – Снова взгляд на деда, тот кивнул. – Я занималась разработкой методов и средств… э… общения с Чужими.

– Методами убийств и пыток, – меланхолично сказал дед.

В голове у меня что-то щелкнуло.

– Болиголов? Зверобой? Душица? Страстоцвет? И как, Маша, ты все привезла?

Маша кивнула, словно не замечая иронии.

– Дед! – завопил я. – Ты что?

Нет, я мог заподозрить деда в желании прибить инопланетянина. Но не в таких же… почти промышленных масштабах!

Его уже сейчас можно сажать в тюрьму на пару сотен лет – за одни эти приготовления!

– Ты не настучишь на меня, внук? – спросил дед.

Я молча окинул взглядом потолок, углы комнаты.

– Все проверено, – скучным голосом сказала Маша. – Все «жучки» давным-давно обнаружены и подключены к имитационному компьютеру. За Андреем Валентиновичем следили ФСБ, МВД, Роскосмос, ЦРУ и МОССАД. Но, по их мнению, твой дед сейчас рассказывает нам о коварстве Чужих и ругает президентов.

– Дед, ты с ума сошел! – воскликнул я. – Ты что, решил отловить и пытать счетчика?

– Ловить не надо, он сам придет, – отмахнулся дед. – А пытать… по ситуации. Посмотрим.

Маша с любопытством поглядывала на меня, и это вернуло мне самообладание.

– Дед, ты не прав, – только и сказал я. – Ты совершенно не прав. В тебе говорят эмоции.

– Во мне? – Дед засмеялся. – Что ты, Петя… Я давно не могу себе позволить эту роскошь – жить эмоциями. Только расчет. Чем спорить попусту, лучше помоги Маше на стол собрать. В конце концов, свободное время можно использовать и приятным образом.

Он улыбнулся нам обоим и подтянул к себе ноутбук. Словно дал понять, что беседа окончена. Послушание во мне все-таки оставалось – я встал и вышел вслед за Машей. А та двинулась на кухню так уверенно, что сомнений не оставалось – она здесь бывала частенько.

В те дни, когда я возил земное барахло в обмен на барахло инопланетное…

Ну, дед!

– Готовить – это не женское занятие, – сказала Маша.

Она с таким ожесточением колотила деревянным молотком по будущим отбивным, словно перед ней было филе Чужих.

– Конечно, не женское, – согласился я. – Лучшие повара всегда были мужчинами.

Маша покосилась на меня, но спорить не стала. Полчаса мы дружно, хоть и в полном молчании, занимались приготовлением обеда. Потом она вновь заговорила:

– Завидую тебе, Петр. Быть внуком Андрея Валентиновича – это большое счастье.

– Знаешь, я как-то не имел возможности выбирать и сравнивать…

Маша подозрительно глянула:

– Ты смеешься?

– Нет, что ты.

– У меня плохое чувство юмора, – самокритично призналась она, разжигая огонь под сковородой. – Ты учитывай, Петя. Будем вместе работать, надо устранить возможность конфликтов…

– Мне сложно работать с кем-то вместе. У меня кресло второго пилота снято, вместо него джампер стоит.

Я вспомнил старушку «Спираль» и загрустил.

– А ты часто испытывал джамп?

– Полсотни раз.

– Это и правда похоже на оргазм?

– Н-нет… наверное.

– Тебе не с чем сравнивать?

Кошмар какой-то! С чувством юмора у нее плохо, но вот с непосредственностью – никаких проблем.

– Есть с чем. Просто это совсем разное. Словно просят сравнить вкус апельсина и органный концерт Баха.

– Я выберу апельсин, – решительно заявила Маша. – Так. Пошли разбирать груз.

Минут двадцать мы распаковывали ящики и сумки. На свет появлялись блоки электронной аппаратуры, мотки кабеля, бережно, как елочные игрушки, завернутые в бумагу и вату детекторы.

– Когда твой пассажир появится, – сказала Маша, – его будет ждать сюрприз. Здесь видеодатчики с псевдоразумным блоком определения, магнитные сенсоры, инфракрасные детекторы, активные радиосистемы, измерители электрического поля… Никто не пройдет незамеченным.

– У нас собака, – предупредил я.

– Запрем. Нет, не надо. Собаку внесем в список разрешенных объектов.

Временами Маша отбегала на кухню, а я, пользуясь возможностью, осматривал ее творения повнимательнее.

Все сделано вручную. Явно несерийная работа.

Но очень аккуратная.

Возможно ли одному человеку сотворить все это – пусть даже пользуясь готовыми схемами и разработками? И вдвойне интереснее вопрос – можно ли скрыть эту работу от соответствующих органов? Которые старательно пресекают любое недовольство Чужими?

Не верю я в гениальных сумасшедших ученых!

Зато верю деду. А он верит Маше…

– Газ я выключила, – сообщила Маша, вернувшись с кухни. – Пошли расставим детекторы.

Мы вышли под дождь и принялись устанавливать датчики по территории дачи. Занятие несложное, все они были с радиопередатчиками, и тянуть провода не требовалось. За полчаса мы усеяли пожухлую траву, стволы деревьев, забор и дорожки сотней крошечных пластиковых устройств, выполненных в основном в виде камешков и сухих веточек. Несколько детекторов Маша упрятала внутри достаточно гадко выглядевших корпусов. Ну, знаете, есть такие магазинчики, где продают подгузники пятидесятого размера, «отрубленные пальцы», «настоящую кровь» и прочие предметы для развлечения пятиклассников и взрослых со слабым интеллектом… Надо признать, искусственные собачьи экскременты выглядели вполне правдоподобно.

Потом Маша уселась в прихожей с переносным пультом, а я поводил недоумевающего Тирана по территории. На провокационно выглядевшие датчики он не обращал никакого внимания – запах был не тот.

Когда мы вернулись, оба мокрые и не получившие от прогулки никакого удовольствия, Маша удовлетворенно кивнула:

– Прекрасно. Собачка может ходить беспрепятственно.

Она без всякого страха потрепала Тирана за морду, и я убедился, что знакомы они давным-давно.

– Воспользуюсь твоей ванной комнатой, – сообщила Маша и, подхватив самую мелкую и неказистую сумку, пошла мыться. Мне оставалось только ждать, и я поднялся наверх.

Дед сидел перед компьютером, колотя по клавиатуре с видом поэта, поймавшего редкий миг вдохновения.

– Мы поставили охранную систему, – сказал я.

– Молодцы…

– Дед, ты думаешь, это сработает?

Он задумчиво посмотрел на меня.

– Счетчик даже «черный ящик» в челноке смог перепрограммировать…

– Мы должны исходить из того, что Чужие не всесильны, – с легким раздражением ответил дед. – Иначе нам остается лишь смириться со статус-кво…

– А это так плохо?

– Ты не согласен с моей позицией? – поразился дед.

– В общем-то согласен. – Я вспомнил московские улицы, почти без машин, мрачные, напряженные лица прохожих, сумасшедшую побирушку. – Конечно, мы гробим экономику страны… нет, не страны, всей планеты. Если даже Испания, Португалия, Бразилия соорудили космодромы… это ненормальная ситуация.

– Ну? – подбодрил дед.

– Все эти аварии… в Приморье, говорят, экология вообще к чертям собачьим рухнула… Да, мы не можем выдерживать заданный темп. Но, дед, если решиться на активное противодействие – Чужие могут уничтожить всю Землю!

– Никогда. Курицу, несущую золотые яйца, не режут на бульон. Даже если она клюнет хозяина в руку.

– Фальшивая аналогия, – сказал я.

– Допустим, фальшивая. Но суть остается та же. Опасность может грозить лишь нам, Петя. Если мы натворим глупостей, то нас всех подвергнут показательному суду, сошлют на лесоповал. – Дед хихикнул, словно представив себя с топором в руках и по колено в снегу. – А Земле-матушке хуже не станет.

– Дед, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Да.

– Ты меня никогда не обманывал, дед. Я тебе верю. Но боюсь.

Дед отвел глаза:

– Все будет хорошо, Петя. Но без твоего участия весь план рухнет. Понимаешь?

Я кивнул. Что уж тут поделаешь, дед продумывает и разыгрывает свои многоходовые комбинации на много лет вперед. Глупо пытаться его переубедить за один день.

– Подружился с Машей?

– Ну… в какой-то мере.

– Интересная девушка, – сказал дед.

– Да, умная… – выдавил я единственно возможный комплимент. Дед почувствовал напряжение в голосе и воскликнул:

– И все?

– Чистоплотная… – ляпнул я, прислушиваясь к шуму воды на первом этаже. Как ни странно, дед захохотал:

– Петр, ты меня порой удивляешь…

– Ты тоже, дед. Давно вы знакомы?

– Давно. У меня много странных знакомств, Петя.

И тут я дернулся:

– Дед… Тебе привет от Данилова!

– От Александра Олеговича? – Дед всплеснул руками. – Да, он ведь тебя встречал…

– Не только привет, – совсем уже убито прошептал я. – Он что-то передавал тебе… а я так и не открыл «дипломат».

– Неси, – скомандовал дед. Он как-то весь напрягся. – Неси не открывая!

Я бросился вниз. У двери мялся Тиран, дергая лапой замок. Я отпер ему, и пес выскочил в сад. Пусть побегает, дождь приутих… Может, какой-нибудь датчик на него сработает – а то уж слишком Маша самоуверенна.

Из ванной, пока я искал «дипломат», доносились плеск воды и пение. Слух у Маши был. С голосом, увы, оказалось хуже.

С «дипломатом» в руке я поднялся к деду. И обомлел.

Он покинул свое кресло и нацепил странный пластиковый балахон. Прозрачный, двухслойный, причем между пленками была тонкая, как паутина, медная сетка. Лицо деда закрывал прозрачный щиток, тоже с проволочной решеточкой.

А в руке был небольшой металлический агрегат зелено- бурого цвета. Антенна сложной формы, два тумблера и дисплей.

– «Дипломат» – на стол! – скомандовал дед из-под забрала. – И отходи.

– Дед, это чего? – спросил я.

– Не знаю, я ведь сварщик не настоящий, на стройке нашел, – ответил дед явно цитатой, только откуда – я не узнал. – Это индикатор органики, внучек.

На кровати валялся раскрытый чемодан, явно привезенный Машей. В нем еще оставалось много всяких незнакомых устройств.

– Посмотрим… – прошептал дед и щелкнул тумблером.

Дисплей засветился красным.

– Твой счетчик мог поместиться в «дипломате»? – невинно спросил дед.

У меня внутри все похолодело.

– Нет… Не знаю…

– И никто не знает, – согласился дед. Не сводя взгляда с «дипломата», попятился к кровати, взял из чемодана что-то, очень похожее на оружие. Рукоять, спусковой крючок и конусовидный ствол. Похоже, оружие было не пулевым – ствол походил на антенну.

– Не надо! – воскликнул я, и в этот момент дед нажал на спуск. Абсолютно ничего не произошло, только в ушах у меня возник легкий, словно не имеющий источника звук.

– Это прототип парализующего излучателя, – сказал дед, откидывая оружие. – Однозарядный. На все земные формы жизни действует.

– А на инопланетные?

– Сейчас увидим.

Дед подошел к столу и открыл «дипломат». Внутри было несколько маленьких пакетов – с моими вещами и сувенирами. И один большой.

Очень аккуратно и бережно дед развернул его.

Вздохнул и сел в кресло. Стал снимать прозрачный шлем.

– Помнит еще Саша, как я люблю красную рыбу… – сказал он. – Хочешь, Петр? Хорошо просоленная… а теперь еще и парализованная лососинка.

Я отщипнул кусочек рыбы, прожевал.

Рыба как рыба. На вкус неведомое оружие не повлияло.

– Классная лососина, деда… – сказал я. – Ты что?

Он сидел, обхватив голову руками и глядя на «дипломат». Тоскливо посмотрел на меня:

– Думаешь, я не боюсь, Петя? Думаешь, кошмары ночами не давят? Нервы, Петя… Я ведь уже думал, и не дождусь этого дня… не успею… сам.

На лестнице послышались шаги, и дед встряхнулся.

– Иди мойся. Нам с Машей надо поговорить.

Я обогнул застывшую в дверях девушку – она была в халате и с обмотанной полотенцем головой.

– Мы тут воевали, – любезно сообщил я.

Мылся я долго и с удовольствием. Словно мог отскоблить с тела все неприятности и неожиданности последних дней. Вернуться в прежнее спокойное и легкое состояние духа.

Привык я все-таки к уверенности – в себе самом и в завтрашнем дне. С самого детства знал: на свете есть дед, чьи ехидные реплики газеты выносят на первые страницы, дед, к которому приезжают советоваться депутаты и бизнесмены. За ним – как за каменной стеной. Нет, он никогда мне ничего не навязывал. Я сам выбирал курсы, которые проходил в школе, спортивные секции, где хотел заниматься, сам решил стать военным летчиком, потом ушел в космонавтику… но дед всегда был готов помочь.

Интересно, а есть ли в Галактической Семье внуки?

Я усмехнулся, начал что-то насвистывать, потом вспомнил немузыкальное пение Маши и замолчал.

Хорошую аналогию привел дед в своей книжке, про детей и пасынков. Обидную для человечества, однако нам давно пора научиться обижаться.

Но ведь все аналогии – лживы…

Что-то давило на меня. Какой-то холодок затаился в груди, щекотал нервы тонкими паучьими лапками. И его не прогнать горячим душем.

Словно я проглядел что-то важное. Отвернулся, не желая видеть…

Тьфу ты, это уже неврастения какая-то! Все у меня нормально. Насколько может быть, конечно.

Растеревшись мягким стареньким полотенцем, я взял с полки фен и слегка подсушил волосы. Маша то ли постеснялась им воспользоваться, то ли не заметила. Скорее не заметила. Надо будет предложить ей фен. Странная девушка…

Интересно, а я ей понравился? Не как внук обожаемого Андрея Хрумова, а просто как человек?

Выглянув – нет ли кого в моей комнате, я вышел из ванной. Маша – девушка бесцеремонная, может ввалиться без стука. А я к этому не привык. Лет с пяти, наверное, усвоил: в своей комнате я полный хозяин; если захочу, то дед сюда не войдет. Потом прочитал в какой-то книжке деда о том, что утрата «личной территории» приводит к анормальному развитию как отдельного индивидуума, так и нации или расы. Дед имел в виду человечество, не способное ныне контролировать Землю. Прогнозировал, к чему это в итоге приведет, – проводя очень рискованные аналогии с историей разных народов. Но и ко мне, вероятно, применял свои убеждения.

В дверь тихонько постучали.

– Петя, – позвал дед. – Если ты освежился, то помоги нам собрать на стол.

Не люблю я таких вот домашних банкетов. Смысла в них не вижу. Одно дело, когда приходят гости и хочется устроить им настоящий праздник. Тонкий фарфор посуды, хрусталь бокалов, какой-нибудь телячий бок, запеченный в миндальном соусе, и красное божоле, только что из Франции… Здорово, когда доставляешь людям приятное.

Или когда для себя делаешь событие, идешь в маленький уютный ресторан… и за кружкой свежего пива терзаешь шашлык по-карски…

Совсем другое, когда сам же суетишься, готовишь, выкладываешь салаты позатейливее, застилаешь стол, раскладываешь приборы… чтобы через пару часов, все съев и выпив, начать мыть посуду и ликвидировать все следы торжества.

Глупо ведь, правда?

Можно было сесть на кухне, разогреть в микроволновке пиццу, откупорить по бутылочке чешского пива. И никаких проблем. Даже свечу можно было зажечь посередине стола, воткнув в пустой стакан…

Я носился из кухни в столовую, мимоходом замечая, как стараниями Маши стол приобретает торжественный вид. Она и подсвечник где-то нашла, и салфеточки с веселым рисунком, и старинное мельхиоровое ведерко для льда… даже не знал, что у нас так много всяких ненужных вещей. Почетное место заняло блюдо с парализованной лососиной.

Не забыла Маша и пульт сигнализации, поставила рядом со своей тарелкой. Всегда на страже.

– Красиво? – полюбопытствовала Маша, когда я остановился передохнуть. В длинном бордовом платье, с уложенными волосами, она стала гораздо симпатичнее.

А может, просто я присмотрелся?

– Угу… – Поколебавшись, я спросил: – Никого больше не ожидается?

– Нет, а что?

– Так…

Прямо хоть иди по соседним дачам, отлавливай кого-нибудь из старичков писателей или их лоботрясов-внуков и зазывай на ужин. Пусть оценят.

Так ведь нельзя. Деловые разговоры предполагаются.

Лишь через полчаса мы уселись за стол. Для обеда было уже поздно, для ужина рано. Я украдкой поглядывал на деда, уж больно забавно тот выглядел. Он сменил трикотажные брюки и свитер на старомодный костюм, белую рубашку и узенький, бывший, наверное, когда-то мод-

ным галстук. В таких одеждах пенсионеры ходят требовать повышения пенсии и бесплатного муниципального ремонта квартиры. Еще бы ордена на грудь… вот только не заслужил их дед. Никогда он не воевал. Ни в кавказскую кампанию, ни во времена крымского кризиса.

Может, потому до сих пор такой воинственный?

– Ребятки… – Дед откашлялся, покосился на меня, потом на Машу. – Мальчики и девочки… давно вам было пора познакомиться…

Интересное начало.

– Двадцать пять лет я ждал дня, когда у человечества появится шанс, – продолжал дед. – Четверть века. Треть жизни. Готовился. И наверное, очень многие мои поступки были не слишком-то этичные… Но так было надо.

Он покрутил в руках стопку, покосился на бутылку лучшей московской водки «Старая столица».

– Сейчас, я чувствую, наш день настал. День всего человечества. Пусть даже оно не знает… Петя!

Я молча откупорил бутылку, налил деду полную рюмку, себе – чуть-чуть, потом посмотрел на Машу.

Под ее пристальным взглядом рюмка наполнилась до краев.

– За нас… авантюристов. – Дед залпом выпил. – Петр, если ты не хочешь, налей себе минералки.

Я с облегчением выплеснул свою водку деду и наполнил рюмку боржомом. Маша разглядывала меня с нездоровым любопытством.

– Петя, ты всегда такой правильный?

– Разве это плохо? – вопросом ответил я.

– Немножко скучно.

– Не замечал.

Несколько минут мы просто ели. Отбивные Маша сделала хорошо. Я даже расслабился – может, все деловые разговоры сведутся к паре патриотических тостов?

– Единственный шанс человечества занять достойное место в Галактике – стать незаменимыми, – неожиданно сказал дед.

– Мы и так незаменимы, – возразил я.

– Самые быстрые корабли… да уж. Мы полезны, Петя. Нельзя путать полезность с незаменимостью. Четверть века я ждал. Надеялся и ждал ситуации, когда человечество сможет сделать что-то немыслимое для иных рас…

Дед чокнулся с Машей, они выпили. Лицо у нашей гостьи было невозмутимое, она явно знала, о чем пойдет речь. Обидно немного.

– Я надеялся, что три относительно молодые и так же, как и мы, уязвленные в своих амбициях расы ждут того же, – произнес дед. Глаза у него слегка заблестели. – Алари, счетчики, куалькуа. Бойцы, математики, хамелеоны.

– Кто?

– Ты в курсе, что раса куалькуа не имеет постоянного облика?

Я пожал плечами. Ну да, конечно, в тех фильмах, что я видел, куалькуа выглядели поразному.

– Протоплазменные симбиотические существа, не имеющие внутреннего и внешнего скелета, с массой, варьирующейся от половины килограмма до центнера. – Дед глухо засмеялся. – Незаменимы для монтажа и ремонта, могут протечь в любую щель и поместиться в крошечном рабочем модуле… или в боеголовке ракеты. Насколько приятна им эта роль, Петя?

– Мы не знаем их психологии, дед. Даже ты не знаешь.

– Вздор! Стремление жить, инстинкт самосохранения – константа. Расы, не стремящейся выжить, не существует! А куалькуа – это разменные фишки космоса. Кто влезет внутрь рабо-

тающего реактора? Куалькуа. Кто поведет на планету разведывательный зонд, не способный вернуться? Конечно же, куалькуа. Кто направит торпеду на цель? Маленькое, неприхотливое, разумное существо… куалькуа.

Свинство, конечно. Я знал обо всем этом. Но никогда не слышал, что куалькуа возмущены положением дел. Впрочем, слышал ли рядовой хиксоид или пыльник о недовольстве людей?

– Счетчики прорвались на Землю. С единственной целью встретиться со мной. – Дед потянулся к бутылке и сам наполнил свою рюмку. – Они поняли… они сумели проанализировать мои тексты. Они знают, что я способен помочь.

Нет, стареет дед… Откуда у него такое самомнение? Ведь ничего за ним нет – кроме пары научных центров, занимающихся вопросами экстратерральной психологии, и фанатичной девушки. Ни доступа к кораблям нет, ни…

Впрочем, доступ есть у меня!

Как холодной водой обдало…

– Дед, а если счетчик соврал? – спросил я. – Если он не придет к тебе?

– Он говорил правду! – рявкнул дед.

– Если он сдохнет по пути? Ему надо преодолеть всю страну. Он чужой здесь, в совершенно незнакомых условиях, один на враждебной планете!

Дед опустил глаза.

– Он должен был готовиться, – хмуро сказал дед. – Обязан был все учесть. Данные о нашей планете есть у всех рас. Ты же знаешь принцип информационной односторонности Конклава? Мы не вправе требовать информации у более старых рас, но обязаны предоставлять…

– Знаю я, дед. Но все учесть он не мог.

– Я не удивлюсь, если он учел даже твой автобус с помидорами! – мрачно изрек дед.

– Вы еще подеритесь, – заметила Маша, накладывая себе салат.

Мы замолчали. Как-то и впрямь…

– Извини, дед, – сказал я. Мне вдруг захотелось выпить чего-нибудь. Не водки, конечно, но на кухне должно быть вино.

– И ты извини, Петя. – Дед потер лоб. – Тирана впусти, слышишь, скулит…

Я пошел на кухню, взял бутылку молдавского «Нигру де Пуркаль» и штопор. С крыльца и впрямь доносилось глухое рычание собаки. Дождь, что ли, снова пошел? Или пес счел себя обязанным присутствовать на ужине?

С бутылкой в руке я подошел к двери, включил в прихожей свет и стал отпирать. Тиран возбужденно завозился.

– Что ты шумишь, как крыса в подполе… – сказал я, отпирая. – Хоть бы гавкнул!

Нет, гавкнуть он и впрямь не мог…

Тиран, с видом исполненного долга, прошествовал в прихожую, волоча по полу обмякшее тело рептилоида. Могучие челюсти были крепко сжаты на горле счетчика. Пес бросил инопланетянина к моим ногам и толкнул меня мордой в коленку.

Хвали меня, молодой хозяин…

– Деда! – завопил я. – Дед!

Часть вторая
Алари

Глава 1

Весу в нем было, как в маленьком ребенке. Килограммов двадцать пять – тридцать. Я положил Карела на диван, пачкая грязью бежевый велюр, выпрямился.

Счетчик, наверное, пытался в последний момент свернуться в шар. Но не успел. Тиран происходит из славного, если в собачьих боях есть хоть какая-то слава, рода. Его отцом был знаменитый Темирлан, прославившийся тем, что в одиночку прикончил трех бультерьеров.

У рептилоида против него шансов не оказалось.

– Петя! – Дед схватил меня за плечо трясущейся рукой. – У вас были, были курсы космической медицины!

Я лишь головой покачал. Ну да, нам дали какие-то крохи знаний о том, как помочь выжить Чужим, если случай позволит выслужиться и спасти их жизнь. Кто чем дышит, кому и как можно остановить кровотечение.

Но про счетчиков я ничего не знал – даже есть ли у них кровь.

Я посмотрел на Машу – она тоже была в шоке.

– Как их убивать и пытать, ты придумала, – сказал я. – А как оживлять?

Вся ее уверенность куда-то подевалась. Губы дрожали.

– Карел… – безнадежно позвал дед. Присел на колени перед диваном, положил руку на шею Чужого. – Карел, не умирай!

Может, он уже умер… Крови никакой не было, и чешуйчатая шея рептилоида не выглядела сломанной, но может быть, он просто задохнулся? Он ведь дышит… это то немногое, что я знаю точно.

Тиран требовательно гавкнул и протянул к деду лапу. Просил рукопожатия.

– Уведи пса! – надтреснуто завопил дед. – С глаз моих!

– Почему сигнализация не сработала… – вдруг прошептала Маша. – Должна… была…

Я схватил Тирана за ошейник и поволок из столовой. Пес зарычал было, но, видно, почувствовал, что дело серьезное, и замолк. Я вышвырнул его в прихожую, закрыл дверь. Тиран жалобно заскулил, и моя ярость стихла.

– Ты не виноват, – только и сказал я. – Это мы идиоты…

Оставив растерянную собаку в одиночестве, я вернулся в комнату. Там ничего не изменилось. Акт второй, все те же, тело рептилоида на диване, дед на коленях, Маша в столбняке.

После лесоповала буду в уголке барака писать пьесу «Гибель Чужого».

– Нельзя предусмотреть все, – сказал я. – Дед…

Я так и не успел объяснить, что вся ответственность лежит на мне и теперь надо звонить в милицию или сразу в ФСБ.

Рептилоид судорожно дернулся. Открыл глаза и вскинул голову.

Дед отшатнулся от дивана, беспомощно заваливаясь на спину. Маша рванулась, успела его поддержать и одновременно выхватила откуда-то из-за спины – у нее что, сзади на вечернем платье кобура? – уже знакомый мне «прототип парализатора».

– Нет нужды в применении силы… – просипел рептилоид. Покосился на меня. – Добрый день, Петр Хрумов.

Никто из нас не произнес ни слова. Счетчик посмотрел на Машу.

– Милая девушка, – своим обычным вымученным шепотом сказал он, – вам не грозит опасность с моей стороны. Не употребляйте оружия.

Маша не шелохнулась.

– К тому же нет никаких гарантий, что оружие окажется действенным, – добавил счетчик.

Дед, кряхтя, поднялся с пола. Спросил:

– А если я позову собаку?

Рептилоид одним прыжком взвился на спинку дивана.

– Я несу важную информацию, способную изменить судьбу человечества в сторону улучшения! – скороговоркой выпалил он.

Дед засмеялся. Глянул на меня:

– Петя, а ведь я был прав, заводя собаку.

Рептилоид ждал, вывернув морду так, чтобы следить за нами всеми одновременно.

– Убери пистолет, Маша, – решил дед. – Не думаю, что наш гость – наемный убийца.

– Убийство не входит в моральные нормы нашей расы, – подтвердил счетчик.

– А что же входит? – заинтересовался дед.

– Главное?

– Конечно.

– Постижение начальной истины. – Счетчик даже дернулся, произнося эти слова. – Но это стремление требует свободы…

– Кто участвует в заговоре? – вдруг выпалил дед.

Карел демонстративно уставился на Машу. Та фыркнула.

– Она участница проекта со стороны человечества, – твердо сказал дед.

– Кроме наших рас – алари и куалькуа, – изрек счетчик.

Почему дед всегда оказывается абсолютно прав?.. Я присел за стол, откупорил вино и налил себе полный бокал.

Сходить с дивана счетчик явно не желал. Впрочем, дед на этом и не настаивал. Похоже, он старался не касаться рептилоида.

Если счетчик и впрямь мог влиять на человеческое сознание, то это более чем правильно. Я вдруг подумал, что дурацкий прозрачный балахон, который дед надевал в своем кабинете, предназначался именно для защиты от этого влияния. Возможно, в этом есть смысл… если рептилоид использует электромагнитные взаимодействия. А если какие-нибудь микролептонные или тахионные?

– На правах хозяина, – дед улыбнулся счетчику, и тот старательно оскалился в ответ, – я хочу задать ряд вопросов. От честности и полноты ответов будут зависеть наши дальнейшие отношения. Если я три раза поймаю тебя на уклонении от истины, придется прервать переговоры.

– Хорошо, – после секундной заминки изрек Карел.

– Как ты добрался от Свободного до Москвы?

– На том же самолете, что и Петр. Я умею маскироваться. Детали важны?

– Тебе кто-то помогал?

– Нет.

– Ладно, отложим на время. Предпринятая тобой акция проникновения на Землю санкционирована правительством вашей расы?

– У нас нет правительства.

Дед покачал головой:

– Первое предупреждение, Карел. У вас должна быть структура, координирующая принятие наиболее важных решений. Кто-то ведь представляет вас в Конклаве.

– Особь, которая доносит решения до Конклава, лишь посредник. Мы обсуждаем наиболее важные вопросы всей расой… теми ее представителями, что находятся на главной планете.

– Голосование? – оживился дед.

– Нет. Вырабатывается единая общая истина. Это невозможно для человечества и иных рас… но мы – особые.

– Верю. Твое появление на Земле обсуждалось всей расой?

Карел щелкнул челюстями:

– Я понял смысл начального вопроса. Нет. Акция продумана и осуществлена значительным количеством особей. Но не общим решением. Если наш план провалится, то у расы должны остаться шансы выжить.

– Прекрасно. У алари и куалькуа – та же ситуация?

– Алари, вероятно, да. Куалькуа… – Рептилоид вытянул лапу и почесал покатый лоб. Этакий демонстративно человеческий жест. – Куалькуа – большая загадка. Я не знаю. Не имею никакой информации.

Дед глянул на меня, с некоторым удивлением остановив взгляд на повторно наполненном бокале:

– Петя, ты слышишь? Мы все пришли к наиболее безопасному решению!

– Вот это меня и удивляет, – буркнул я. Было немного обидно, что я так быстро выпал из разговора. Выполнил свою функцию извозчика… доставил агента счетчиков к деду… и стал почти лишним.

До следующего раза?

– Карел… – Дед был очень серьезен. – Почему со стороны землян для контакта был выбран именно я?

– Мы проанализировали выступления, статьи, книги всех людей, занимающихся вопросами космической политики, – охотно ответил Карел. – От известных нам предателей, купленных Сильными расами…

Дед даже слегка дернулся от такого откровения.

– И до наиболее агрессивных шовинистов.

– Мне нужны имена предателей! – гаркнул дед.

– Не уполномочен, – мгновенно отрезал счетчик. – После выполнения нашего плана раса счетчиков готова предоставить человечеству всю имеющуюся у нее информацию. В том числе и эту. Но – после.

В комнате повисло такое напряжение, что я не отказался бы от прозрачного балахона с заземлением.

– После… – задумчиво сказал дед. – А доказательства предательства существуют?

– Да.

– И вы не боитесь гнева Сильных рас?

– После выполнения нашей миссии у счетчиков, алари, куалькуа и человечества не будет причин кого-либо бояться.

Маша, все это время тихо стоявшая за стулом деда, шумно выдохнула. Поглядела на меня сияющими глазами.

Я тоже попытался изобразить восторг.

– Ты не закончил ответ, – чуть изменившимся голосом сказал дед.

– Да. Итак, после анализа всех данных ваша личность была признана наиболее ценной кандидатурой. Мы поняли, что вы разрабатываете планы освобождения человечества уже много земных лет. Поняли, что вы сможете внести большой вклад в наше дело. Например, обеспечить транспорт…

Дед долго не решался посмотреть на меня.

Потом все-таки повернулся.

– Родители вправе направлять развитие своих детей… – сказал я. – Так, дед? Значит, это ты хотел, чтобы я стал космонавтом?

– Да, – прошептал дед. – Да, Петя.

Я глотнул терпкого красного вина. Пожал плечами:

– Ладно, дед. Ты ведь и впрямь «вправе»… Замнем.

Не стоит начинать сейчас ссору. Редко мы с дедом ругались, и всегда наши ссоры заканчивались моими извинениями. Он, наверное, был прав.

Разве я недоволен своей судьбой? Чужими небесами, экстазом джампов и полным комфортом на Земле?

– Прости, Петя, – все-таки сказал дед. Посмотрел на счетчика, с любопытством наблюдавшего за семейной сценой, и спросил: – Последнее. И самое важное. Как ты выдержал джамп?

Счетчик молчал.

– Это главный вопрос, мой дорогой чешуйчатый гость. Ты должен дать полный ответ.

– Метод преодоления джамп-безумия годится лишь для счетчиков.

– Второе предупреждение. Ответ неполный.

– Я ввел себя в состояние временного умопомешательства. Паралича сознания.

Кажется, дед собирался еще что-то сказать. Может быть, вынести счетчику третье и последнее предупреждение. Но Карел уже продолжал:

– Как я сообщал Петру Хрумову, наше сознание имеет два уровня, внешний и внутренний. Главенствует внутреннее сознание. Это уровень обработки больших цифровых массивов. Уровень математической логики. Он имеет свои ограничения… например, задачи, не имеющие решения.

– Теорема Ферма, – неожиданно сказала Маша.

– Что?

– Икс в степени эн плюс игрек в степени эн равно зет в степени эн. При эн больше двух не имеется целых положительных решений.

– Интересно, – сказал счетчик. – А в чем тут невозможность решения?

– Ты можешь доказать великую теорему Ферма? – спросила Маша.

– Нет. Доказать не могу. Она ошибочна. Я могу назвать целые положительные решения.

Дед хлопнул в ладоши:

– Стоп! Маша, решением классических теорем займешься потом!

– Но это же… – В первый раз на моей памяти Маша попыталась спорить с дедом.

– Я не думаю, что теорема важнее судьбы человечества!

Счетчик шумно вздохнул и произнес:

– Как жаль, что вы не обладаете способностями к коллективному мышлению. Это ускорило бы беседу.

– Так что ты себе задал? – упрямо спросил дед.

– Я делил.

– Что делил?

– Тут непринципиально, что именно… – Карел улыбнулся.

– Он делил на ноль, – неожиданно сказала Маша. – Так?

– Так.

– В самом простом калькуляторе при таком делении появится надпись «ERROR», – произнес дед.

– Я сложнее калькулятора, – невозмутимо ответил Карел. – У меня был шок. Это классическая реакция нашей расы при невозможности обработать информацию.

– Гиперпрыжок – это тоже ноль… – Сам не знаю, почему я это сказал. – Великое ничто, в которое падаешь… в котором исчезаешь. Маша, ты спрашивала, похож ли джамп на оргазм? Нет, не похож. Скорее похож на смерть.

Счетчик, привстав на задних лапах, легонько хлопнул передними. До меня не сразу дошло, что он аплодирует.

– Никто из рас Конклава не сможет воспользоваться нашим методом, – торжественно произнес рептилоид. – Не знаю, что позволяет вам испытывать удовольствие от джампа. Для меня он – пытка. Но я могу выдержать.

Дед потянулся за бутылкой, налил себе водки. Выпил, спросил:

– Тебе нужна какая-то пища, Карел?

– Нет, я сыт, – невозмутимо ответил рептилоид. – Моя потребность в органике очень невелика… нет необходимости экспериментировать.

– Ладно, я верю тебе, – решил дед. – Ты представитель неофициальной группы недовольных. Ты пришел ко мне с деловым предложением. Излагай.

– Это очень секретная информация.

– Конечно. Но мы, все трое, участники проекта со стороны человечества.

– Согласен. Однако я настаиваю, чтобы девушка выключила звукозаписывающее устройство и стерла информацию.

Мы с дедом уставились на Машу.

– Я думала… запись нам еще пригодится для анализа… – Она выглядела очень виноватой.

– В следующий раз согласовывай, – очень мягко сказал дед. Я такой мягкости в его голосе побаиваюсь. Но Маша деда знала хуже и расслабилась. Молча сняла с шеи медальончик, протянула деду.

– Вы позволите? – прошептал с дивана Карел. Спрыгнул на пол, заковылял к деду. Тот быстро положил медальон на пол. Рептилоид на мгновение коснулся его лапкой, потом поплелся обратно.

– Очень эффектно, – сухо сказал дед.

– Там внутри микросхема… она сгорела, извините, – карабкаясь на диван, сообщил счетчик.

Дед с силой наступил на несчастный медальон, повозил ногой, словно давя ядовитое насекомое. Бросил:

– Если теперь все чисто, то говори.

– Андрей Валентинович Хрумов, если вы позволите, я хотел бы вначале услышать ваши предположения.

Дед нахмурился.

– Мне хочется уточнить ваши способности к анализу ситуации при недостатке данных, – любезно уточнил счетчик.

– С чего это вдруг?

– Ваш возраст достаточно велик для человека, – сообщил рептилоид печально. – Мы знаем, что мыслительные способности людей ослабевают к старости. Я должен уточнить степень вашей полезности… для проекта.

Я бы на такую искренность обиделся. А дед… ничего. Только улыбнулся.

– Можно добавить еще, что при таком варианте ты не даешь никакой информации. На всякий случай. Верно?

– Верно, – согласился счетчик. – Но более важно выяснить вашу способность к анализу.

– Согласен, – решил дед. – Я предполагал три варианта, при которых человечество может улучшить свой статус в Галактике…

– Простите, Андрей Валентинович… – Счетчик поднял лапку. – С чем связана важность числа «три»? Три предупреждения, три варианта… Человеческое сознание оперирует в большей мере двоичными и десятичными категориями.

– Не знаю. – Дед пожал плечами. – Два – это крайности. Четыре и более – слишком много вариантов для нашего сознания. Три – в самый раз. Ты имеешь в виду, что люди способны упускать информацию, не попадающую в триаду?

– Да.

– Не думаю. Мы просто сводим многообразие ситуаций к трем основным группам. Это достаточно эффективно и удобно для нас.

– Спасибо. Продолжайте, пожалуйста.

– Я выделил три варианта. – Дед хмыкнул. – Н-да… Вариант первый – человечество неожиданно создает какое-то новое знание, жизненно важное для всей Галактики. Аналогично джампу… Назовем такой вариант «Яблоко Ньютона». Владение этим знанием резко повышает статус человечества. Возможна ситуация, когда новое знание создает иная раса, но человечество активно участвует в этом процессе.

– Так… – с любопытством сказал счетчик.

– Данный вариант представляется мне малореальным, – вздохнул дед. – Развитие цивилизаций идет достаточно комплексно. Преимущество в отдельно взятой области не окажет необходимого эффекта… как не стал нашим счастьем джамп. Даже если мы соорудим оружие, способное гасить звезды и умещаться в спичечном коробке, – это не сделает человечество властителем Галактики.

– Несколько рас предпринимают попытки повысить свой статус, создав новое знание, недоступное другим… – вздохнул счетчик. – Они не понимают, что максимально, чего могут добиться, – это сменить свою функцию в Конклаве. Кстати, были прецеденты. Например, пыльные. Когда-то они были шахтерами. Рудокопами. Сейчас – занимаются преобразованиями планет под потребности Сильных рас.

Дед кивнул:

– Я знаю эту историю.

– Любопытны исследования тех, кого люди называют непроизносимыми, – добавил счетчик. – Они пытаются выработать Общую Мораль… или Общую Философию… тут нет адекватного перевода. Эта Мораль должна отвечать потребностям всех рас.

– Сомнительно. – Дед покачал головой.

– Разделяю твое мнение. Но они пытаются. Создание Общей Морали сняло бы претензии рас друг к другу, прекратило бы эксплуатацию Слабых Сильными.

– Скорее Общая Мораль закрепит сложившееся положение, – мрачно сказал дед. – Может быть, снимет психологический дискомфорт, но не более того. Или же установит в Галактике владычество непроизносимых.

– Как приятно понимать друг друга! – с воодушевлением воскликнул счетчик.

– Теперь второй вариант. – Дед крякнул. – Петя, налей мне минералки… Второй вариант представляется мне чуть более реальным. Это – доступ к комплексу знаний… скорее не только к знаниям, но и к силам. Например, к знаниям иной, неизвестной Конклаву цивилизации. Эта ситуация давно обсуждалась в земной литературе… хм. В развлекательной литературе. Некая библиотека исчезнувшей давным-давно расы, огромный космический флот или могучее, но готовое служить первым встречным сверхсущество. Назовем этот вариант «Бог из машины».

– Как хочется легких путей… – печально сказал рептилоид.

– Еще как хочется. Прилетел убогий земной кораблик в неизведанную область космоса – а там дрейфуют три миллиона… – Дед захохотал. – Нет, четыре! Четыре миллиона звездолетов размером с планету! И каждый звездолет человечьим голосом говорит: «Здравствуй, новый хозяин! Готов служить!»

Я хихикнул, наливая себе третий бокал вина. А как же тут не смеяться, сколько раз в училище пилоты мечтали о таком…

– Вариант все же сомнителен, – вздохнул дед. – Насколько мы знаем, в доступных областях Галактики нет следов рас более древних, чем Сильные. Если же такие следы обнаружатся, то информация в первую очередь попадет к ним. Мерцающие, которые держат все каналы передачи информации, полностью контролируются даэнло. Увы, они служат давно… они при-

выкли служить. А самое главное – мощь не бывает бесхозной. Погибшая раса может оставить после себя памятники… но не склады с дверями нараспашку. Надо быть очень большим оптимистом, чтобы надеяться на этот вариант.

– Как я понимаю, – произнес счетчик, – самый реальный вариант – третий?

– Да. Этот вариант можно назвать «Вторая Сила». Беда ведь в том, что сейчас политическая ситуация стабильна. Возможности девяти Сильных рас превосходят все мыслимые границы. Они едины, и лишь они – сила. Но если в Галактике появится сила, адекватная Конклаву… Пусть не бесхозная. Пусть она вовсе не собирается служить кому-либо. Пусть даже сила эта будет агрессивна, безобразна и отвратительна! Но в ситуации противостояния, когда *возникнет* равновесие сил, у Слабых рас появится шанс. Сильным расам придется не просто использовать нас. Им придется развивать Слабые цивилизации. Идти на уступки, чтобы в решающий момент не лишиться услуг счетчиков, куалькуа, пыльников, людей.

– Ты говоришь о ситуации войны?

Дед помолчал.

– Не знаю. Если тебе знаком этот термин – о ситуации «холодной войны».

– Я знаю вашу историю.

– В такой ситуации мы можем многое получить. А если… если мы узнаем о Второй Силе раньше, чем Сильные…

В комнате повисло молчание.

Счетчик потер морду лапками.

– Я полагаю, что в такой… абсолютно гипотетической ситуации… может возникнуть необходимость контакта со Второй Силой, – осторожно произнес дед. – И тут алари могут обеспечить определенное боевое прикрытие… Счетчики, вероятно…

– Да, да! – оживился Карел. – Что можем мы?

– Навигация, расчет траектории джампа. Ты уже доказал это. Еще у вас поразительные лингвистические способности. Вы способны обеспечить сам контакт. Кроме того, вы прекрасно анализируете поведение иных рас и способны его имитировать. Так? Ты ведешь себя почти как человек, Карел. Словечки, запиночки, жесты, рассуждения… Но ты даже на земных рептилий похож лишь внешне. Ты абсолютно чужой. Просто сейчас твое внутреннее сознание обрабатывает информацию, сравнивает ее с имеющимися данными о людях и транслирует наиболее правильные ответы внешнему сознанию.

– Не так просто… но в целом ты прав. – Карел вдруг обмяк и распластался на диванной спинке. – Да.

– Зачем нам нужны куалькуа? – вопросил дед. – Ну, как партнеры алари… это не принципиально. Свои функции оруженосцев они и так бы выполнили. Думаю, куалькуа нам нужны как имитаторы внешние. Как существа, произвольно меняющие форму. Это может быть очень важно в установлении контакта.

Карел молчал.

– Самое интересное для меня – зачем нужны люди? – Дед тяжело вздохнул. – Извозчики, да… доставить делегацию на переговоры… Извозчики? А если у Второй Силы нет аналогов джампу – он ведь их напугает и заставит относиться к нам с большим уважением. А?

Рептилоид ничего не отвечал.

– В чем я не прав? – резко спросил дед.

– Ты прав, – прошептал Карел. – Прав, прав, прав… в этой абсолютно гипотетической ситуации. Да… Но есть еще одна ценность человеческой расы, которую ты не берешь в расчет. Она, кстати, снижает ценность другой расы…

– Стоп, – сказал дед. – Стоп.

Рептилоид вытянул голову.

– Молчи. Я… кажется, я понял.

Мы непроизвольно переглянулись с Машей. Наверное, каждому из нас хотелось знать, единственный ли он тупица в компании двух гениев.

– Думаю, дальнейшие обсуждения надо вести… не здесь… – Дед медленно поднялся. Подошел к Карелу и замер – его лицо было в нескольких сантиметрах от морды рептилоида. – Ты уверен?

– Да, – тихо сказал счетчик.

– Что ты предлагаешь?

– Твой организм способен выдержать космический полет?

– Мне семьдесят два года… – прошептал дед. – Я долго ждал…

– Срок определялся не нами. Когда он наступил, мы начали акцию. Мы очень спешили, Андрей Валентинович. У нас есть лишь двадцать пять – сорок земных дней. По истечении этого времени Сильные получат информацию… и ваша раса будет уничтожена. Немедленно. Невзирая ни на что.

– Петр! – Дед повернулся ко мне. – Хватить пить! Говори – я способен перенести джамп?

Я поперхнулся вином.

– Дед!

– Говори!

– Не знаю… тут не джамп главное. При старте перегрузка достигает трех «же»…

– Я сдохну?

Мне очень хотелось сказать, что это безумие. Но я привык быть честным с дедом.

– Нет, наверное – нет. Но тебя никто не выпустит с Земли!

– Нам в любом случае придется украсть челнок, – сказал дед.

Карел кивнул.

Я лишь руками развел. Если вопрос ставится так, то все претензии к здоровью отпадают.

Челнок просто невозможно украсть! Это ведь не самолет даже! На каждом старте заняты сотни людей! Охрана стартовых позиций – то немногое, что стало лишь строже с гагаринских времен!

– Понимаю, – сказал дед. – Понимаю. И все же нам придется украсть челнок. И что-нибудь получше твоей «Спирали». Ты, кажется, говорил, что Данилов приглашает тебя в свой экипаж?

На ночь счетчик разместился в моей комнате. Не знаю, то ли дед настолько уверился в дружественности Карела, то ли это входило в его планы.

Меня перспектива ночевать рядом с Чужим в общем-то не пугала. В конце концов, мы были вместе в крошечной кабине челнока. Вместе проходили джамп, который был наслаждением для меня и пыткой – для рептилоида.

Может, это и смешно. Но такое совместное путешествие хорошо снимает фобии.

– Ты будешь спать? – поинтересовался я, укладываясь. Счетчик свернулся клубком в кресле, словно пес.

– Я отключу внешнее сознание, – сообщил счетчик. – Понижу его функции до сторожевого минимума.

– Удобно. – Я не удержался от иронии: – Хотел бы я иметь такую возможность. Чтобы не забыть чего-нибудь во сне… случайно.

Счетчик возился, устраиваясь поудобнее.

– Зачем ты стер мою память после посадки? – прямо спросил я.

– Не стер. Временно заблокировал, – выдержав короткую паузу, произнес счетчик.

– А стереть можешь?

– Да.

– Тебе могло бы найтись применение на Земле, – заметил я. – Например, в лечении преступников. Стереть из их сознания все асоциальные наклонности.

– Это насилие над личностью.

– А террорист, подкладывающий бомбу в универмаг, – вспомнил я прошлогодний взрыв в Ставрополе, – не осуществляет насилия?

– Вряд ли люди согласятся, чтобы представитель чужой цивилизации перекраивал психику… пусть даже психику убийц. Люди предпочтут старые, проверенные методы. Тюрьму и смертную казнь.

Пожалуй, он был прав. Я вздохнул.

– Когда-нибудь, если наш план осуществится, – мягко сказал счетчик, – наши расы смогут больше понять друг друга… и принимать помощь без предубеждения. Внешняя деятельность никогда не станет для нас главной, Петр. Но мы существуем в материальном мире, и времена не двинутся вспять. Когда-то мы дремали в гнездах – и познавали мир. Когда информация планеты была исчерпана, мы вышли в космос. Возможно, это было ошибкой… мы встретили даэнло, и Конклав обязал нас сотрудничать с иными расами.

– Вы жалеете о том, что не остались на своей планете? – поразился я.

– Немного.

– Но невозможно овладевать новыми знаниями, не расширяясь в пространстве! Если для вас познание мира – основная жизненная цель, то вы обязаны были выйти в космос!

– Не обязательно, Петр. Каждый атом несет в себе информацию о всей Вселенной. Нейтрино, скользнувшее сквозь планету, оставляет больше сведений, чем тысяча кораблей, исследующих космос. Мы могли пойти этим путем, но он долог… слишком долог. Был риск, что наша звезда погаснет раньше, чем мы постигнем мир. Мы решили подстраховаться…

Счетчик совсем по-человечески вздохнул.

Странный он. Порой так похож на человека в шкуре рептилии, но ведь это лишь иллюзия.

– Ладно, Карел. Спи… или как ты это называешь.

Счетчик посмотрел на меня, когда я потянулся к бра.

– Ты поможешь нам украсть челнок?

– Карел, это невозможно.

– Нет ничего невозможного в мире, Петр.

– Тогда не знаю, – честно сказал я. – Это преступление. И дело даже не в том, что челнок стоит миллионы долларов. Похищение челнока невозможно без насилия.

Счетчик молчал.

– Ты ведь тоже подчеркиваешь свое миролюбие, – сказал я. – Мне это очень нравится. Тогда пойми, я не хочу угрожать оружием своим друзьям. Тем, кто выводил меня в космос, тем, кто помогал вернуться домой. А если придется стрелять…

Счетчик ждал.

– Я просто не смогу, Карел.

– Убийство – неприемлемый путь для тебя?

– Убийство невиновных – да.

– Тогда спи, – сказал счетчик. – Утро вечера мудренее. Так?

– Поклянись, что ты не будешь влиять на мою психику, – потребовал я. Может быть, дед хотел именно этого? После долгого и безрезультатного спора, ни в чем меня не убедив, решил доверить процесс «убеждения» Чужому?

Какая гадость лезет в голову!

– Почему ты думаешь, что меня будет сдерживать обещание? – спросил счетчик.

– Не знаю. Но я почувствую, если моя психика изменится. Скорее всего почувствую. Вряд ли ты сумеешь повлиять на меня незаметно. А если я только заподозрю, что ты вмешивался в мой разум… я выдам тебя властям. Оповещу Роскосмос и СКОБу.

– Клянусь, что никогда не буду влиять на твой разум без твоего предварительного разрешения, – сказал счетчик.

Я обдумал формулировку его обещания и кивнул:

– Спокойной ночи.

Щелкнув выключателем, вытянулся на кровати. Счетчик лежал в кресле так тихо, словно его вообще не было в комнате. Но, покосившись в его сторону, я увидел два тускло светящихся глаза. Именно светящихся, а не отблескивающих, как у кошки.

– Твои глаза светятся, – сообщил я.

– Извини, – откликнулся счетчик. – Я слишком напряжен. Так лучше?

Наверное, он опустил веки – огоньки погасли.

– Да, так лучше, – сказал я. – Спасибо.

Может быть, от напряжения, а может быть, от выпитого вечером вина, но я проснулся в полчетвертого. Полежал, пытаясь уловить дыхание счетчика.

Но в комнате царила полная тишина. Словно и дыхание рептилоид лишь имитировал. Мерцали цифры на часах, за окном шумели деревья. Дождя не было… и то хорошо.

Через десять минут, поняв, что не усну, я нашарил на тумбочке пульт и включил телевизор. В бледном свете экрана убедился, что счетчик на месте, и стал проглядывать каналы.

По Национальному телевидению Дарья Нарьялова вела передачу о жизни и культуре Чужих. Для обывателя это, наверное, было интересно. Я-то видел, что передача скроена из лоскутков – любительские съемки туристов и пилотов, пропагандистские ролики Чужих, кусочки перехваченных передач хиксоидов – одной из немногих рас, имеющих аналог земного телевидения. Щелк… Первый канал крутил «мыльную оперу» для взрослых. Секунду я разглядывал откровенную постельную сцену, потом переключился. Щелк… Российское телевидение повторяло программу «Книголюбец» – процессор телевизора считал закодированную информацию и оповестил меня, что до конца программы осталось семь минут, а повтор ее будет завтра в полдень. Я остался на канале, разглядывая простенькую инсценировку – на голой сцене женщина в пышном платье, сложив руки на груди, говорила в пространство:

– Как я ненавижу твое имя! Смени его, и я стану твоей! Неужели я значу для тебя меньше, чем это пустое, ненавистное слово!

Откуда-то сбоку появился лысеющий мужчина, тоже в одежде старинного фасона, со шпагой на боку. Он протянул к женщине руки и воскликнул:

– Я тебя за язык не тянул! Дай мне свою любовь – и я сменю имя!

У меня появилось идиотское ощущение, что происходящее на экране смутно знакомо… Тем временем мужчина и женщина обнялись, экран потемнел, появилась красочная обложка книги. Окровавленный юноша с кинжалом в груди лежал у гроба, из которого приподнималась бледная, похожая на вампира, девушка.

– В серии «Классический женский роман», – сказал мягкий голос за кадром, – мы представляем роман Вильяма Шекспира «Ромео и Джульетта». Наконец-то в адекватном, современном переводе! Теперь и вы можете прочитать то, что является признанным шедевром, окунуться в кипение страстей, пиршество чувств, красоты пейзажей и лабиринты интриг! И не бойтесь печального конца – специально для этого издания талантливый литературовед Виктор Буздуган написал продолжение – «Джульетта Монтекки», достойное…

Мне то ли смеяться хотелось, то ли плакать. Нет, наверное, все же смеяться – я уткнулся в подушку, давя хохот. Отсмеявшись, переключился на питерский канал – там шел старинный фантастический фильм «Чужой». Довольно-таки смело, надо признать. Телевизионщиков могут и привлечь за разжигание ксенофобии… Я вывел на экран информацию, сопровождающую показ фильма: оказалось, что по программе он был заявлен очень скромно – «старое

кино», без названия, а после фильма выступит известный писатель и критик Андрей Николаев. Наверное, будет разоблачать узость взглядов режиссера.

По московскому круглосуточному обсуждали новое постановление Полянкина, который ввел крупные субсидии для переезжающих жить и работать в Москву. Обозреватели сходились на том, что эффекта это не даст – граждане будут получать денежки и уезжать. Ну кто же, находясь в здравом уме, променяет Нижний Новгород, Владивосток или Питер на грязную, шумную и бестолковую бывшую столицу?

Последним из работающих ночью каналов был «Шестой». Но и там ничего хорошего не оказалось – передавали «Телемагазин». Я натолкнулся как раз на рекламу Чудесного Штопора с электрическим приводом, позволяющего открывать до двадцати бутылок вина в минуту.

И вот тут я не выдержал и загоготал в полный голос. На экране симпатичная девушка мучилась с обычным штопором, потом пришел лощеный мужчина, выкинул обыкновенный штопор в окно и достал электрический… А я хохотал как ненормальный, сидя на кровати и тщетно зажимая рот руками.

Счетчик вскинулся в кресле. Глаза его засверкали.

– Из… извини… – простонал я.

– До двадцати бутылок в минуту! – донеслось из телевизора, и я вновь забился в истерике.

– Я не влиял на тебя! – воскликнул рептилоид.

Мне удалось лишь кивнуть, на разговор сил не было. Да при чем тут влияние Чужого? У каждого из нас дома есть свой агрегат по промывке мозгов – телевизор.

– Сорок девять долларов девяносто девять центов, или же восемьдесят девять рублей, или три космобакса! Звоните сейчас, и за ту же цену вы получите еще и набор пробок для испытания Чудесного Штопора!

Отсмеявшись, я убрал звук и пояснил смущенному счетчику:

– Извини. Мне не спалось. Я включил телевизор… развеселился.

– Телевизор? – Со сна счетчик казался более тупым, чем обычно.

– Не видишь, что ли?

Рептилоид повернул голову к экрану, потом кивнул:

– Свет… Я не могу воспринимать визуальный ряд вашего телевидения.

– Почему?

– Слишком медленная развертка, крупные сегменты, из которых формируется изображение… и очень большое количество помех. Крайне трудно обработать такую информацию.

На мой взгляд, телевизор показывал идеально.

– Но ты же видел изображение на дисплее там, в челноке!

– Не видел. Снимал данные по пути к экрану. Это гораздо удобнее. – Счетчик вновь свернулся клубком. – Продолжай свой отдых, я перестану воспринимать звук как внешний раздражитель.

Через мгновение он снова спал. Точнее, не спал, а занимался познанием… Удобная у них физиология. Я опустил ноги с кровати, прислонился к стене, вздохнул. Мне спать не хотелось совершенно.

Возможно ли украсть челнок?

В буквальном смысле – нет. Подготовка к старту заканчивается лишь за час до запуска. И потом требуется труд сотен людей, чтобы корабль стартовал.

А возможно ли подменить экипаж? «Бураны» в транспортных рейсах летают с тремя членами экипажа – командир, он же первый пилот, второй пилот и джамп-навигатор. Допустим, Данилов и впрямь берет меня в экипаж… вторым пилотом, вероятно. На каком этапе контроль над экипажем минимален? В автобусе, по дороге на старт, народу много. Разве что у стартового стола, перед загрузкой в лифт. Но как провести туда деда и счетчика? А что делать с Даниловым и джамп-навигатором? Оставлять их у стартовой позиции – это убийство. Когда

«Энергия» выпихивает «Буран» на орбиту – старт заливают реки огня. Отпустить – поднимут тревогу…

И не удивятся ли в ЦУПе тому, что все переговоры ведет второй пилот? А как подделать телеметрию – если нацепить датчики на деда, то врачи немедленно отменят старт. Это там, у Чужих, доктора давно махнули рукой на состояние экипажа… трезвый – и ладно…

Сотни проблем.

Стоп! Что со мной?

Я ведь обдумываю, как похитить звездолет!

Подавив первый импульс – кинуться к счетчику, – я попытался привести мысли в порядок. Неужели он все-таки пытался воздействовать на меня?

Кажется, нет.

Мое отношение к задуманному дедом и рептилоидом плану не изменилось. Не хотел я этого… по крайней мере так вот, не получив никаких четких объяснений. И прорываться к челноку с боем, с автоматом наперевес и дедом на закорках – не собирался!

Просто злость накатила. После гениального перевода «Ромео и Джульетты» на молодежную феню, после рекламы электрического штопора, после трусливого, ночного показа старого кинофильма, рисующего Чужих не в лучшем свете.

Ведь будет становиться все хуже и хуже. Мы деградируем. Стремительно, бесповоротно. Превращаемся в расу идиотов.

Дверь скрипнула.

– Петя?

Дед опасливо заглянул в комнату:

– Все в порядке?

Я быстро встал, на цыпочках подошел к двери, выскользнул в коридор. Там было темно, лишь у лестницы на второй этаж тускло тлела лампочка. Кажется, в детстве я боялся темноты… уж не знаю почему. Дед пообещал, что у моей двери всегда будет гореть свет, и выполнил обещание. Не ночник над кроватью – дед никогда не потакал моим страхам, а свет за дверью. Но мне этого вполне хватило. Ведь у этой лампочки даже нет выключателя. Она всегда горела… и когда я спал в своей постели, и когда занимал койку в училище, и когда устраивался в отеле под светом чужой звезды…

– Все нормально, Петя? – тревожно повторил дед.

В старой пижаме и шлепанцах он не выглядел идеологом человеческого шовинизма, хитрым демагогом и безжалостным оппонентом правительств. Обрюзгший старик, которому давно положено доживать свой век у телевизора со стаканом кефира…

– Ты… ты боишься за меня? – сообразил я. – Боишься, что счетчик попытается воздействовать?..

Дед отвел глаза.

– Я просто смотрел телевизор.

– И что нового?

Я пожал плечами:

– В продажу поступил электрический штопор. Открывает двадцать бутылок в минуту.

Дед послушно улыбнулся. Так улыбаются ребенку, взахлеб пересказывающему свой первый анекдот. Да и у меня уже смеха не оставалось.

– Мы в какую-то пропасть валимся, дед, – сказал я, прислоняясь к косяку. – Отупение. Причем… радостное такое.

– Радостное отупение – это хорошо сказано. – Дед кивнул.

– Нет, я не думаю, что счетчик на меня влиял… наверное, просто ночь. Я начал обдумывать, как спереть челнок!

Дед терпеливо ждал.

– Ночью… оживает злость, дед. Я привык спать ночами. А днем – читать хорошие книги или смотреть хорошие фильмы. Не оставалось времени подумать о чем-то плохом. Может быть, я зря сплю ночами?

– Ты посмотрел пару каналов и увидел пару тупых передач, – сказал дед. – И решил, что стоит ли соблюдать правила игры, установленные *таким* человечеством?

– Да, наверное. Только каналов было пять.

– Петя, ты не совсем прав. Радостное отупение – это нормальное состояние человечества. Оно лишь принимает разные формы. Когда происходит столкновение культур, потеря глобальных ценностей – вот как сейчас, – оно становится рельефнее, ярче. Но всегда и во все времена состояние радостного отупения устраивало большинство людей.

– Значит, причина была ошибочна. А вывод?

– Вправе ли мы нарушать законы? Не те, что вписаны в уголовный кодекс, а моральные законы, этические постулаты?

– Да. Только не *мы* – ты ведь для себя все давно решил. Вправе ли я?

Дед взял меня за руку – цепко и сильно.

– Петя, я воспитывал тебя человеком. Настоящим человеком. Мне часто казалось… и сейчас еще кажется… что это удалось.

– Спасибо…

Никогда дед не говорил мне такого. Наши отношения просто были, а что в них являлось воспитанием, что любовью, что амбициями великого демагога – я не знал. И не хотел знать.

– Ты правильный, Петя, – негромко продолжил дед. – Ты ведь сам не знаешь, насколько правильный. Когда ты был мальчишкой, это умиляло взрослых и отпугивало от тебя сверстников… когда ты стал взрослым, это стало отпугивать взрослых и привлекать детей.

Он тихонько засмеялся:

– Общаясь с тобой, люди начинают испытывать комплекс неполноценности.

– Что? – Я растерялся.

– Комплекс неполноценности, – повторил дед. – Ты абсолютно честен и этичен. Ты всегда ставишь общественные ценности над личными. Ты способен вести разговор на любую тему… от влияния эллинской культуры на развитие восточной философии и до технологии кустарной выплавки легированной стали…

– Нет, дед, погоди, легированную сталь кустарно не…

Дед тонко захихикал. Я потер лоб и замолчал.

– Ты вызываешь у окружающих спонтанную неприязнь. Настолько бессмысленную, что их поведение становится, наоборот, подчеркнуто дружелюбным. И в то же время это лишает тебя друзей. С идеальными людьми не дружат, им поклоняются. Но от этого я тебя сумел уберечь… хоть и было трудно.

У меня горели щеки. Это не просто неприятно, это гнусно!

– Я добивался одного, – сказал дед. – Чтобы в этот, наступивший миг… как я надеялся, что он наступит!.. ты был вправе принимать решения. Не боялся преступить черту общепринятой морали. Законы придумывают для того, чтобы их нарушать. Каждый шаг человечества в завтра был нарушением законов сегодняшних. И всегда находились те, кто смел нарушить законы. Те, кто преступал черту, обычно были негодяями. Я мечтал о другом. Чтобы ты мог решать – не оглядываясь на человечество. И был не худшим его представителем одновременно. Невозможная задача. Но я попытался ее решить.

– Дед, ты веришь в то, что говоришь? – прошептал я.

– Да.

– Уговариваешь меня принять собственную, личную этику? И при этом считаешь, что я останусь человеком?

– Да.

– Но ведь это не моя этика, дед, – тихо сказал я. – Это все – проекция твоих взглядов. Твои страхи, комплексы, мечты. Я твой инструмент, дед. Ты верил, что человечеству, чтобы достичь величия, потребуется такой, как я. И создал меня. Вырастил, как в колбе.

Дед кивнул:

– Ты прав. Но я задам лишь один вопрос. Ты веришь, что я прав? Веришь, что нынешнее состояние приведет Землю к гибели?

– Верю, – сказал я. – Верю.

– Тогда не бойся решать, Петя.

Я долго молчал, а дед ждал ответа. За стенами шумел ветер. Спали на своих дачах дряхлые писатели и резались в покер их энергичные дети. Набиралась сил перед новым трудовым днем бывшая столица. В Звездном ночная смена диспетчеров вела на посадку возвращающиеся корабли. Огромная страна гнала горючее и клепала ракеты-носители, жадно разглядывала иноземное барахло и отлавливала воробьев, так полюбившихся Чужим. Крошечная планета Земля плыла по орбите, а небо было вокруг – и люди смотрели в небо с азартом, надеждой и страхом.

И никому не было дела, что меня просят спасти человечество – и переступить при этом через себя.

– Дед, нам нужен «Буран». И меня вроде туда берут. Но я не знаю, как нейтрализовать остальных членов экипажа.

– Пошли, – сказал дед.

– Куда?

– Ко мне в комнату. Позвоним Данилову. Он должен был прилететь вечером.

Глава 2

Когда дед снял трубку, я попросил в последний раз:

– Пожалуйста, не надо.

– Я понимаю, рано… – буркнул дед. – Четыре утра… эх… но Данилову не привыкать. Боевой летчик все-таки.

Из динамика доносились долгие гудки. Наверное, телефон отключен на ночь. Я порадовался этому, но дед меланхолично ткнул в клавиши. Тройка, семерка, ноль. Похоже, ему был известен код срочности, установленный на телефоне Данилова.

– Алло! – отозвался аппарат. Дед оставил динамик включенным, и я невольно слышал весь разговор. Голос Данилова был жестким и бодрым. Может, он не спал?

– Спасибо за рыбку, – сказал дед.

После секундной паузы Данилов отозвался:

– Рад, что понравилась…

– Забегай… как-нибудь.

Дед положил трубку. Улыбнулся мне.

– И для этого надо было будить Александра Олеговича среди ночи?

– Он приедет через полчаса-час, – объяснил дед. – Ключевым словом было «забегай». «Как-нибудь» – мусор.

Я заерзал на старом стуле, помнившем меня еще ребенком.

– Дед, ты и Президенту так можешь позвонить?

– Президенту не могу. Советнику по национальной безопасности – да. Но он нам не нужен. Должность меняет людей.

Конечно, я знал, что круг знакомых у деда огромен. Но что знакомства эти настолько тесные…

– А откуда ты Данилова знаешь?

– Я был в комиссии по обмену военнопленными, в девятом году. Александра хотели расстрелять, он сжег «Гетмана Мазепу», почти достроенный авианосец, на верфи Николаева, перед тем как получил ракету в двигатель. Ну… удалось обменять парня. – Дед неожиданно захихикал: – Обменяли… на Украине тогда было совсем туго с горючим. Два эшелона нефтепродуктов за одного военного преступника.

Вот это да. В безумные времена крымского конфликта – джампом тогда еще и не пахло, и люди предпочитали ненавидеть соседей, а не Чужих, – мне было лет пять. Мало что помню с того возраста. В школе мы уже учились по картам, где Крым был независимым государством, и только дед скупо обмолвился, что независимость эта стала единственной альтернативой российско-украинской войне.

– Потом еще встречались, – меланхолично продолжал дед. – Вот когда мы священников отправляли хиксоидам. Данилов тогда не в «Трансаэро» был, в Роскосмосе. Курировал особо важные перевозки. И вот приехали в Звездный космонавты в рясах…

Про эту историю я слышал. Лет десять назад несколько церквей – Католическая, Протестантская и Православная, – объединив усилия, добились от правительств США и России небывалого демарша. Земля потребовала от Хикси разрешить миссионерскую деятельность людей на их планетах. Это отвечало каким-то параграфам Галактического Кодекса, и «крестовый поход в небеса» объединенной конфессии начался. Правда, в обмен Хикси потребовали создания на Земле собственной миссии. Только через два года люди поняли, что в обмен на священников получили не служителей чужого религиозного культа, а группу профессиональных иллюзионистов… у Хикси есть довольно близкий аналог циркового искусства. Уж не знаю, чем это задело христиан, но миссии у хиксоидов были свернуты, а вскоре и Чужие отправились домой.

Кстати, методика, по которой они превращали воду в вино и исцеляли неизлечимо больных, так и осталась загадкой.

– Ты молодец, деда… – сказал я. – Ты и впрямь ко всему готов.

– Данилов – умный мужик. Он поймет.

– Так ты и впрямь хочешь ему все рассказать?

– Ага, – с видимым удовольствием сказал дед.

– Дед, скажи… если ты так хорошо знаешь Данилова… наверное, и с остальным руководством фирмы в прекрасных отношениях?

Дед пожал плечами. Но я не отступал:

– Моя карьера, звания, должность… чьих рук все это? Я пробивался сам, или меня тянули твои друзья?

– Сам, Петя. Меня не заботила карьера внука. Мне было важно, чтобы ты стал профессионалом. Верящим в свои силы.

Через полчаса я вышел встречать Данилова. Стоял у калитки, глядел на редкие огоньки соседних дач. Кажется, горел свет у моего маленького приятеля. Наверное, Алешка режется в свою игру с чудесной фрактальной графикой. А за камешками ведь не зашел… постеснялся.

Наконец послышался мягкий рокот мотора. Данилов то ли не страдал излишним патриотизмом, то ли просто любил хорошие машины – он приехал на новеньком черном «мерседесе». Я открыл ворота, он въехал на территорию, заглушил двигатель.

– Что случилось, Петр? – спросил лучший пилот «Трансаэро», выбираясь. Он был в форме полковника Космических Сил и с такой колодочкой медалей на груди, словно собирался на прием к Президенту. Поблескивали даже две звезды Героя… наверное, Данилов решил избежать любых проблем с постами и патрулями.

– У нас Чужой в доме, Александр Олегович, – сказал я, пожимая ему руку.

– Твою мать! – выругался Данилов. – Кто?

– Счетчик.

– С ума сойти. Обезврежен?

Мы вместе пошли к дому. Навстречу кинулся Тиран – и завилял хвостом. Может, у собак появилось генетическое уважение к орденам и медалям?

– Он с предложением. Деловым.

– Ясненько. – Полковник хлопнул меня по плечу. – Дождался твой дед, а?

– Дождался… – беспомощно подтвердил я. – Александр Олегович, он хочет…

– Кончай пиетет, а? – буркнул Данилов. – Я тебя с двух лет знаю.

– Да? – поразился я.

– Зови либо Сашей… либо дядей Сашей, – ухмыльнулся Данилов. – Так чего старик хочет?

– «Буран».

Данилов заиграл желваками.

– Ясно. Не угомонился, значит…

Я почувствовал облегчение. Данилов деду не поможет. И угона не допустит.

– Твое мнение какое, выдержит старик старт? – спросил полковник, когда мы вошли в дом. Внутри у меня что-то оборвалось. Нет, если я «правильный», как считает дед, тогда все вокруг – ненормальные.

– Выдержит… Саша.

– И то хлеб.

В прихожей по-прежнему царила полутьма. Я замялся, пока Данилов разувался, куда его вести вначале. Но по лестнице зашаркали тапочки, и появился дед.

– Здравствуй, Саша, – спускаясь, сказал он.

– Здравствуйте, Андрей Валентинович. – Данилов вытянулся, как новобранец перед генералом. – Я прибыл.

– Буди Карела, Петр.

Я открыл дверь в свою комнату – и увидел мерцающие глаза счетчика. Устало сказал:

– Пошли.

– Что произошло? – Рептилоид спрыгнул с кресла.

– Нашего полку прибыло.

Из-за моей спины Данилов заглянул в комнату. Присвистнул, увидев рептилоида.

– Счастлив познакомиться с известным покорителем космоса! – протараторил счетчик.

Конечно, проснулась и Маша. Когда рассвело, все знакомства состоялись, факты, на мой взгляд больше похожие на домыслы, были изложены. А счетчик вновь спел знакомую песню о неминуемой гибели человечества, если…

Я сел рядом с Даниловым. Словно надеялся, что хоть он, боевой офицер и опытный космонавт, найдет аргументы против предложенного плана.

В какой-то мере мои надежды оправдались.

– Почему нельзя ознакомить с ситуацией правительство? – спросил Данилов.

– Во-первых, если наша акция будет санкционирована, гнев Сильных падет на всю Землю… – начал дед.

Данилов пожал плечами:

– Разрешение может принимать разные формы. Устные. Двусмысленные.

– Во-вторых, у нас нет времени. А бюрократию нам не одолеть никогда.

– Это верно.

– Какой у тебя сейчас чин в ФСБ? – спросил дед.

Данилов поморщился:

– Такой же, как и в космосе. Полковник.

Вот это да! Данилов открыто признался в своей работе на органы!

– Саша, ты умный человек. У нас есть шансы на успех… ну зачем счетчику врать?

– Чтобы похитить челнок.

– Схемы джампера доступны всем Чужим. Не в технологии дело.

– Чтобы подставить нас.

– Карел подставит и свою расу.

Счетчик сидел с безучастным видом, словно его разговор никак не касался.

– Что скажешь, а? – Данилов повернулся к рептилоиду. – Не ведешь двойной игры?

– Разве мой утвердительный ответ что-то докажет?

– А все-таки почему такое нежелание сообщать факты?

– Боюсь предательства.

Данилов развел руками:

– Ну что тут скажешь! Петя, как тебе аргументация? Мы, значит, должны верить ему на честное слово…

– Есть разница, – неохотно признал я. – Мы рискуем лишь своими жизнями. А счетчик – судьбой всей Галактики.

Данилов осекся.

– Ага, утешительно… Всего лишь своими жизнями. Мелочь…

Счетчик молчал.

– Ладно… – Данилов покосился на деда, тот кивнул. – Мне предлагают вылет послезавтра. На Джел-17.

– Мы торгуем с Джелом? – заинтересовался дед.

– Эпизодически. Они хотят купить десять тонн произведений искусства.

– Они же слепые! – воскликнул я, вспомнив собственные рейсы на Хикси.

– Скульптуры. Джел покупают у нас бюсты с изображением людей. Россия перехватила заказ у американцев. У нас оказалось безумное количество бюстов… неактуальных ныне. Мраморных, гипсовых, бронзовых. Заказ срочный, трасса незнакомая. Предложили лететь мне. Боженко, это мой второй пилот, в отпуске. Хотели его отозвать, но я предложил взять пилотом тебя, Петя.

Значит, не случайно завел Александр тот разговор.

– Навигатором у меня Ринат Турусов. Хороший парень… не хочу его вмешивать.

– Я могу провести расчет любого джампа, – быстро сказал счетчик.

– Не сомневаюсь. Но как оставить Рината на Земле, а тебя и деда протащить на челнок?..

– Не только Карела и Андрея Валентиновича. – Молчавшая до сих пор Маша вступила в разговор. – Еще и меня.

– Это требование счетчика? – Данилов посмотрел на Карела.

– Моё, – сказал дед. – Маша пригодится.

– После нашего побега твою семью будут ждать серьезные неприятности, девочка. – На лице Данилова было все, что он думает об этой идее.

– У меня нет семьи. Я сирота, – отрезала Маша.

Я невольно вскинул на нее глаза. Надо же. И она росла без родителей… только не с дедом, одна. Выбраться из той колеи, что негласно уготована детдомовцам… окончить институт, а не вкалывать на ферме или ракетном заводе… молодец, Маша…

И опять что-то заныло в груди, тоненько и тревожно. Словно я отворачиваюсь, не желая видеть неприятной, злой, отвратительной правды.

– Ладно. Если вы настаиваете, Андрей Валентинович…

Дед кивнул.

– Я протащу вас на челнок, – решил Данилов. – Мы с Петей вас протащим.

Он глянул на часы.

– Семь. Через час Пете позвонят из Звездного. Пришлют машину. Так что готовь рапорт, парень.

Я кивнул.

– До обеда тебя помучают… потом прием у кого-то из совета директоров «Трансаэро» и в Роскосмосе… – рассуждал вслух Данилов. – Погладят по головке, похвалят. Закинут удочку – готов ли к новым полетам. Предложат место второго пилота на «Волхве».

У меня чаще забилось сердце. Быть пилотом на легендарном челноке Данилова – это сбывшаяся мечта!

– Ты согласишься… еще два часа на бюрократов… Вечером скорее всего тебе придется лететь в Хабаровск. Думаю, вместе полетим.

– Мы с Машей забронируем места на другой рейс, – вступил в разговор дед. – На космодром нас пропустят, полагаю? В гостевой сектор?

– Пропустят, – кивнул Данилов. – Начальник космодрома, генерал Киселев, очень неплохо относится к «постулатам Хрумова».

– Никогда не знаешь, как слово отзовется, – вздохнул дед. – Петя, ты давай приводи себя в порядок. Раз уж сейчас поедешь в Звездный.

Я поднялся из-за стола. Ухватил с блюда кусочек подсохшей лососины.

– Там будь серьезным и собранным! – сказал в спину Данилов. – Не подавай виду, что знаешь все заранее!

– Слушаюсь, товарищ командир корабля, – ответил я.

Нет, точно, мир сошел с ума. И мне придется спятить – отвечая требованиям моды.

И почему дед так уверен в моих особых качествах? – думал я, когда под вечер машина компании везла меня домой. Если уж хотел воспитать из меня будущего спасителя человечества – так я должен быть сообразительным и хитрым, как он сам. А не подчиняться покорно решениям.

Зря он на меня ставку делает… если делает, конечно. Зря.

Машина остановилась у ограды.

– Через три часа мы заедем, – сказал водитель. – Вы успеете собраться, Петр Данилович?

– Да, конечно. Спасибо.

Выбравшись из машины, я сразу же увидел Алешку. Мальчишка стоял у ворот своей дачи, слегка насупленный и недовольный.

– Привет! – Я помахал ему, и Алешка медленно двинулся через дорогу. Остановился, пропуская отъезжающую машину. Лишь подойдя, неохотно сказал:

– Здравствуйте…

– Меня караулишь?

– Вот еще…

– Пошли, камни тебя дожидаются.

И с чего дед решил, что дети ко мне тянутся? Скорее на шею садятся…

– Я днем звонил, – слегка оживившись, начал Алешка. – Ваш дедушка сказал, что вы уехали, вернетесь на минуту и снова уедете… надолго.

– Так и есть, – признал я. – Но пять минут у меня найдется.

Тирана в саду не было, и слава богу. Мне всегда казалось, что на ребенка пес не набросится, но проверять я не собирался. Впустив паренька в дом, я сказал:

– Сейчас, разувайся…

А сам торопливо заглянул в свою комнату. Рептилоида не было.

– Заходи, – роясь в «дипломате», сказал я.

Алешка с некоторой робостью вошел. Оценивающе покосился на мой компьютер, с куда большим интересом – на двуручный меч, висевший над кроватью. Спросил:

– Инопланетный?

– Нет, почему. Эспадон, британский.

– Настоящий?

– Нет, копия, – признался я.

– А… – Алешка утратил к мечу интерес. – А настоящее оружие у вас… ух ты!

Эффект был хорош. Научились в последнее время в космопортах делать маленький бизнес на сувенирах. Пакет из прозрачного пластика был разделен на девять отделений, в каждом лежал разноцветный камешек. Еще в пакет был вложен солидного вида документ, гарантирующий, что данные камни и впрямь являются частью планеты Сириус-8, иначе – Хикси-43.

– Настоящие? – тихо выдохнул Алешка.

– Ну… видишь же, там сертификат есть, – уклончиво ответил я.

– Ха, сертификат… – презрительно сказал мальчик. У меня родились какие-то смутные подозрения в отношении бизнеса, которым занимается его отец. – Сертификат подделать – ерундовое дело.

– Я покупал эти камни на Сириусе, – уточнил я.

Видимо, мое честное слово его вполне удовлетворило. Алешка кивнул, покачивая на ладони пакет.

– Спасибо, дядя Петя. У меня теперь такая коллекция…

– Рад за тебя. – Я вздохнул и сел на кровать. Прислушался – вроде бы сверху никто не спускался. Наверное, дед и рептилоид в курсе, что я вошел не один.

– Я побегу, – великодушно решил Алешка. – Вам же собираться надо… А куда теперь полетите?

– Не знаю.

– А…

– Привезу, – пообещал я. – Привезу тебе новый камень. Если там будут камни…

Алешка кивнул и, сжимая свой драгоценный пакет, двинулся к дверям. Но вдруг замялся:

– Дядя Петя, у вас неприятности?

– С чего ты взял?

– Ну… кажется.

Я вздохнул:

– Слушай, Алешка… тебе приходилось делать то, чего не хочется? Что кажется совсем неправильным?

Мальчик кивнул.

– Вот… мне сейчас приходится, – объяснил я.

– Вы же взрослый! – сказал Алешка с удивлением.

Я невольно рассмеялся:

– Это не помогает, поверь. Пошли, я тебя провожу до калитки.

Тирана в саду по-прежнему не было. И в доме ведь не слышно было… Я слегка насторожился, но вначале все-таки довел пацана до ограды, а лишь потом прошел по саду. Никого.

А в прихожей меня уже ждали. Маша и Карел. Рептилоид взгромоздился на перила и выглядел невозмутимым, как всегда. Девушка стояла с пистолетом-парализатором в руках. Самое смешное, что и это меня уже не удивляло.

– Что это за мальчик? – резко спросила Маша.

– Не «что», а «кто», – обходя ее, сказал я. – Сосед. Я ему сувениры порой привожу.

Маша схватила меня за руку. Прошипела:

– Да ты что, спятил, Петр? Нашел время в игрушки играть! Если бы он увидел Карела?

– То ты бы пальнула в него? – закончил я. Маша замолчала. – А потом счетчик почистил бы ребенку память?

– Не твое дело! – Девушка по-прежнему держала меня. И направила пистолет в мою сторону. – Ты рисковал всем! Андрей Валентинович…

Во мне что-то дрогнуло и сломалось. Я перехватил ее кисть, вывернул, заставляя выпустить пистолет. Карел начал пятиться вверх по перилам – молча, не отрывая от нас взгляда.

Несколько секунд Маша пыталась бороться, потом сдалась.

– Это мое дело, – сжимая ее кисти, сказал я. – Это мой дом. Мальчик – мой друг. Андрей Валентинович – мой дед.

– Ты мешаешь… – сказала Маша. Сдавленно, словно я ее за горло держал, а не за руки. – Портишь все…

– Хочешь, испорчу все окончательно? – Я улыбнулся. – Потребую, чтобы ты осталась на Земле?

Ее руки обмякли.

– Извини. – Слишком уж быстро Маша это сказала. – Я испугалась за успех…

Я отпустил ее и пошел на второй этаж. Карел проводил меня мерцающими глазами. Маша стояла, растирая кисти.

Да что же происходит! Мой дом уже не мой дом? Играем в заговорщиков? Ей к психоаналитику надо отправиться, а не в космос!

Не знаю, слышал ли дед нашу перепалку, дверь у него была полуоткрыта. Наверное, да. Но он ничего не сказал.

Великий шовинист сидел прямо на полу и пролистывал фотоальбомы. Пухлые семейные альбомы, из тех, что наводят ужас на несчастных гостей. Дед маленький, дед в институте, дед на стажировке в Штатах, дед с бабушкой… давно ее нет в живых… Дед с моим папой. Папа в армии. Папа с мамой… и мной в проекте… Я, голышом на пеленках…

Чего он взялся за старые фотографии?

При моем появлении дед резко захлопнул альбом.

– Все прошло нормально?

– Да. Я в экипаже «Волхва», послезавтра старт… Ты не видел собаку?

– Видел. Маша отвезла Тирана в питомник.

– Что? – завопил я.

– Маша. Отвезла. Пса. В питомник.

Дед с кряхтеньем поднялся.

– Петя, дом будет пустым. Через сутки его опечатают и начнут рыться в документах. Я не хочу, чтобы пес получил пулю, защищая наше барахло. Маша оплатила его проживание в питомнике в течение двух лет. Мы заберем его, вернувшись. Надеюсь.

Как всегда, дед был прав. Но…

– Почему ты не сказал мне? Я бы с ним попрощался!

– Петя, нельзя оставлять кусочек души за спиной. Не нужны лишние прощания.

– Они не лишние… – У меня защипало в глазах. Ну да. Не оставляй ничего позади… Все равно останутся – Земля, Россия, дом… хитрый паренек Алешка, для которого я лишь источник сувениров. Я еще никогда не уходил, так четко зная, что могу не вернуться. Даже перед первым, тренировочным полетом в космос не дрейфил, как сейчас…

– Петр, собаке будет там хорошо. Неужели ты думаешь, я не переживаю?

Я через силу кивнул.

– Дом будут обыскивать, – продолжил дед. – Я уже сжег все свои бумажные документы и стер информацию на машине. Почисти свой компьютер тоже… если там есть что-то личное. Отформатируй диски, и лучше – несколько раз.

Его ноутбук и впрямь был включен, но экран оставался темным, лишь с парой строчек БИОСа. А в камине – очень много легкого белесого пепла.

– Хорошо, дед.

– И возьми эти альбомы, – вздохнул дед. – Вынеси в сад. Сожги. В комнате не хочу, слишком много вони.

Он что, серьезно?

– Не хочу, чтобы чужие руки лапали наши лица, – сказал дед. – Ты уж прости старика. Пленки где-то есть, потом распечатаем все заново… если вернемся.

– Дед…

– Петя, прошу тебя.

Я колебался.

– Или мне самому тащить их в сад? – тонко закричал дед. – А? Самому?

…С грудой альбомов я вышел из дома. Маши внизу уже не было, и рептилоида тоже. Я оттащил альбомы в дальний угол сада, где в детстве жег костры и строил каждое лето шалаш. Бросил их на жухлую траву.

Что-то чудовищное в этом было, противоестественное. Человеку не стоило придумывать фотографии – зная, что порой их приходится жечь. С распахнувшихся страниц на меня смотрели лица – деда, родителей, меня самого, знакомых и незнакомых людей… Вот дед, еще не старый, на каком-то конгрессе. А вот… надо же… с Даниловым! Совсем молодым, но каким-то сжавшимся, неловким, отводящим от объектива взгляд. Не любил я смотреть старые снимки – а зря.

Я достал из кармана спички, которые торжественно вручил мне дед, и тут взгляд упал на фотокарточку родителей. Со мной на руках. Уменьшенная копия той самой фотографии, что висит у деда в кабинете.

Нет уж!

Нагнувшись, я надорвал пластиковый лист и вытащил фотографию. Она полетит со мной. Огню и так хватит пищи.

Под фотографией оказался сложенный вчетверо, пожелтевший от времени лист. Я вытащил и его, осторожно развернул – и сердце сжалось.

Это была вырезка из газеты. Статья под названием «Президент соболезнует»… с борта «боинга». На черно-белой фотографии было какое-то железное месиво в овальной воронке, окруженной поломанными деревьями.

Правильно дед сделал, что не показывал мне этой газеты. Я отвел взгляд. Сглотнул пересохшим горлом тоскливый комок из боли и вины. Сложил листок и вместе с фотографией спрятал в карман.

Горели альбомы плохо. Конечно, сплошной пластик. Пришлось сходить в гараж и плеснуть на альбомы бензином. Я посидел у огня, грея озябшие руки, но дым был слишком едким.

Память – она всегда плохо горит.

Долго ли собираться, когда уходишь навсегда?

Чистое белье, пара рубашек… в полет все равно уходить в форме. Компакт-диск со всякой ерундой – юношескими стихами, начатым и заброшенным навсегда романом, какими-то письмами, записями любимых игр. Пара дисков с музыкой. Жаль будет, если при обысках «потеряют» мою коллекцию. Впрочем, там в основном классика, а не попса, может, и уцелеет…

Все уместилось в «дипломате», как обычно. Когда уходишь на день и когда уходишь навсегда – имущество теряет смысл. Это не поездка на курорт.

Я поднялся наверх и попрощался с дедом. Если все будет нормально, то завтра мы увидимся. Дед продолжал рыться в своем хламе. Я хотел было сказать, что нашел вырезку, потом передумал. Ему тоже тяжело вспоминать.

Внизу меня ждала Маша, и на этот раз – без пистолета.

– Хотела извиниться, – начала она.

Я стоял по-дурацки, на ступеньках, нависая над ней. Но обходить девушку было бы не тактичнее.

– Да ерунда, – пожал я плечами. – Ты извини. Я вспылил.

– Просто я очень переживаю за успех операции, – сказала Маша. – Обидно, если все сорвется из-за ерунды… извини, в общем.

– Ты очень хорошо относишься к деду. Маша, вы давно знакомы?

Она замялась.

– В какой-то мере. Я обучалась под эгидой Фонда Хрумова. Так что твой дед платил за мое обучение… за все, в общем, платил. Но дело совсем не в этом!

– Понимаю. – Я коснулся ее плеча. Почему-то мне казалось, что такой товарищеский жест ей понравится. – Все нормально. Встретимся в Свободном.

Маша кивнула.

– Береги деда, – попросил я и вышел из дома.

Автомобиля еще не было, но возвращаться не хотелось. Хотя бы потому, что нам с Машей больше нечего друг другу сказать. Пока – нечего. Я прошел по саду, непроизвольно высматривая Тирана, вышел за ворота.

Почему у меня нет какой-нибудь дурной привычки? Коротать время, покуривая сигарету или попивая пиво из банки, было бы куда веселее.

Я ждал машину минут десять. А потом, когда вдали послышался шум мотора, увидел бегущую ко мне фигурку.

– Дядя Петя!

Алешка остановился рядом со мной, переводя дыхание. Похоже, он спешил изо всех сил.

– Что случилось? – Я невольно встревожился.

– Да не, ничего… опоздать боялся. Это за вами?

Я глянул на подъезжающую машину.

– Да.

– Я… подарок вам принес.

Мальчик как-то неловко полез в карман и, отводя глаза, протянул мне продолговатый сверток.

– Вот… ну, я побегу.

– Подожди, – попросил я. Разорвал бумагу. Алешка мялся.

Нож.

Ничего себе!

Не китайская подделка. Слишком хорошая сталь и слишком потертая рукоять. Десантный нож российской армии. В свободную продажу не поступает.

– Ты что, парень? – тихо спросил я.

– Вы же любите всякое холодное оружие А мне… так… не очень нравится.

– Тебя родители вздуют. – Я протянул нож обратно. – Бери.

– Они не знают. Это мой нож, я его у ребят выменял. Давно уже. Возьмите.

Вот так подарок. Что-то неуловимое исходило от ножа… какая-то странная неприятная аура. Так давит руку лишь оружие, познавшее жизнь и смерть.

Нельзя оставлять нож у мальчишки. Да и я не имею права его брать. Надо сдать в милицию. Но ведь это подарок…

Да, крутой я террорист! Собираюсь угонять космический корабль – и боюсь взять незарегистрированное оружие!

– Спасибо, – пряча нож в карман, сказал я. – Когда вернусь, мы еще поговорим про эту штуку. Ладно? И больше не выменивай таких вещей.

– Я и не собираюсь.

– Спасибо, – еще раз сказал я. Потрепал мальчишку по голове и пошел к машине. Интересно, заметили водитель и охранник, что я держал в руках?

Впрочем, какое им дело? Я офицер. Могу с пистолетом ходить по улице, не то что с куском отточенной стали. У меня в удостоверении записано: «Имеет право на ношение и применение любого личного оружия».

– Удачного полета! – крикнул Алешка вслед.

Я забрался на заднее сиденье, и водитель мгновенно тронул. Сказал:

– Данилов просил доставить вас пораньше…

Видно, судьба у меня такая – опаздывать на самолеты. Откинувшись на сиденье, я оглянулся на дачу, на мальчика у ворот.

Не оставляй позади ничего!

Только как тогда понять, куда надо идти?

В Шереметьево было, как всегда, шумно и бестолково. Охранник довел меня до служебного входа в офис «Трансаэро» и лишь после этого счел свой долг исполненным.

– Удачно слетать! – пожелал он.

В чем-то он недалеко ушел от Алешки.

– Постараюсь, – пообещал я. Предъявил на входе свой пропуск и без всяких проблем вошел.

В маленьком вестибюле было шумно и накурено. Центром общества являлся Данилов. Он развалился на диванчике, а вокруг него толпились девчонки-операторы, уже в плащах и курточках, явно из предыдущей смены, задержавшиеся, чтобы послушать байки всеобщего любимца, несколько незнакомых мне летчиков. Почти все дымили, пилоты и Данилов пили пиво.

– И вот подтекает ко мне пыльник, – продолжал Данилов свой рассказ, – и начинает виться у ног. Мне, само собой, интересно, с чего такая честь? Я пинаю его ботинком…

Те, кто представлял себе пыльников более или менее точно, захохотали.

– Он свивается кольцом вокруг ступни! Ну все, думаю, с ногой можно прощаться…

Тут Данилов заметил меня и оборвал рассказ.

– Петя! Давай пошли!

– До вылета еще двадцать минут, – просительно произнесла одна из девушек. – Александр Олегович, так что там…

– Грязь! – торжественно произнес Данилов. – Грязь на ботинках! Про канаву-то еще помните? Пыльник почувствовал непривычный минеральный состав и обалдел! Новое месторождение!

От хохота затряслись стены.

А ведь Данилов не просто балагур! Его любят за то, что в его рассказах Чужие всегда выглядят полными кретинами! Раньше в русском фольклоре место идиотов занимали американцы, французы, немцы. Теперь – Чужие. «Попали как-то человек, хиксоид и даэнло на необитаемую планету…»

Интересно, это влияние деда или он и впрямь такой?

Впрочем, можно вспомнить и старую версию, что все анекдоты о престарелых коммунистических правителях, позже – о новых русских, еще позже – о генералах-министрах из хунты Шипунова сочиняли и распространяли работники спецслужб. Если невозможно заставить народ полюбить негласных правителей общества, то надо их высмеять. Это снизит накал человеческой ненависти, превратит ее в иронию. В глупый, бессильный, самодовольный смех. Маленькие и умные народы, кстати, давно это поняли и позволяли смеяться над собой. А сейчас нашим правителям… которые по сути-то своей лишь наместники Чужих, надо ослабить неприязнь к инопланетянам.

– Познакомьтесь, это Петя. Петр Хрумов. Гроза китайских дехкан! – воскликнул тем временем Данилов, обнимая меня за плечи. Все захохотали, но Данилов внезапно стал серьезен. – Этот паренек – единственный в мире человек, способный посадить космический корабль на шоссе. Я не шучу. Мне это не по силам.

Все смотрели на меня.

– Очень скоро его имя будет у всех на устах, – продолжил Данилов. – У всей планеты! Можете заранее брать автографы.

Меня и то мороз по спине пробрал от таких слов. А у Маши, с ее осторожностью, волосы бы дыбом встали. Но никто в словах Данилова криминала не углядел. Я пожал руки пилотам, выслушал комплименты от девчонок и вслед за Даниловым двинулся по коридору. Разумеется, регистрацию мы не проходили. Вместе с летчиками, которые поведут лайнер в Хабаровск, доехали на машине до «боинга». Поднялись в первый салон. Девчонки-стюардессы притащили маленькие бутылочки с французским вином. Данилов, не теряя времени, откупорил одну и наполнил бокал.

– Ну, Петя, не тормози!

Я плеснул себе чуть-чуть. Данилов чокнулся, кивнул:

– За удачу! Ох как она нам пригодится!

Днем, в Звездном, я мимоходом видел Данилова. Но тогда это был совсем другой человек. Собранный, жесткий, официальный. Мы поздоровались, Данилов сказал что-то поощрительно-ободряющее, и я продолжил поход по бюрократическим коридорам.

Сейчас рядом сидел нервничающий, зажатый и от этого излишне разговорчивый человек. Мне даже вспомнился тот молодой летчик, замерший на фотографии с дедом. Наверное, Данилова до сих пор давит та война, плен, угроза расстрела. Тот страх не изжит, не пройден, два десятилетия лишь загнали его вглубь. Неужели дед этого не видит?

Трудно придется Александру Олеговичу, если что-то пойдет наперекос.

Салон потихоньку наполнялся людьми. Бизнесмены с подругами, молодые клерки из государственных учреждений, так и не привыкших экономить деньги, несколько иностранцев. Эконом-класс тоже был набит под завязку.

– Я вот какую историю вспомнил, – задумчиво сказал Данилов. – С год назад, за пару часов до старта «Великоросса», второй пилот, Женя Лейкин, поскользнулся на лестнице и сломал ногу. Отменять старт было крайне невыгодно. Больше пилотов не было. Ребята слетали тогда так, вдвоем. Прецедент, что ни говори.

– Джамп-навигатор – фигура более важная, – подумав, возразил я.

– Но и рейс более срочный. У тебя ведь универсальный допуск, Петя? Пилот и джамп-навигатор для сверхмалых челноков, второй пилот или джамп-навигатор для кораблей среднего и большого тоннажа?

– Да.

– Подумаем, – удовлетворенно сказал Данилов и откупорил вторую бутылочку с вином.

Я откинулся в кресле. Господи… Нет, сломанная нога – куда меньшее зло, чем выкидывать человека у стартового ствола.

Неужели я начал мерить зло?

Делить на большее и меньшее?

Лайнер начал разгоняться, я закрыл глаза и расслабился. Уснуть бы.

Это у меня получилось.

Стюардесса меня будить не стала, а вот Данилов не церемонился. Когда разносили ужин или, скорее, завтрак, он потряс меня за плечо:

– Петр, соберись…

Я недоуменно поглядел на него.

– Вырабатывай желудочный сок, поглощай белки и калории… – Александр с подчеркнутой заботливостью раскрыл передо мной коробку с завтраком. – Давай порубаем.

Мы ели, обмениваясь ничего не значащими фразами, поглядывая в иллюминатор, за которым были лишь темнота и проблески маячка на крыле лайнера. Рокот двигателей здесь, в переднем салоне, казался слабым и далеким.

– Где-то над Новосибирском летим, – предположил Данилов. – Бывал здесь?

– Совсем маленьким. Не помню. – Я сжал зубы.

– Извини… – Данилов сообразил, в чем дело, слишком поздно. – Прости, Петр. Я совсем забыл.

– Ты и не обязан помнить, где разбились мои родители.

– Черт. – Полковник выглядел по-настоящему смущенным. – Как-то глупо я.

– Брось, Саша. Бывает. – Я вернул стюардессе прозрачную коробку, не опустевшую даже наполовину. Кормили слишком хорошо, меня утомила схватка с отбивной и единоборство с салатами. – Я родителей и не помню, если честно.

Я встал и двинулся по проходу. Вот так, наверное, и мои родители летели… спокойно и беззаботно. Наверное, поуже были проходы между рядами, и не в каждое кресло был вмонтирован телевизор и телефон. А так – мало что изменилось. Та же дюралевая труба с крыльями и турбореактивными движками. Те же двести пятьдесят – триста метров в секунду. Такие смешные цифры – по сравнению со «скоростями убегания». Абсолютный покой по сравнению с джампом.

Но этой скорости вполне хватило, когда на высоте десять тысяч метров у «тушки» разрушилось правое крыло…

О чем они думали, мои незнакомые и молодые родители, в ту последнюю минуту, когда самолет, потеряв управление, кувыркался, приближаясь к земле? Обо мне, может быть. О том, как правильно сделали, не взяв меня с собой.

Я дернул дверь туалета, но она была закрыта. Прислонился к обитой синтетической тканью стене. Опустил руку в карман, достал фотографию и газетную вырезку двадцатитрехлетней давности.

Мне не хотелось смотреть в лица родителей. Это было бы нечестно. Тем более здесь и сейчас. Я смотрел на себя, маленького и капризного, вырывающего ладошку из руки отца. Ведь он не виноват, этот мальчик, которым был я…

Я развернул хрупкую бумагу. «Президент соболезнует…»

Зачем я взял эту вырезку? Что хочу найти в профессионально соболезнующих строках? Никогда ведь не пытался узнать детали той катастрофы. И правильно делал, наверное.

«Представитель “Российских авиалиний” категорически отверг версию о кавказском или крымском следе, отметив, однако… Уже найден один из “черных ящиков”, и ведется расшифровка… Более ста погибших, включая двенадцать детей…»

Ля-ля-ля, три рубля… Я знаю, каково это сочувствие – со стороны. Густо замешенное на любопытстве, облегчении и праведном гневе… направленном на стрелочников. В данном случае – на механиков, выпустивших в полет древний лайнер.

«В Новосибирск прибывают родственники жертв авиакатастрофы. Одним из первых прибыл известный политолог и публицист Андрей Хрумов, потерявший в катастрофе всю семью – сына, невестку и двухлетнего внука. Наш корреспондент попытался взять интервью у…»

Ля-ля-ля… три рубля…

Я закрыл глаза.

«Наш корреспондент», ты же ошибаешься! Дед не мог потерять меня. Вот он я. Стою в металлической сигаре, мчащейся над заброшенным обелиском в сибирской тайге. Я живой!

«К сожалению, процитировать ответ Хрумова мы не рискнем. Но реакцию убитых горем людей представить несложно. Боль и отчаяние…»

Я ведь живой!

Я остался не только на старой фотографии! Я вырос и стал летчиком! Наперекор судьбе, убившей родителей! Назло всему! Я живой!

«Сила удара была такова, что процесс опознания…»

– Нет… – прошептал я, комкая вырезку. Хрупкая бумага ломалась по сгибам. – Нет!

Какая еще сила удара? Меня не было в том дюралевом гробу!

Стюардесса остановилась рядом и взяла меня за локоть.

– Петр Данилович? Вам нехорошо?

Я сглотнул, глядя в ее встревоженное лицо. Девочка, да как ты не понимаешь? Мне не может быть хорошо или плохо! Меня просто нет! Я где-то там, внизу, в ветвях сосняка и густой траве, в иле, на дне заполнившейся водой воронки! Десять килограммов хрупкой плоти так и не стали здоровым мужиком, воплотившим все мечты деда.

– Петр Данилович… – Девушка попыталась потянуть меня к ближайшему креслу.

– Ничего… – прошептал я.

– Что – ничего?

– Уже – ничего. – Я отвел глаза. – Все прошло. Я… растерялся…

Она непонимающе смотрела на меня.

– Простите… – Я вырвал руку, отталкивая улыбающегося японца, протиснулся в туалет. Японец торопливо извинился вслед. Я захлопнул дверь, прижался лбом к безукоризненно чистому зеркалу. Нужник благоухал розами. В настенном экране шли мультики, как и сто лет назад глуповатый кот гонялся за хитроумным мышонком. Все надежно и незыблемо.

Подняв фотографию, я всмотрелся в светловолосого мальчика.

Прости, малыш. Ты не смог стать мной. Ты превратился в часть Земли. А я стал тобой. Взял твое имя и судьбу. Вырос, считая себя Петей Хрумовым, внуком «известного политолога и публициста».

Что мы думаем о Сильных, воспитывающих из не принадлежащего им человечества космических извозчиков?

Что мы подумаем о человеке, взявшем на воспитание ребенка с единственной целью – вырастить спасителя человечества?

Я ведь не очень-то и похож на него. Только цветом волос. Даже глаза у него темные, а не голубые. Так просто было думать, что я повзрослел и изменился.

Не оставлять за спиной ничего?

Так мне и нечего оставлять, дедушка… простите, Андрей Хрумов. Мне нечего оставлять. Я один в этом мире. Мне ничего не принадлежит. Даже любви и дружбы я избежал – ведь это сковало бы меня. Вы воспитали меня великолепно, Андрей Валентинович.

Нобелевская премия ваша по праву.

Склонившись над унитазом – подкрашенная багровым ароматизатором лужица воды казалась кровью, – я закашлялся. Меня начало подташнивать, что-то кислое и мерзкое рвалось наружу. Я попытался задавить рвоту, но стало только хуже. Меня вывернуло наизнанку, вырвало непереваренным завтраком и французским вином, я оперся руками о вогнутую стену, за которой ревел рассекаемый лайнером воздух, и простоял минуту, пошатываясь. В ногах была слабость, во рту горечь.

Газетной вырезки как раз хватило, чтобы вытереть пальцы. Фотографию я порвал на мелкие клочки и бросил в унитаз.

Не оставляй ничего позади…

Припав к крану, я прополоскал рот теплой, пахнущей дезинфекцией водой. Она казалась приторно сладкой. Как любовь деда – для бесхозного сиротки, взятого вместо погибшего внука.

Вы долго выбирали меня, Андрей Валентинович? Здорового и умного? Податливого к воспитанию? Не отягощенного дурной наследственностью? Того, кто воплотит мечты о величии человечества?

Но ведь и отбракованный материал зря не пропал. Дед и за умненькой девочкой Машей приглядывал. И не только за ней, вероятно. Сколько вас, несостоявшихся Петров Хрумовых, выросших под заботливым присмотром Фонда Хрумова, получивших образование, работу и веру в великое будущее человечества?

Я просто самый удачливый. У меня была иллюзия семьи.

Зато иллюзию свободы имели мы все.

Глава 3

От Хабаровска до Свободного мы летели в вертолете Роскосмоса. Данилов поглядывал на меня, но молчал. Лишь на подлете, когда вертолет пошел на снижение, полковник склонился ко мне и сказал:

– Извини, Петя. Разбередил я тебе душу…

Он и впрямь решил, что случайным напоминанием о родителях испортил мне настроение? Какая ерунда. Это не мои родители падали навстречу холодной тайге. Это не мою плоть и кровь разметало по сопкам.

Я – никто.

Зомби, гомункулус, подкидыш. Отброс общества, вытянувший счастливый билет, чтобы когда-нибудь этому обществу послужить.

Я верил в любовь и дружбу, в бескорыстие и преданность. Любовь сменилась расчетом, дружба – деловыми отношениями, бескорыстие обернулось удачным вложением капитала, преданность – просто предательством.

– Надоело быть хорошим мальчиком… – прошептал я.

– Что? – Данилов, наверное, подумал, что не расслышал.

– Надоело быть хорошим мальчиком! – крикнул я. Голос тонул в рокоте винтов, но теперь полковник понял. Пожал плечами и отвернулся.

Пускай.

Считай меня истериком, ты, сотрудник ФСБ, совладелец «Трансаэро», бывший военнопленный, лучший пилот компании! Тебе не осознать того, что я понял при одном взгляде на твою старую фотографию. Тебя сломали давным-давно, погнав на войну, приговорив к смерти, выкупив из плена за два эшелона с мазутом. Ты уже не умеешь ломаться сам, любой удар придется по старому надлому.

А я пока – умею.

Надоело быть хорошим мальчиком.

…Номер, который мне отвели в гостинице, был куда лучше, чем обычно. Конечно, я ведь теперь не рядовой смертник, шныряющий по Вселенной на древнем корабле. Я в экипаже Данилова.

Швырнув «дипломат» на кровать, я плюхнулся в кресло. Едва занимался бледный рассвет, но и в коридорах, и в парке перед гостиницей было шумно. Космодром не спит никогда. Рейсы, рейсы – дырявя озоновый слой, отравляя воздух и землю, безвозвратно теряя бесчувственный металл и наивных пилотов. За кусок инопланетного дерьма, за тарелку чечевичной похлебки, за небо, в котором нет кораблей Сильных. А за что буду умирать я?

За себя.

А что еще стоит жизни – кроме самой жизни?

Я нашарил на столе телевизионный пультик. Хотел было включить и передумал. Что мне продемонстрируют – посадку «Спирали», рокочущий бас Президента, чудесный штопор? В штопоре и то больше смысла. Им можно открыть целых двадцать бутылок за одну минуту.

В дверь постучали.

– Да! – крикнул я.

Вошел Данилов, а следом – улыбающийся скуластый парень в тренировочном костюме.

– Ну, экипаж, знакомься! – громогласно объявил Данилов.

Джамп-навигатор пожал мне руку:

– Ринат.

– Петр, – сказал я. – Лучше без отчества.

Данилов потер переносицу.

Турусов оказался совсем молодым. Будь он летчиком, учился бы на курс-другой старше меня. Но джамп-навигаторов готовит Бауманка.

– Ох намучаешься ты с этим командиром, – усаживаясь рядом, сказал Ринат. – Изверг! Не дал доспать, из постели вытащил!

– Я бы и сам сейчас поспал, – согласился я. – Медосмотр в двенадцать?

– Угу. – Ринат, не вставая, дотянулся до холодильника, открыл, вздохнул: – И у тебя все пиво убрали, сволочи…

– Какое пиво! – возмутился Данилов. – Кросс, сауна, бассейн. И без никаких!

Ринат сморщился.

– Пошли-пошли, – поторопил его полковник. – Блин, да раньше тебя не только в космос, тебя в атмосферный полет бы не выпустили!

Турусов вздохнул:

– Петр, ты пойдешь?

– Нет, посплю.

– Хорошо, разрешаю, – согласился Данилов. – Не умеет человек спать в самолетах, Ринат. Устал. А мы побегаем.

– Черт побери… – вздохнул Ринат, вставая.

Я едва удержался от совета приберечь восклицание на потом. Запер за ними дверь, не раздеваясь лег на кровать.

Надо быть в форме. Надо выспаться. Данилов зря на меня возвел поклеп, я могу спать в любой позе и при любом шуме.

Мне только хочется знать, что где-то рядом теплится свет.

Звонок телефона разбудил меня через час. Я знал, кто звонит, и знал, что услышу. Поэтому не спешил. Протер глаза, нашарил на тумбочке трубку.

– Да?

– Петя? – Голос Данилова был не просто тревожным – убитым. – Петя, у нас несчастье.

– Что случилось? – поглядывая в окно, спросил я. На корте перед гостиницей две девчонки играли в теннис. Судя по крепеньким, накачанным фигурам и коротким стрижкам, они были из какого-то женского экипажа. Может, нашего, может, французского, те часто стартуют отсюда.

– Ринат… ухитрился на кроссе упасть… сломал ногу.

Интересно, этому учат в ФСБ или Данилов просто разносторонняя личность? Все-таки сломать человеку ногу, да еще так, чтобы тот не понял, чья в этом вина, – задача не из легких.

– Ужасно, – сказал я. – Просто кошмарно. Как он себя чувствует?

– Мы в госпитале. Вот, врачи смотрят… говорят, вколоченный перелом какой-то… – Данилов выматерился. Глухо, в сторону, сказал: – Что же ты так, Ринат…

Одна девчонка пропустила подачу. Раздраженно взмахнула ракеткой. Мне было ее жалко, играла она здорово.

– Рейс отменяют? – спросил я.

– Не знаю. Очень срочный фрахт. – Данилов вздохнул. – И все экипажи в разгоне, джамп-навигаторов нет… Петя, подходи сейчас к начальнику космопорта. Будем решать.

В трубке забикало, я опустил ее на рычаг.

Тебе повезло, джамп-навигатор. Перелом, пусть даже вколоченный, – куда меньшая беда, чем остаться под дюзами стартующей «Энергии».

Никакой охраны у кабинета Киселева сейчас не было. Секретарша, женщина средних лет, прижимая плечом к уху телефонную трубку, молча кивнула на дверь. Я постучался и вошел.

Данилов, опустив голову, сидел перед генералом. Тот стоял, опираясь руками о стол, нависая над полковником, как мужское воплощение Немезиды. Раздраженно глянул на меня, кивнул на стул и продолжил разнос:

– Умом ты тронулся, а? Что за молодецкие забавы? До старта – пятнадцать часов, а вы… слалом какой-то затеяли!

Название ни в чем не повинного вида спорта прозвучало у Киселева как грязное ругательство. Целое искусство, что ни говори.

– Ты в курсе, Петр? – поинтересовался генерал, дав Данилову секундную передышку.

– Джамп-навигатор, товарищ генерал?

– Да. Устроили, понимаешь, бег с препятствиями. М-марафонцы… мать вашу!

Киселев был в расстегнутом кителе, в руках мял свою генеральскую фуражку. Не верилось, что этот слуга царю и отец солдатам два дня назад скакал по банкетному залу, демонстрируя американцам исконно русский танец лезгинку, пил на брудершафт и рассказывал скабрезные анекдоты. Нет, наверное, то был совсем другой человек…

– Где я возьму вам навигатора? – продолжал генерал. – Из Москвы вызову? Спецрейс, отзыв из отпуска, докладная наверх? А если не успеют найти? Стартовое окно у вас – полчаса! Окислитель уже залит! СКОБа оповещена о времени старта!

– Товарищ генерал… на «Волхве» – стандартное джамп- оборудование?

– Оборудование? Данилов!

– Стандартное… – не поднимая глаз, ответил полковник. – Третья серия…

– У меня ведь двойное образование, товарищ генерал, – сказал я. – Пилот и джамп-навигатор. Имею право на расчет прыжков для кораблей среднего и большого тоннажа.

Генерал замолчал. Мы с Даниловым ждали.

– Пилоты есть свободные? – поинтересовался Киселев и потянулся к селектору.

У меня екнуло сердце. Что нам не добавят навигатора, мы убедились. А вот насчет пилотов…

– Нет, – тихо сказал Данилов. – Только экипаж Владимирского. Но у них старт через три часа.

– Куда ни кинь… – выдохнул генерал. – Что делать, а? Данилов? Ты недоглядел – ты и выпутывайся!

– Мы можем слетать вдвоем, – предложил я. Данилов явно решил уступить мне инициативу. И правильно сделал – начальник космодрома был достаточно зол, чтобы отвергнуть любое его предложение.

– Вдвоем? Слетать? – с иронией уточнил генерал. – Куда, майор? В магазин за пивом?

– Товарищ генерал, для кораблей серии «Буран» допускаются старты с уменьшенным экипажем.

– Ты же вообще не летал на «Буранах»!

– Летал. Два тренировочных полета. Один орбитальный, другой – к Проксиме Центавра.

– Герои, – с горечью сказал генерал. Опустился в кресло, потер лоб. – Вначале – разгильдяйство, потом – героизм. Нельзя же так жить, ребята…

Он вдруг стал еще каким-то третьим генералом Киселевым. Пожалуй, штатским генералом.

– А если что случится, ребята?

– Если уж случится, – вступил в разговор Данилов, – так третий член экипажа нас не спасет.

Начальник космодрома молчал. Разминал лицо, словно пытался вытащить на свет хоть какую-то свежую мысль.

– Всю ответственность я беру на себя, – сказал Данилов.

– Это уж не сомневайся! – рявкнул Киселев. И я понял, что первая часть авантюры удалась.

Наш экипаж будет состоять из двух человек. Вот как Данилов собирается протащить де… Хрумова, Машу и счетчика – не знаю.

– Твой дед приезжает, – неожиданно сказал генерал.

– Не может быть, – искренне удивился я.

– Может. Звонил мне твой старик… – Генерал поднял голову. – Я с ним чуть-чуть знаком.

Он даже заговорщицки подмигнул. Генерал, какой же ты наивный! Андрей Валентинович знаком со всеми, кто может ему пригодиться!

– Хочет посмотреть на старт, – продолжал Киселев. – Переволновался он, да?

– Конечно.

– Не хочется его огорчать. Правильный мужик твой дед… – Генерал хмыкнул. Щелкнул кнопкой селектора: – Галина, какие новости?

Я не расслышал слов секретарши, уловил лишь тон. Безрадостный.

– Петр – великолепный джамп-навигатор. И прирожденный пилот, – сказал Данилов. – Он вполне это доказал…

– Доказывать сегодня придется, – мрачно сказал Киселев. – Петя, хочешь слетать за своим… – Генерал замолчал, махнул рукой. – Нет уж. Хватит. Не дай бог, еще что-нибудь произойдет. Хватит травматологам работу искать. С территории – ни ногой!

В госпиталь к Турусову мы отправились вместе с Даниловым. Навигатора только что привезли с рентгена. Он возился на койке, неумело пытаясь обустроить постель. Вид у него был как у любого здорового, никогда не валявшегося в больнице человека, внезапно прикованного к кровати.

– Как ты, Ринат? – сочувственно спросил Данилов.

– Ничего… – Голос навигатора стал слегка тягучим, заторможенным. Видимо, его обкололи наркотиками. На Данилова он смотрел очень странно… с каким-то детским удивлением.

Еще бы. Умом-то он понимал, что его неудачное падение с откоса не было случайностью. Но сердцем этого принять не мог.

– Я уже все обсудил, – дружелюбно сказал Данилов, присаживаясь на край кровати. – Решено, что у тебя производственная травма. Полные выплаты, со всеми премиями и надбавками, лечение, отпуск за счет компании. А через пару месяцев – вернешься в строй!

Мне этот прогноз показался слишком оптимистичным, но я смолчал.

– Как полет? – спросил Турусов. Осторожно коснулся затянутой в пластиковый лубок ноги и поморщился.

– Все в порядке. Мы слетаем с Петей. У него ведь есть навигационный допуск.

– Незнакомая трасса… – Турусов покачал головой. – Я, конечно, подготовил пару траекторий…

– Нет свободных навигаторов, – вздохнул Данилов. – Что поделать.

– Ты справишься? – спросил Ринат.

– Думаю, да, – осторожно ответил я.

Турусов скривился. Ему, как любому профессионалу, тяжело было представить другого на своем месте.

– Мои расчеты в основном траекторном боксе, – неохотно сказал он. – Обозначены как «Джел-17 – 1» и «Джел-17 – 2». Первая траектория более удобна, всего шесть джампов. Вторая – из восьми, но зато с заходами в системы пыльников, хиксоидов и непроизносимых. Можно попросить помощи… если что. Лучше идите по второму курсу.

Конечно, он мне не доверял. Не верил, что я справлюсь с новым курсом без проблем. Может, Ринат и был прав, только ведь не на Джел-17 мы полетим. И не я буду рассчитывать траектории.

– Все будет в порядке, – пообещал я.

В палату вошла сестра с наполненным шприцем в руках. Остановилась, молча и неодобрительно глядя на Данилова.

– Уходим, уходим. – Полковник торопливо поднялся. – Ринат, поправляйся!

Уже в дверях нас догнал вопрос навигатора:

– Сашка… зачем?

Данилов остановился, и я заметил, как напрягся его затылок.

– Ты о чем, Ринат?

Секунду Турусов выдерживал его взгляд, потом махнул рукой:

– Ерунда, Саша… бред всякий в голову лезет.

– Ты отдыхай, – посоветовал Данилов. – Тебе сейчас сон – лучшее лекарство.

Мы вышли в коридор. Александр мрачно посмотрел на меня.

– Сволочь ты, полковник, – сказал я.

У Данилова желваки заходили на скулах.

– Петя, я с Ринатом четыре года летаю…

– Вот и я о том.

Данилов развернулся и пошел по коридору.

В пять вечера я еще сидел в своем номере, глядя в окно. Только что стартовал «Пророк» – однотипный с «Волхвом» корабль полковника Василия Владимирского. Они шли в какую-то систему пыльников с грузом минералов. В общем-то перевозить руду – занятие абсолютно невыгодное по космическим понятиям. Но у расы, питающейся неорганикой, свои странности.

Возможно, серный колчедан, чугун и бокситы пойдут к императорскому столу. Или кто там правит у пыльников? Какой-нибудь Великий Червь…

Обратно, как я понял, «Пророк» тоже повезет минералы. Судя по тому, что уже сейчас, за трое суток до предполагаемого возвращения корабля, в Свободный прибыли часть внутренних войск и два огромных бронированных фургона для транспортировки груза, – это будет что-нибудь очень тяжелое.

Золото, платина или плутоний…

Странная вещь межзвездная торговля. Для нас она больше похожа на заурядный обмен. Мы хиксоидам птичек или картинки, они нам – кортризон или активный пластик, из килограмма которого можно вылепить небольшой, но прочный домик. Как сговоришься, так и заработаешь. И все опутано цепями ограничений, прецедентов, законов и подзаконных актов торгующих рас, установленных Конклавом правил. Технологию, например, нам практически не продают. Это не то чтобы невозможно… маловероятно. Есть еще такая гадость, как Закон о Неправомерном Использовании. Работает он только в отношении более молодой расы, то есть – нас. И больше всего похож на тонкое издевательство.

Однажды, на самой заре торговли, пыльники продали Земле мономолекулярные нити. Семь тонн нитей, способных рассекать гранит и титан, выдерживающих огромные нагрузки. Это мог быть немыслимый переворот во всех областях производства. А семь тонн почти невесомых, более тонких, чем паутина, нитей – это очень много. Хватило бы всей планете на долгие годы. Обработка металлов, горное дело, строительство… к сожалению, даже оружие. Всплыли безумные проекты орбитальных лифтов…

А потом оказалось, что пыльники используют мономолекулярную нить только в том жизненном процессе, наиболее близким аналогом которого являются роды. И мы можем применять нити лишь для той же цели.

Были скандалы, отставки, просьбы к Сильным… Потом магнитные контейнеры, в которых хранились нити, поместили на охраняемый склад. До лучших времен. Возникли академии Межзвездной Торговли, где люди начали учиться обходить торговые ловушки. Иногда это удается, вот как с кортризоном, которым «украшен» даниловский «Волхв». Чаще – нет.

Третий старт, откуда ушел в космос «Пророк», почти в десяти километрах от гостиницы. И все же грохот стоял изрядный. Подрагивали стекла в дюралевых рамах, огненная струя, на которой балансировал челнок, ползла вверх. Неторопливо и мощно. Впечатляющее зрелище.

Но только я бы предпочел тихий и спокойный старт в гравитационном луче.

– Удачи, ребята, – сказал я вслед челноку.

Хочется надеяться, что на этот раз нас не обжулят. И доставленные на Землю плутоний-бериллий-платину можно будет использовать не только в гастрономических целях.

Хлопнула дверь, я обернулся. В номер вошел Данилов.

– Я стучал, – сообщил он, подходя ко мне. Глянул в окно, прищурился, разглядывая исчезающий в небе корабль. – Удачи, Вася…

Я молчал.

– Не злись, Петр. – Данилов опустил руку мне на плечо. – Хватит дуться. Я не злодей, а ты не святой. Ну?

Когда я кивнул, Данилов расслабился:

– Ну и здорово. Там твой дед прибыл, с какой-то девушкой. – Он едва заметно подмигнул: – И с кучей баулов. Не любит он путешествовать налегке?

– Не знаю. Мы вместе не путешествовали.

– Андрей Валентинович сейчас у Киселева. Кофе пьют. А нам пора к эскулапам. Двинулись?

И впрямь пора было на последний предстартовый медосмотр.

Лет тридцать назад мы бы не разгуливали перед стартом так вольно. Был бы и карантин, чтобы не подцепить перед полетом какую-нибудь заразу. И строгий контроль медиков, и непрерывные инструктажи и тренировки. Но все меняется. Сейчас космос – на потоке. Сейчас мы прилетаем на космодром в день отлета, и нет у нас никаких дублеров. Пятнадцать – двадцать пилотируемых стартов в день только с российских космодромов! Американцы делают чуть больше, европейский космический консорциум – чуть меньше. А еще японские, китайские, южноамериканские и африканские компании. Двадцать космодромов, еще столько же строится. Сотни кораблей. И еще больше – на стапелях. Подчистую выметены все старые разработки, «Спирали» и «Гермесы», проектируются новые, сверхтяжелые носители и корабли. Космонавтов просто не хватает, летчиков переучивают для космических полетов в течение шести – восьми месяцев. Поток!

А что делать, слишком велика естественная убыль… Исчезают в космосе, бьются при посадках, взрываются на стартах корабли. А в них – мои коллеги. Знакомые и незнакомые.

Все наши вольности – как последняя рюмка и сигарета для приговоренного к расстрелу…

Осмотр был быстрым, даже слегка халтурным. Меня за последние два дня осматривали так много, что врачи сделали маленькое послабление. А вот Данилову досталось. Он очень

долго просидел в кабинете гастроэнтеролога. Вышел злой, хоть и с зеленым штампом в медицинской карте.

Не знаю, что уж там у него нашли, признаки гастрита или легкий геморрой, но выглянувший следом врач сказал:

– И соблюдайте все назначения!

– Непременно, – бросил полковник через плечо.

До старта оставалось два часа.

Когда мы оделись и вышли от врачей, я спросил Данилова:

– А когда ты…

Полковник глянул на меня, и вопрос повис в воздухе.

– Идем к Киселеву.

К административному корпусу мы подошли минут через пять. Секретарши в приемной не было, зато опять появились охранники. Это что, традиция такая – ужесточать режим к ночи?

При виде Данилова сержанты молча отступили от двери. Данилов порывисто распахнул первую дверь и лишь в тамбуре перед второй умерил резкость движений.

– Товарищ генерал-лейтенант…

– О, Саша! – послышался знакомый голос.

Я перевел дыхание и вслед за Даниловым вошел в кабинет Киселева.

Андрей Хрумов был в отглаженном костюме, только на этот раз – дорогом и модном, из «шерстяного хлопка». И галстучек у него был из полупрозрачной ароматизированной ткани с Даэнло – я возил однажды такую, ее разгружали под присмотром двух десятков солдат и агентов ФСБ. Не знаю, уж зачем ему понадобился весь этот выпендреж?

– Ну как, берешь Петю в напарники? – обнимаясь с Даниловым, спросил Андрей Валентинович. Потом протянул мне руку: – Здравствуй, внук!

– Привет. Как долетели? – спросил я.

В глазах старика что-то неуловимо изменилось.

– Нормально, Петя, нормально…

Маша сидела чуть в сторонке. В белом брючном костюме, с тщательно уложенными волосами, она казалась даже симпатичной. Мы вежливо кивнули друг другу. Киселев как раз с улыбкой подливал девушке кофе. Пожилой, неуклюже-галантный вояка… Мне было его очень жалко. Через пару часов он станет бывшим начальником космодрома Свободный.

– Что же ты желудок не щадишь, Саша? – укоризненно спросил Киселев. – Вернешься, ляжешь на полное обследование…

– Уже сообщили, товарищ генерал?

– Должность у меня такая, знать все. – Киселев добродушно засмеялся. Я отвел глаза. – Ну что, пора вам…

– Пора, – согласился Данилов и даже сделал движение к выходу. Замялся и спросил: – Андрей Валентинович, откуда за стартом будете наблюдать?

– Да отсюда и посмотрим, – не отводя от меня взгляда, произнес старик.

– Товарищ генерал, может быть, доставить Андрея Валентиновича к третьему бункеру? Пусть глянет с поля?

– А? Андрей? Оглохнуть не боишься? – спросил Киселев.

– Ась? – переспросил Хрумов.

Генерал засмеялся:

– Хорошо, давайте… Машенька, а ты как?

– Я с Андреем Валентиновичем, – смущенно сказала девушка. Мне вдруг показалось, что для Киселева разыграли маленький спектакль «седина в бороду, бес в ребро…». Впрочем… спектакль ли это?

– Я распоряжусь? – спросил Данилов.

Может быть, и Киселев что-то почувствовал. Он ответил не сразу, но все же – согласием.

– Хорошо, Саша. Проводи гостей. И сами – в автобус.

Нехорошо мы шли к гаражу. Молча. Андрей Валентинович посматривал на меня, словно пытался понять, что произошло с внуком за неполные сутки. Данилов, явно чувствуя напряжение, молчал. Только Маша ни на что не обращала внимания. Она перла две здоровенные сумки, решительно отказавшись от нашей помощи. Я готов был поспорить на все звездолеты в Галактике, что содержимое одной сумки мне известно прекрасно. Да и о другой догадывался.

Здание гаража для служебного транспорта на космодроме огромное, не меньше, чем ЦУП или административные корпуса. Там и тягачи, вытаскивающие ракеты-носители на старт, и машины помельче. У входа, конечно, была охрана, и тут нас ждали первые проблемы.

О допуске двух штатских Киселев явно распорядился, а вот Машины сумки вызвали у майора-охранника нездоровый интерес.

– Можно? – Он потянулся к баулам.

Данилов, уже прошедший мимо поста, остановился:

– Какие-то проблемы, майор?

Мне показалось, что Александр рассчитывал увидеть на посту совсем другого человека. Вот это вляпались!

– Положено досмотреть вещи, – примирительно сказал тот.

– Некогда.

– Товарищ полковник… – извиняющимся тоном начал командир поста. – Вы ведь в курсе правил…

– Времени нет, – равнодушно отпарировал Данилов. – Идемте, Маша…

– Товарищ полковник! – В голосе майора вдруг прорезался металл. – Простите, но устав…

– Хорошо! – неожиданно согласился Данилов. – Валяй, парень. Ройся. Ты что, думаешь, гости космодрома решили его взорвать? Как американских сенаторов на экскурсию выводить, так стелетесь…

В голосе его было раздражение, но майора это не прошибло. За спиной у него, в застекленной загородке, сидели трое солдат с автоматами, и я с ужасом представил, что сейчас может произойти.

– Вы уж извините… – Майор забрал у Маши сумки. – Ого!

Он смерил ее уважительным взглядом.

– Оставили бы вещички в гостинице, – с трудом водружая сумки на обшарпанный стол, сказал майор. – И никаких проблем. А так… должен быть порядок. Не на кондитерскую же фабрику идете!

Командир поста явно гордился своей принципиальностью. Вряд ли он всерьез ожидал увидеть в сумках что-то подозрительное и незаконное, но вот случая осадить Данилова не упустил…

– А то оставьте сумки у нас. Тоже не положено, но ладно уж…

Не дождавшись ответа, он стал расстегивать «молнию» на одной из сумок.

Интересно, счетчик в ней или оружие?

Наверху сумки обнаружились свитер и легкая куртка. Пожав плечами, майор стал раздвигать одежду.

Из вороха тряпок скользнула маленькая серая лапка и нежно коснулась руки майора. Тот замер.

– Здесь телекамера и кассеты. Гости хотят заснять старт, – сказал Данилов.

…А мой бывший дед даже не смотрел на происходящее. Разглядывал коридор, плакаты на стенах, солдат за перегородкой. Ему, похоже, было по-настоящему интересно на космодроме.

И когда они обговорили такой вариант проникновения?

– Гости хотят заснять старт… – повторил майор. Глаза у него стали сонные и дурные. Руки безвольно лежали поверх шмоток.

– Сумку-то закройте, майор, – бросил Данилов.

Командир поста послушно застегнул сумку, потянулся ко второй. Я думал, что Данилов просто прикажет ему не досматривать ее, но ошибся.

– Открой, Маша, – попросил полковник.

Эта сумка была закрыта на цифровой замочек. Маша сама раскрыла ее перед майором. Тот равнодушно скользнул взглядом по железкам крайне подозрительного вида, которыми сумка была набита доверху, и вопросительно посмотрел на Данилова.

– Все в порядке, вы убедились, – сказал полковник.

– Да, – легко согласился майор. – Закрывайте. Удачного полета. Хорошей съемки.

Что бы ни сделал с ним счетчик, но майор явно потихоньку отходил от шока. Может быть, он даже вспомнит, что на самом деле лежало в сумках… со временем.

Сделав какие-то отметки в журнале, майор набрал код на внутренней двери. И мы вошли в гараж. Огромное, тускло освещенное помещение напоминало крытый железнодорожный вокзал. Несколько длинных многоколесных тягачей, размерами превышающих локомотив, усиливали это впечатление. Один из этих монстров как раз с грохотом выезжал на поле космодрома. Воняло выхлопными газами, никакая вентиляция не справлялась.

Здесь тоже был пост, но способности счетчика на этот раз не понадобились. Данилов просто пожал руку начальнику охраны, они обменялись какими-то шутками, и нас пропустили. Я сразу увидел маленький автобус, в котором нас должны были доставить к старту. Но Данилов, помахав рукой группке людей у автобуса, повел нас в сторону, к старенькой «волге» с надписью «Специальная» на дверцах. У машины стоял незнакомый мне человек в штатском.

– Как договорились, – здороваясь с ним, сказал Данилов.

– Я прошу письменного распоряжения, товарищ пол- ковник.

Это явно был кто-то из службы безопасности. Обязанный подчиняться Данилову и сейчас не испытывающий от этой необходимости восторга.

– Конечно.

Данилов достал и вручил ему лист бумаги. Я успел заметить жирную шапку: «Для служебного пользования. Совершенно секретно».

Водитель внимательно прочитал приказ.

– Выполняйте, – сказал Данилов.

– Есть, товарищ полковник, – без энтузиазма ответил водитель.

Я помог Маше поместить сумки на заднее сиденье и забраться самой. Мой бывший дед уселся рядом с водителем, прежде чем закрыть дверцу, помедлил и спросил:

– Петр, что с тобой?

Я промолчал. Не время.

«Волга» отъехала сразу, Андрей Хрумов косился на меня через стекло, но я даже не помахал ему вслед. Рука не поднялась.

– Ребята, живее! – крикнули нам от автобуса. – Пять минут как выехать должны!

Уже темнело, и водитель включил фары. Мы то проносились через освещенные прожекторами участки, то ныряли в темноту.

Машин на поле было довольно много. В основном они съезжались к третьему старту, откуда ушел «Пророк». Там еще было дымно и жарко, но у ремонтников есть лишь сутки на проверку сооружений и подготовку к новому запуску.

Мы объехали третий старт по дуге, промчались мимо второго – там уже высился «Русский меч», корабль, который стартует завтра. Впереди оставался первый старт с готовым к взлету «Волхвом». Исполинская «Энергия», единственный носитель, способный выводить корабли такого класса на орбиту, стояла в облаке тумана. Ледяная корка на ускорителях поблескивала в свете прожекторов.

– Красив? – спросил Данилов.

Он не ждал ответа, и я просто кивнул.

Неправильная это красота все-таки. Она была хороша в двадцатом веке. Такие корабли должны были помочь человечеству покорить Солнечную систему. Построить базы на Луне и поселения на Марсе, достичь Венеры и Меркурия. Потом должны были родиться ионные и атомные двигатели, всякая экзотика вроде лазерных разгонников, солнечных парусов и фотонных звездолетов… И лишь потом, когда человечество освоилось бы в своей системе, нам следовало придумать джамп.

Но разве виноваты те молодые ученые МГУ, что на копейки, выделяемые нищим государством, они соорудили модель джампера? Сейчас хорошим тоном считается издеваться над «русскими приоритетами». Но ведь джампер придумали в России! Да, потом вся команда ученых эмигрировала в Штаты. Их купили, просто и незатейливо. Америка привыкла покупать то, что не способна создать сама. И первым кораблем с джампером был американский «Энтерпрайз». И все-таки в моей стране опередили время – на десятки, может быть – на сотни лет.

Невозможно, немыслимо. Кроманьонцы научились делать «роллс-ройсы» и охотятся из них на мамонтов.

Если бы в мире была хоть какая-то справедливость! Если бы Конклав был похож на Лиги Свободных Звезд, Галактические Альянсы, Великое Кольцо – на любое из щедро придуманных писателями космических сообществ. Мы подарили бы Чужим джамп – немыслимой щедрости подарок… И получили бы гравитационные двигатели, контроль климата, универсальные вакцины, биокомпьютеры…

Но справедливости нет. Сжимая копье с каменным наконечником, мы высовываемся из окон лимузина, зорко всматриваемся в улепетывающего мамонта – и гордимся собой.

А что нам еще остается?

Автобус остановился метрах в пятидесяти от стартовых ферм. Заглушил двигатель. Я вздохнул, поднимаясь, подхватил свой «дипломат». Данилов подмигнул мне и пошел к выходу.

– Ребята, быстрее! – Старший в команде, доставлявшей нас к старту, был явно новичком. Близость к дымящейся, накачанной жидкими кислородом и водородом ракете его нервировала. Да, наверное, это страшно. Когда год назад на старте взорвался «Георгий Победоносец», выжгло все на два километра окрест.

Страх перед техникой проходит лишь тогда, когда начинаешь повелевать ею. Когда под руками – пульт управления и каждый градус в соплах, каждая атмосфера в трубопроводах отражаются на экранах. Мы, люди, странные. Мы создаем устройства, которые не способны понять. Кстати, это признак Сильной расы…

В автобусе было человек пятнадцать. Кто-то официально – например, врачи, охранники и техники, – а кто-то просто решил прокатиться по космодрому. Но все считали своим долгом хлопнуть нас с Даниловым по спине. Пожелать удачи.

Уже когда мы стояли на закопченном, растрескавшемся бетоне, старший отправляющей команды вручил Данилову ключ управления. Полковник молча принял гнутую металлическую пластину, расписался в журнале, принимая командование над кораблем.

– Удачи вам, – сказал старший.

– Спасибо. – Данилов задрал голову, оглядывая ракету. – Ну, Петя?

– Идем.

Несколько человек проводили нас до лифта. Мы вошли в просторную решетчатую кабину, закрыли дверь. Старший отправляющих торжественно нажал на кнопку.

Лифт пошел вверх.

Почему-то я предполагал, что дед с Машей будут ждать нас в лифте. Но раз их нет, значит, они уже в челноке?

– Нервничаешь? – спросил Данилов.

– А ты?

– Конечно.

Я машинально оперся о стальную решетку лифта и сразу же торопливо убрал руку. От титанового тела «Энергии» шел холод. Пробирал до костей, примораживал кожу к металлу. Я к такому не привык, старина «Протон», который выводит в космос «Спираль», до сих пор летает на азотном тетраоксиде и несимметричном диметилгидразине. Отрава, конечно, редкостная…

– Если Карел врет… – сказал я.

– Зачем?

– Откуда нам знать Чужих?

– Выгода – это основной стимул разумной жизни, – сухо сказал Данилов. Поежился, застегнул куртку. Лифт прополз только полпути, а космодром уже был как на ладони. Поскрипывал металл ферм, хрустели, осыпаясь с боков «Энергии», ледышки. – Счетчику невыгодно врать.

– А я-то полагал, что основным стимулом для разума является любовь, – ответил я. – К людям, к дому, к знаниям. К чему угодно.

– Это одно и то же, Петя. Нашим бедным усталым мозгам выгодно верить, что мы любим и любимы. Мать любит сына, родина любит гражданина, подруга любит тебя. А на самом деле… – Данилов плюнул сквозь решетку, усмехнулся, – это либо инстинкты, либо расчет. Обычно – смесь того и другого. Мы ведь понимаем на самом деле, что наша ценность определяется лишь способностью работать. Приносить пользу окружающим, обществу. И то, что вечно так продолжаться не может, тоже понимаем. Вот и страхуемся… любовью. От старости, от болезней, от тоски… Если бы Карел распинался в любви к человечеству, я бы взял его за шкирку и лично отнес в СКОБу. Но ему до нас нет дела. Просто стало выгодно счетчикам и людям на время объединиться.

– Циник ты, Саша.

– Не слышу в твоем голосе осуждения.

Данилов покосился вверх, потом вздохнул и начал расстегивать брюки.

– Не думай, что я спятил, – сообщил он. – У каждого свой бзик на приметы…

– Помочиться на ракету-носитель – хорошая примета?

– Для меня – да.

– Смотри простынешь, – сдерживая смех, сказал я.

– Что смешного? – мрачно спросил Данилов, застегиваясь.

– Да нет, ничего… просто знали бы пилоты, в чем причина твоей удачливости.

– Владимирский, например, кидает с лифта пятикопеечные монетки, – сказал Данилов. – А Киселев, когда летал, закапывал перед стартом в нос нафтизин. У тебя самого, что, нет примет?

Я подумал секунду, потом признался:

– Есть. Талисман. Это ведь тоже примета. Извини, Саша, я зря смеялся.

Лифт с грохотом остановился. Данилов повернул защелку, и мы вышли на верхнюю площадку стартовой фермы.

Здесь нас и ждали.

Андрей Валентинович и Маша лежали на железном полу, явно перестраховываясь, чтобы их не увидели с поля. У Маши в руках, конечно же, было оружие. На этот раз не парализатор, а что-то очень внушительное, с толстым стволом и цилиндрическим прикладом. Рядом стояли сумки.

Тоже мне партизаны.

– Простудитесь, Андрей Валентинович, – озабоченно сказал Данилов. Подошел к люку, ведущему в шлюз «Волхва», торопливо повернул утопленный в корпус штурвальчик. – Зашли бы, здесь же нет замков!

– Мало ли что, – вставая на четвереньки, сказала Маша. – Включился бы какой-то датчик…

Данилов первым нырнул в люк, я помог Маше и пригибающемуся Хрумову забраться внутрь, подал сумки. Бросил последний взгляд на космодром.

Странно. Ожидал угрызений совести или наоборот – уверенности в своей правоте.

А в душе – ничего. Пустота.

Глава 4

«Буран» сконструирован так, что нормальное положение «пола» и «потолка» в нем достигается лишь при посадке. Сейчас, на старте, когда оседлавший «Энергию» корабль смотрел носом вверх, размещаться в нем было трудновато. Мы с Даниловым помогли Хрумову и Маше устроиться в креслах джамп-навигатора и бортинженера на нижней «палубе». Потребовалось минут пять, чтобы перевести кресла в стартовое положение. Счетчик, выбравшийся из сумки, наверное, предпочел бы вновь устроиться на джампере. Но «Буран» – это не крошечная «Спираль». На «Волхве» джампер был установлен в агрегатном отсеке. В конце концов счетчик занял кресло космонавта-исследователя, которое почти всегда остается свободным. Мы ведь не изучаем космос. Мы возим по нему грузы.

Все происходило в абсолютном молчании. В общем-то скрытых микрофонов в кабине нет, но мы, не сговариваясь, решили подстраховаться. Не дай бог, ЦУП поймет, что в челноке не два человека…

– Второй пилот, займите свое место, – приказал Данилов, первым вскарабкавшийся к своему креслу. Я уселся – точнее, прилег – в свое, нацепил шлемофон, подключил разъем комбинезона к кабелю телеметрии, покосился вниз.

Хрумов успокаивающе закивал. Если бывший дед и встревожился из-за моего поведения, то сейчас естественный страх перед стартом лишил его всех иных переживаний. Маша лежала в кресле со спокойствием бывалого космонавта. Даже ноги положила на фиксаторы правильно. Белые брючины задрались, и я невольно наблюдал ее лодыжки. Один мой сокурсник всех женщин оценивал в первую очередь по ногам. Ну, Машины ноги ему бы понравились…

– Второй пилот готов, – сообщил я. Украдкой опустил руку в карман, достал игрушечного мышонка и быстро привязал его над пилотажным монитором. Может быть, и смешно верить в приметы…

Руки Данилова забегали по пульту. Ожили экраны компьютеров, зашуршали наушники.

– «Волхв» – Земле, – сказал Данилов. – Экипаж к старту готов. Начинаем тестирование корабля.

– Земля – «Волхву», – отозвались наушники. – Начальник смены Васильев на связи. Слышим вас хорошо. Телеметрия идет. Саша, волнуетесь?

– Нет.

– Пульс за сотню.

Данилов принужденно засмеялся:

– Дайте отдышаться, черти! До старта почти час, а вы гоните: «Живей, живей!»

– Хорошо, Саша. Передаю вас майору Гиллеру.

– «Волхв», начинаем предстартовый контроль! – бодро воскликнул мой знакомый.

– Здорово, Максим, – отозвался Данилов. – Веди контроль с Хрумовым. Ему полезно пообвыкнуть.

– Привет, – сказал я.

– Как самочувствие? – поинтересовался Гиллер. – У тебя телеметрия идет, словно ты дома перед телевизором.

– Наша постель – попона боевого коня, – ответил я. – Начинаем работу, Максим. Общий тест компьютерной сети…

Давно я не сидел в «Буране». Ну, полгода назад, на обязательных двухнедельных курсах разве что. Выполнил полный курс переподготовки для кораблей среднего и большого тоннажа…

– Тест прошел, Петя.

– Джамп-тест…

Мы возились минут сорок. Был мелкий сбой в системах возвращения разгонных блоков, но со второй попытки ЦУП его преодолел. Всегда так – отказывает какая-то мелочь, и приходится нервничать несколько минут, пока Земля задействует резервные цепи и даст разрешение на старт.

– Все в порядке, – наконец решил Максим. – Начинаем десятиминутный отсчет.

– Время пошло.

Я посмотрел вниз. Хрумов вроде бы успокоился. Маша, наоборот, стала ерзать в кресле. Счетчик казался изваянием.

Только бы ничего не отказало в последний момент! Только бы старт не перенесли!

– Трехминутная готовность, – сообщил Гиллер. – Отводим стрелу.

Корабль чуть вздрогнул – лифтовая стрела отошла.

– Беру управление, – сказал Данилов. – Петр, спасибо.

Ровно через три минуты «Волхв» вздрогнул. Донесся гул – даже не снизу, отовсюду.

– Есть отрыв, – раздался голос Гиллера.

Я заметил старт лишь по мелькнувшим на дисплее строчкам – стальные болты, которыми ракета-носитель крепится к стартовому столу, не выдержали тяги и разорвались. Мы летели.

Большие челноки стартуют мягче, чем «Протон», я уже успел подзабыть это…

– Десять секунд, полет нормальный, – сообщила Земля.

Перегрузки наваливались плавно, но неотвратимо Я скосил глаза вниз – вроде бы пассажиры держались нормально. В конце концов, если экстравагантные американские старички миллионеры позволяют себе «прогуляться» в космос, а то и к чужим звездам, почему бы не выдержать Андрею Валентиновичу…

– Разворот по вращению… – сказал Гиллер. Вот это мы, конечно, почувствовали. Корабль заваливался набок, ложась на азимут стрельбы.

– Отрабатываем тангаж, – подтвердил Данилов. От нас, конечно, ничего не зависит на старте. Земля решает, Земля управляет всей системой. Но как-то приятнее чувствовать себя не грузом, а пилотом.

На мгновение, пока корабль ложился на курс горизонтального разгона, началась тряска. Сейчас был самый трудный этап старта – челнок с ракетой-носителем «продирался» сквозь плотные слои атмосферы. Изменился гул двигателей – тяга была сброшена до шестидесяти семи процентов. Через двадцать секунд мы вернулись на рабочий режим – сто четыре процента мощности двигателей.

Так уж повелось, что именно сто четыре, а не сто…

В начале третьей минуты отошли ускорители. Я мысленно пожелал им удачной посадки – благополучно опустить их удавалось не всегда, даже в море.

При стартах с Байконура, приземляясь в степь, ускорители, как правило, гибнут. Слишком уж нежная конструкция – жидкостные баки. Американцам, с твердотопливными разгонниками, проще.

Осталось около пяти минут до отделения от основного блока «Энергии» и самостоятельного полета. Сейчас нас еще можно вернуть на Землю, повернуть и посадить на Свободный, или приземлить в Штатах, или даже вывести на низкую орбиту и дотащить до Байконура…

– «Волхв»… – Мне показалось, или голос Гиллера чуть изменился? – «Волхв», ответьте ЦУПу…

– Центр, я «Волхв», – отозвался Данилов. – Полет нормальный.

– «Волхв», доложите обстановку на борту.

– Центр, на борту все в порядке.

– Полковник Данилов… сколько человек на борту?

Началось?

Или пришел в себя начальник поста в гараже, или доложил о странном приказе – доставить старика и девушку к готовому к старту челноку – подчиненный Данилова.

Хорошо, что не пять минут назад.

Очень плохо, что не десятью минутами позже.

– Центр, вас не понял, – ответил Данилов.

– Саша… – Гиллер вдруг перешел с официального тона на человеческий. – Прошла информация, что на борту челнока могут находиться двое гражданских лиц.

– Максим, – в тон ему ответил Данилов, – нас в экипаже двое. Полет нормальный. Посторонних на борту нет.

Он слегка приподнялся в кресле и тяжело махнул рукой вниз. Подал кому-то знак…

– Полковник Данилов, на связи генерал Киселев…

Легкий щелчок – и я услышал голос генерала:

– Данилов, что происходит?

Я не отрывал глаз от пульта. Пока двигатели работали в режиме выведения на орбиту. Но в любую секунду Земля может прекратить полет.

– Товарищ генерал, все в порядке.

– Данилов, поступила информация, что к стартовому столу были доставлены Хрумов и Мария Клименко.

Наконец-то я узнал Машину фамилию…

– Товарищ генерал, полет выполняется по штатному расписанию. Хрумов и Клименко находятся в положенном месте, – сказал Данилов.

А он ведь ухитряется уклониться от прямой лжи!

– Данилов, мать твою! – заорал Киселев. – В третьем бункере их нет! Их нигде нет!

Оставалось еще три с половиной минуты динамических операций…

Я посмотрел вниз. Маше и Хрумову было не до нас – трехкратная перегрузка выжала из них все силы. А вот счетчик уже не сидел в кресле, он лежал на пульте космонавта-исследователя, и его лапы скользили над панелями…

– Товарищ генерал, это ошибка, – твердо сказал Данилов. – Даю вам слово офицера, что все проходит по плану.

На секунду мне показалось, что Киселев ему поверит…

– «Волхв», мы прерываем полет! – сказал генерал. – Через десять секунд – отделение от носителя и аварийная посадка на авиабазе Ванденберг.

– Есть, – сказал Данилов. – Но это ошибка.

Что он собирается делать?!

Я уставился на пульт. Там уже мигала красная строчка: «Внештатная ситуация. Аварийное возвращение». Три, два, один…

Команда на отделение от «Энергии» прошла, но толчка не было.

– «Волхв», что происходит? – Это снова был Гиллер.

– Земля, продолжаем полет, – спокойно сказал Данилов. – Челнок неуправляем.

– Данилов! – В эфире уже была какофония. Доносились голоса из ЦУПа; перекрывая Гиллера, вопил Киселев.

– Товарищ генерал, команды с Земли не проходят, полет продолжается согласно программе.

– Что ты сделал?

– Товарищ генерал, вы же понимаете, это невозможно! – возмутился Данилов. – Я не могу контролировать действия ЦУПа. Это ваш сбой.

Там, на Земле, явно началась паника. Вначале информация, что на борту звездолета – зайцы. Потом – челнок выходит из-под контроля.

– Земля, полет нормальный. Ждем ваших распоряжений, – издевательски добавил Данилов. Повернул голову, мрачно ухмыльнулся мне.

Я посмотрел на счетчика, продолжавшего колдовать над пультом.

Держи, держи управление, рептилоид. Совершай невозможное, своди с ума компьютеры и приемники, выполняй функции ЦУПа, вытаскивай нас на орбиту…

– «Волхв»! – снова заговорил Гиллер.

– ЦУП, мы на связи.

– После завершения выхода на орбиту оставайтесь в свободном полете. Джампер не использовать! Повторяю, джампер не использовать! Ваш рейс запрещен. Дальнейшие инструкции – после стабилизации орбиты.

– Вас поняли, Земля.

Оставалось меньше минуты. Если в ЦУПе не решили нас угробить, то должны прекратить попытки вмешательства. Мы уже не сможем вернуться, не сделав пары витков на орбите.

– Данилов! – Вновь в наушниках возник голос Киселева. – СКОБа оповещена о нерасчетной ситуации. Вас контролирует «Скиф».

Мы с Даниловым, не сговариваясь, переглянулись. Старенький лазерный спутник российской армии – штука серьезная. Если еще не заржавел окончательно, то спалит челнок в одно мгновение.

– Попытка использовать джампер вызовет адекватную реакцию, – пригрозил Киселев.

– Товарищ генерал, о чем вы!

Киселев проглотил какую-то тираду и сухо потребовал:

– Хрумова мне.

– Слушаю, товарищ генерал…

Тридцать секунд до выхода на орбиту… Толчок – это включились двигатели «Волхва», добавляя свою толику к слабеющей «Энергии».

– Что у вас творится, Петр?

– Все в порядке.

– Твой дед – на борту?

– Моего деда на борту нет, – абсолютно искренне сказал я. Видимо, настолько честно, что Киселев заколебался:

– Петр, где Андрей Валентинович и Мария Клименко?

– Где-то внизу, – покосившись на нижнюю палубу, сказал я.

Киселев вздохнул:

– Петр, происходит что-то странное. Я прекращаю ваш рейс. Ждите на орбите. Возможно, потребуются ваша стыковка с «Гаммой» и досмотр корабля. Если ситуация прояснится, вы продолжите выполнение задания.

Да уж, продолжим…

– Хорошо, товарищ генерал.

Вибрация, толчок…

– «Волхв», вы на орбите, – тоскливо сказал Гиллер. – Дальнейшая радиосвязь – со станциями СКОБы. Вы обязаны выполнять все их инструкции. Джампер не включать.

Он помолчал, прежде чем неуверенно добавить привычное пожелание:

– Удачного возвращения…

Наступила тишина. СКОБа то ли не спешила принять контроль, то ли никак не могла настроиться на корабль.

– Можно? – спросил счетчик. Уже не «снизу». Исчезли верх и низ, исчез грохот двигателей. Мы были на предварительной орбите.

Щелкнул обтекатель, и в лобовых иллюминаторах открылся бело-голубой купол. Земля. Еще не шар, уже не плоскость. Мы вырвались из плена земного притяжения, но планета была еще рядом, еще тянула нас к себе, тормозила, не желая примириться с потерей.

– Андрей Валентинович, как вы? – спросил Данилов.

Старик, привязанный к креслу, неуверенно пошевелился. Спросил:

– Все?

– Еще одна коррекция. – Данилова явно не испугал «Скиф». – Мы на высоте ста сорока километров. Здесь еще есть следы атмосферы.

– Красиво… – тихо сказал Хрумов. Наверное, о Земле, которую он впервые увидел со стороны.

Джамп – дело нешуточное. Теоретически его можно делать хоть с поверхности планеты, беда лишь в том, что тогда вместе с кораблем в гиперпространство уйдет участок планеты. Причем изрядный – с полкилометра диаметром. Планету жалко, она у нас одна. А самая большая неприятность, что в точке джампа останется полный вакуум. Эффект от взрыва, когда пустоту в таком объеме заполняет окружающий воздух, – пострашнее водородной бомбы. Неваду, при единственном наземном испытании джампера, тряхнуло так, что землетрясение, разрушившее Лос-Анджелес, показалось американцам мелкой неприятностью. А старт из верхних слоев атмосферы вызывает чудовищной силы ураганы.

– Станция «Гамма» вызывает «Волхв», «Трансаэро». Станция «Гамма»…

Голос был серьезный. Военные шутить не станут. Они застоялись, точнее – зависелись, на своих боевых станциях, отважные повелители лазерных пушек и атомных ракет. Впервые за всю историю СКОБы им представился шанс послужить человечеству.

Во всяком случае, так они считают.

– Транспортный челнок «Волхв». Выполняю рейс «Трансаэро» шестьдесят – ноль четыре, – ответил Данилов. – Земля – Джел-17. На связи командир корабля полковник Данилов.

– Доложите обстановку на борту.

– Все системы функционируют нормально, – бодро отрапортовал Данилов. – В процессе старта ЦУП пробовал прервать взлет, однако команды не прошли по неизвестной причине. Выход на предварительную орбиту осуществлен согласно полетному расписанию.

– «Волхв», вам приказано не менять орбиты.

– «Гамма», мы находимся на неустойчивой орбите. Прошу разрешения на проведение коррекции.

– «Волхв», в коррекции орбиты отказано. Включение двигателей будет рассматриваться как прямое нарушение правил безопасности.

– «Гамма», вы нас угробить хотите? – Данилов повернулся к счетчику и сделал легкий взмах рукой.

– «Волхв», ваша орбита позволит функционировать более трех суток. Оставайтесь на ней и ждите распоряжений.

– Есть, «Гамма».

После короткой паузы невидимый собеседник поинтересовался:

– Данилов, на борту челнока есть посторонние?

– Не понял вас, прием.

– Данилов, по нашей информации на борту челнока двое гражданских лиц. Подтвердите или опровергните.

– СКОБа, подтверждаю.

Я дернулся в кресле. Он что, сдурел?

– Данилов, это Игорь Устинов, – сказал СКОБист.

– Я тебя узнал, Игус, – отозвался Данилов. – Потому и сказал.

– Правильно сделал. Шурка, не дергайся, хорошо? Ты на прицеле. Будешь выходить на джамп-орбиту – я тебя сожгу. Ты меня знаешь.

– Знаю, – согласился Данилов.

– Ожидайте на связи.

Данилов отключил связь. Посмотрел на меня:

– Петр, это мой… коллега. Я его хорошо знаю.

– Сожжет? – спросил я.

– Да. И не удивляйся, что я признался. Слишком много шума. Не будь они уверены – так не волновались бы. Отпираться означало еще больше их перепугать.

– Петя… – позвал меня Хрумов. Я повернулся к нему.

На джамп-пульте, за которым сидел мой бывший дед, возился счетчик. Хрумов, запрокинув голову, смотрел на меня.

– Что с тобой, Петя? – тихо спросил он.

– Все в порядке.

– Ты даже не спросил, как я перенес старт.

– Я думаю, ты хорошо подготовлен, – сказал я. – Даже думаю, что ты регулярно тренировался. На всякий случай.

Маша, доставая из кармана какой-то флакончик, неодобрительно посмотрела на меня. Сухо сказала:

– Петр, это не мое дело, но ты не вправе так разговаривать с дедом…

– С дедом? – переспросил я.

Андрей Хрумов дернулся, как от удара. Наши глаза встретились.

– Я все знаю, – подтвердил я.

Маша протянула флакончик деду, тот машинально принял его, не отрывая от меня взгляда.

– Зачем ты это делал? – спросил я. – Зачем лгал?

Счетчик слетел с пульта, ловко приземлился на своем кресле и прошептал:

– Траектория введена…

– Ты мне двадцать пять лет врал! – крикнул я.

Данилов непонимающе уставился на нас, набрал воздуха и гаркнул:

– Отставить разборки!

Наверное, сработали какие-то инстинкты курсантских времен. Я замолчал. Дед, так и не проронивший ни слова, подрагивающей рукой поднес флакончик ко рту. Со всхлипом втянул воздух, всасывая лекарство.

– Всем приготовиться к джампу! – приказал полковник. – Потом… доругаетесь.

– Это запрещенная высота! – напомнил я.

– У нас теперь все запрещенное, – зло ответил Данилов. – Двадцатисекундная готовность.

Он снял крышку с джамп-пульта, положил руку на стартовую кнопку.

Равновесие в природе – такая хрупкая вещь. Мы уйдем в прыжок из верхних слоев атмосферы, а где-нибудь над Карибским морем возникнет сокрушительный ураган. Мы станем песчинкой, нарушившей ход отлаженных природных часов. Смертоносной песчинкой.

– Десятисекундная готовность, – объявил Данилов.

Я привык слышать гул набирающего энергию джампера, и полная тишина, повисшая в отсеке, расслабляла.

– Куда мы летим? – спросила Маша, ни к кому не обращаясь.

Ответил счетчик:

– К остаткам красно-фиолетовой эскадры алари…

За те две или три секунды, что оставались до джампа, я успел перевести цветовую кодировку алари в более привычные цифры. Четырнадцатый флот?

А почему – к остаткам?

И тут джампер сработал, разрывая мир пополам.

О-о-о…

…Слишком легко…

Приходя в себя, в полной темноте, в той болезненной пустоте, что наступает после джампа, я вдруг подумал об этом. Слишком легок он, джамп. Слишком приятен.

Мы не должны были создавать ничего подобного.

Не вправе были!

Он дает нам иллюзию могущества, прыжок сквозь изнанку пространства. Будит надежды, заставляет бросаться в авантюры. А надо тихо и послушно приспосабливаться к Вселенной, к звездам, которым мы не нужны… Человечество действительно ребенок, это не игра слов, это правда. Мы росли под бездонным небом, под черной бездной, что каждый вечер опрокидывалась над маленькой, плоской, как стол, Землей. И звезды сияли над нами, заманчивые и недостижимые, чужие драгоценности, заманчивые и недостижимые игрушки. Но мы сумели дотянуться до звезд. Рано, слишком рано. Мы коснулись их, таких манящих и желанных.

И ладони нам обжег звездный лед.

Звезды – холодные игрушки. Нам не удержать их в руках.

Но и отказаться – теперь, веря в свое величие, в свои самые быстрые корабли, – не хватит сил…

– Петр… – хрипло позвал из темноты Данилов.

Я молчал, я еще был там, где нет ни голосов, ни уставов, ни обязательных после джампа процедур реанимации корабля. В иллюминаторах медленно проступали звезды – сетчатка глаза отходила от шока, начинала видеть.

– Второй пилот!

– Второй пилот на посту… – прошептал я.

– Андрей Валентинович! – Я слышал, как Данилов возится, пытаясь открыть ящичек аварийных средств, но у меня самого сил не было вообще.

– Я жив… – с легким удивлением ответил Хрумов. – Это… это так странно…

– Мария!

– На посту… – Голос девушки дрожал, но она явно собралась. Молодец, после первого джампа некоторых пощечинами приходится отхаживать…

– Карел?

– Какая мерзость ваш джамп… – прошелестел счетчик.

Мой бывший дед закашлялся, давя смех. Все-таки ему грели душу мучения Чужого.

Данилов наконец-то достал химический фонарик. С хрустом переломил пластиковую трубку. Бледный голубой свет залил кабину.

Наши лица казались мертвенными, полупридушенными. Маша уже высвободилась из ремней, дотянулась до Хрумова и теперь тревожно вглядывалась в его лицо. Но он перенес джамп неплохо.

Я, в общем, и не сомневался. Раньше я знал, что дед всегда добивается своего. Теперь знаю, что своего всегда добивается Андрей Хрумов.

Небольшая разница.

– Проверю груз… – отстегиваясь от кресла, сказал Данилов. Что это с ним? Неужели он так беспокоится за древние бюсты? – Мы проверим… Маша, Карел, за мной.

– Но Андрей Валентинович… – запротестовала Маша.

– Петр позаботится о деде! – отрезал Данилов. – Держись!

Он прыгнул вдоль кабины, подхватил Машу за пояс. Та покорно схватилась за полковника. Вдвоем они и стали пробираться к шлюзовому отсеку. Карел секунду смотрел на меня, потом юркнул следом.

– Тактичный он человек все-таки… – прошептал мой бывший дед, когда мы остались вдвоем. – Битый, тертый, жизнью крученый-верченый… а тактичный.

Я молча помог ему расстегнуть ремни. Старик неловко всплыл над креслом, цепляясь одной рукой за высокую спинку. Огляделся, с живым интересом останавливаясь взглядом на звездах в иллюминаторах. Да, звезды красивы, когда смотришь издалека…

– Как ты узнал? – спросил Хрумов.

– В альбоме, под фотографией родителей, была вырезка. Там написано, что «известный политолог и публицист» Андрей Хрумов потерял в катастрофе всю семью. Сына, невестку и внука.

– Черт… – Хрумов потер лицо. – Да… память. Вначале она требует символов… бумажек и снимков… а потом все равно подводит.

– Я не твой внук.

– Да! Я тебя усыновил! Точнее – увнучил, по всем документам – ты мой внук. И что с того?

– Андрей Валентинович…

Он вздрогнул, словно его плеткой огрели, от этого обращения по имени-отчеству.

– Дело ведь не в том, что не ты зачал моего отца. И уж конечно, не в том, что ты меня вырастил. За это – спасибо. Дело в том, зачем я был тебе нужен. Зачем?

Старик сжался, отвел глаза.

– В твоей книжке, во вступлении… Там есть такая фраза о людях, которые бы взяли на воспитание ребенка – не из-за любви, из-за его будущей полезности. Ты ведь всегда меня учил: ассоциации говорят лишь об их авторе. Больше ни о чем.

– Врачу трудно исцелиться самому… – прошептал старик.

– Зачем я был тебе нужен?

– Чтобы в тот миг, когда мне понадобится соратник, сильный, умный и преданный человек, он был рядом.

По крайней мере – честно.

– Я не буду тебе врать. Больше не буду. Спрашивай.

Нет, не зря Андрей Хрумов держал лавры грозы правительств почти полсотни лет. Он собрался, он вступил в бой. Только на этот раз противником был я.

Ну, попробуй, старик!

– Существуют тесты, позволяющие определять интеллектуальный потенциал двухлетних детей?

– Очень мало. Мне пришлось разработать кое-что самому. – Андрей Хрумов горько улыбнулся. – Да, ты прав. Я не просто взял тебя из приюта. Я тебя выбирал. Как щенка выби-

рают. Здорового и умного. Томография, кардиограмма, анализы. Тесты. Я выбрал самого перспективного ребенка из полутора тысяч.

– Ты подлец, Андрей Валентинович.

– Да. Я подлец, потому что вырастил тебя человеком. Огранил алмаз. Ты не смог бы пробиться сам, Петр. Ты стал бы рабочим. Или фермером. В тебе было слишком мало подлости, чтобы стать хотя бы бандитом! Сейчас ты глушил бы стаканами дешевую водку или курил травку. Гробил бы свой интеллект, свою память, свою доброту, по капле выдавливал из себя человека. А Земля шла бы тем путем, что уготовлен Чужими!

– Но мой путь был бы моим путем, Хрумов! То, что ты говоришь… ведь и Чужие считают, что вправе решать за нас! Они тоже гранят алмаз! Не позволяют людям распыляться на ненужные дела!

– Мы оба – люди.

– И что с того? Ты не обязан был мне врать! Я не разлюбил бы тебя, скажи ты правду! Ты остался бы моим дедом! Понимаешь? Я стал бы космонавтом, объясни ты причину! Ты ведь все равно мог меня воспитать кем угодно! Борцом с Чужими, террористом, убийцей. Кем угодно!

Хрумов молчал.

Я отвернулся. Откуда-то ринулись слезы. Всплыли хрустальными шариками, оторвались от ресниц, повисли перед глазами, отражая ядовитый химический свет. Голубые звезды…

– Я полюбил тебя, Петя, – сказал Хрумов. – Веришь?

– Полюбил? Как удачный инструмент, к которому руки привыкли?

– Нет. Как внука. Я своего сына не любил так, как полюбил тебя.

Я молчал. Робко затеплились лампы аварийного освещения.

Не хочу сейчас света!

– Это очень просто – решиться на подлость, – тихо произнес Хрумов. – Особенно когда сам признаешь, что это подлость. Решить, что нужен наследник. Продолжатель идей. Раздать немного денег на взятки… я никогда не был бедным человеком, ты ведь знаешь. Нанять врачей, отобрать одного малыша из полутора тысяч. Власти знали… но им было плевать. Старый шумный популист сошел с ума и выбирает себе нового внука… Да, я хотел найти соратника. Просто соратника! Молодого и обязанного мне всем. Потом ты стал мне сыном, внуком, всем… Я слишком любил тебя. Я боялся признаться. Это очень сложно, решиться на откровенность… особенно когда любишь. Какая разница, в конце концов, какая разница… Я должен был сказать тебе как можно раньше. В десять, двенадцать, пятнадцать лет. Ничего бы это не изменило. Я хоть сейчас могу тебе рассказать… как бы ты отреагировал в том или ином возрасте. Но я не смог. Не сумел.

– Ты врешь, – прошептал я.

– Нет, Петя. Я никак тебе не могу доказать, что не вру. Никак. Я ведь действительно чужой тебе человек. Чужой по крови. А любовь… ее не измеришь никаким прибором. Не приложишь справку с печатью.

– Ты меня любил, потому что Земля…

– Да провались она, эта Земля! – тонко закричал дед. – В пыль рассыпься! Сгори в огне! Разве я знал, знал тогда… разве я знал…

Я дернулся, цепляясь за кресло, рывком подтягиваясь к деду. Он скрючился, закрывая ладонями лицо, но непослушные слезы, жалкие старческие слезы, сочились сквозь пальцы, искрами разлетаясь по кабине. Я усадил его в кресло и помог пристегнуться. Прижал голову к его груди, как в детстве, когда мог спрятаться от всех бед и обид на его коленях.

– Дед, прости меня…

– Петя, мальчик мой… – Он трясся от рыданий. – Я виноват, я виноват, я знаю.

– Дед, прости…

– Ты прав, я не мог, я не должен был врать. Ты не поверишь мне теперь, никогда. И будешь прав. Я слишком много говорил… о свободе… о праве быть собой. Но мы не свободны, мальчик мой. Мы рабы. Мы слуги своей любви.

– Дед, я верю тебе…

– Я слишком любил Землю. Любил наш смешной мир. И нашу несчастную страну – всегда любил больше, чем Землю. И свой дом любил больше, чем страну. Потому что только такова любовь, она складывается из малого, из частичек, из чего-то смешного и глупого, из подъезда, где первый раз целовался, из двора, где первый раз подрался, из работы, в которой нашел себя… Не свобода важна, Петя. Любовь…

Я отвел его руки от лица, посмотрел в глаза старика.

– Я люблю тебя, деда, – сказал я. – А Россию я тоже люблю. И Землю. Но это – дальше. Не плачь, пожалуйста. Сейчас Данилов с Машей вернутся…

Невольно посмотрев на люк в шлюзовую камеру, я вздрогнул. Там, сцепившись за руки, висели Маша и Данилов. Рядом с ними парил счетчик.

Давно так висят…

– Петр, начните реанимацию челнока, – сказал Данилов. И добавил: – Пожалуйста.

Я кивнул, не произнося ни слова. Плевать, что они слышали, а что нет. Главное, что дед еще плачет, промакивая слезы рукавом.

– Я мог бы сказать что-то, подобающее ситуации, – прошелестел счетчик. – И это прозвучало бы правдоподобно. Но я промолчу, ибо на самом деле не испытываю никаких значительных эмоций.

– Понимаю, – сказал я. – Вот поэтому мы сильнее вас, ящерка. Потому что всегда испытываем эмоции. К месту они или нет.

Рептилоид щелкнул челюстями.

– Я надеюсь, что в отношении нас эмоции человечества будут положительны, – сказал он. Почти просительно сказал.

– Это зависит от того, заслужите ли вы нашу любовь, – ответил я. – Но пока у вас есть шанс.

Глава 5

Челнок ожил.

В топливные элементы вернулась энергия, в компьютеры – полетные программы. Мы реанимировали корабль дружно и молча. Земля была далеко, двенадцать с хвостиком световых лет. И все корабли Земли, прекрасно зная эту дистанцию, никогда не сумеют нас найти.

Главное – направление. Это как в жизни: быстро понимаешь, как далеко может пойти человек, но никогда не знаешь, какой путь он изберет.

Оказывается, угнать звездолет – очень просто. Когда все системы начали функционировать в штатном режиме и мы вернулись по креслам – болтаться без опоры не самое приятное занятие, вопреки расхожему мнению, – Данилов с едва уловимым смущением сказал, прячась за деловым тоном:

– Мария, я должен тебя проинструктировать о пользовании туалетом…

– Спасибо, я очень подробно изучила документацию, – ответила девушка.

– Хорошо… женские насадки должны быть в контейнере над санитарным блоком.

– Я найду.

Она даже не покраснела. Нет, молодец Маша. Ей бы чуть-чуть женственности ко всем имеющимся достоинствам…

– Может быть, тогда перейдем к делам? – спросил дед. Оглядел всех, удовлетворенно кивнул. – Мы с Петей извиняемся за свою слабость… но у нас всплыли старые проблемы. Простите. Давайте теперь заниматься тем, ради чего мы стали преступниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.